

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ,
МОЛОДЁЖИ И СПОРТА УКРАИНЫ
Одесская государственная академия строительства и архитектуры

И. А. КАДИЕВСКАЯ
Е. В. КАРАНФИЛОВА

ДЕВИАНТНОСТЬ ТВОРЧЕСТВА В ОБРАЗОВАНИИ

Монография

Одесса
ВМВ
2013

ББК 74.200.Б5
К 192
УДК 373.3.015.31

К 192 Кадиевская, И.А.
Девиантность творчества в образовании
[Монография]/ И.А.Кадиевская, Е.В. Каранфилова;
Одесская гос.академия строительства и архитектуры-
Одесса: ВМВ, 2013. 208с с ил.

ISBN 978 966 413 444 3

В монографии впервые раскрывается социальное значение девиантности творчества в образовании. Систематизированы позитивные формы девиаций, реализующиеся в творчестве как нестандартное мышление и действия, выходящие за рамки социальных стереотипов. Позитивные девиации проанализированы как приоритет социокультурной модернизации и перспективная альтернатива в борьбе с деструктивными формами социальной активности.

Здесь изложены не только теоретические представления о полярной девиантности, но и примеры коррекционных средств общественного воздействия на подобные феномены.

Книга рассчитана на широкий круг специалистов в области гуманитарных наук, преподавателей, аспирантов и студентов высших учебных заведений.

Рецензенты:

Е. Р. Боринштейн, доктор философских наук, профессор, и. о. зав. кафедры философии и социологии ГУ «Южноукраинский национальный педагогический университет имени К. Д. Ушинского»;

И. Г. Мысык, доктор философских наук, профессор, декан факультета украинской филологии ГУ «Южноукраинский национальный педагогический университет имени К. Д. Ушинского».

Рекомендовано к печати учёным советом Одесской государственной академии строительства и архитектуры.

Протокол № 2 от 31 октября 2013 г.

СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

ВВЕДЕНИЕ	6
РАЗДЕЛ I. СПЕЦИФИКА ТВОРЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ: СОЦИАЛЬНО-ФИЛОСОФСКИЙ АСПЕКТ	8
1. 1. Творческая личность в социально-философской рефлексии	8
1. 2. Типология форм творческой деятельности	36
1. 3. Амбивалентные характеристики творчества	58
РАЗДЕЛ II. ДЕВИАНТНОСТЬ КАК ФОРМА ПРОЯВЛЕНИЯ СОЦИАЛЬНОЙ ТВОРЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ	74
2. 1. Методологические подходы к определению социальной девиантности.....	74
2.2. Позитивная девиация как творческий феномен.....	101
РАЗДЕЛ III. ГАРМОНИЗАЦИЯ ПОЛЯРНОЙ ДЕВИАНТНОСТИ В СОЦИАЛЬНОЙ ПРАКТИКЕ ОБРАЗОВАНИЯ	118
3. 1. Общие принципы развития креативности в образовании	118
3. 2. Преодоление проблем девиантности средствами образования.....	143
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	170
ЛИТЕРАТУРА	175
ДОПОЛНЕНИЕ	196

ВВЕДЕНИЕ

Проявления девиантности в разных видах социальной творческой деятельности непосредственно связано с практической проблемой формирования творчески активной личности, способной эффективно и нестандартно решать новые жизненные задачи.

Современные преобразования устаревшей социальной системы сопровождаются негативными процессами социального расслоения, разрушением социокультурной среды, утратой традиций, деформацией моральных и поведенческих стереотипов, дегуманизацией. В нестабильном, изменяющемся обществе сегодня отсутствует социальный консенсус, т. е. интересы разных социальных, профессиональных и даже возрастных групп не стыкуются, противоречат друг другу. Как следствие, увеличиваются девиации, проявляющиеся в поведенческих формах, отклоняющихся от общепринятых моральных норм.

В научных исследованиях, посвященных проблеме девиантности, чаще всего анализируются ее негативные проявления как разновидности патологического социального отклонения. Многочисленные исследования в области социологии, социальной философии, социальной психологии, юриспруденции, этики определяют девиантность в контексте негативных социальных явлений, направленных на сознательное нарушение общепринятых моральных норм и традиций. При этом недостаточно внимания уделяется исследованию позитивных форм девиаций, реализующихся в творческой деятельности как нестандартное мышление и действия, выходящие за рамки социальных стереотипов. В разных видах социальной творческой деятельности это проявляется в виде открытий, изобретений, создании нового продукта, новаторских подходов к решению проблемных ситуаций. В современном обществе позитивные девиации являются важным фактором социокультурной модернизации и перспективной альтернативой в борьбе с деструктивными формами со-

циальной активности. Однако данное социальное явление не исследовано всесторонне.

Особый интерес для социальной философии представляет феномен полярной девиантности, а также изучение коррекционных средств общественного воздействия на подобные проявления творческой деятельности. Исследование проблемы девиантности как формы проявления социальной творческой деятельности предусматривает поиск ответов на вопросы о сути феномена полярной девиантности, поскольку граница между позитивной и негативной девиацией достаточно условна и часто напрямую зависит от социальных норм.

В монографии впервые раскрывается социальное значение девиантности творческой деятельности. Позитивные девиации, как вид творческой деятельности, определяются в работе как фактор, способствующий прогрессивному развитию общества. Они удачно раскрывают инновационную творческую активность личности и выступают альтернативой устаревшим консервативным общественным явлениям.

В качестве эффективного способа коррекции разных проявлений девиантности, в монографии рассмотрен социальный феномен образования. Ведь сегодня основным социальным назначением современного образования является не просто подготовка профессионалов, владеющих общими и специальными знаниями, а, в первую очередь, формирование самостоятельной творчески и социально активной личности, способной к инновационной деятельности, управляющей своей творческой энергией, направляя ее в созидательное русло.

РАЗДЕЛ I

СПЕЦИФИКА ТВОРЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ: СОЦИАЛЬНО-ФИЛОСОФСКИЙ АСПЕКТ

1. 1. Творческая личность в социально-философской рефлексии

Глубокие социально-экономические преобразования, происходящие сегодня в нашей стране, предопределяют необходимость разработки теоретических основ формирования самостоятельной, инициативной, творчески ориентированной личности. Процессы реформирования общества диктуют необходимость в большей степени уделять внимание формированию творческой активности личности, обладающей способностью эффективно и нестандартно решать новые жизненные проблемы. В этой связи, актуальной является проблема изучения творческой личности в контексте ее взаимодействия с социумом. И не случайно. Ведь под личностью принято понимать человека именно в совокупности его социальных, приобретенных качеств. По мысли А. И. Кавалерова и Е. Р. Боринштейна: «Сущность личности, ее ценностная ориентация кроется в социальной среде. Социальная среда и личность постоянно находятся во взаимодействии: социальная среда воздействует на личность, формирует ее; личность, вступая в отношения с другими личностями, создает эту среду. Личность представляет собой некий феномен интенциональной направленности, поскольку каждой личности принадлежит другая личность; таким образом, осуществляется как бы взаимовлияние, целенаправленное на индивида» [34]. Ученые справедливо указывают на то, что саму личность и такую форму проявления ее деятельности как творчество необходимо рассматривать только в системе социальных связей и взаимоотношений.

Итак, личность – это человек, взятый в системе таких его характеристик, которые социально обусловлены, проявляются в

общественных связях и отношениях, являются устойчивыми и определяют его социальную активность. Сущностным показателем личности является ее способность к творчеству как к активной деятельности, направленной на создание качественно нового продукта или явления. Именно эта характеристика личности является наиболее востребованной в современном динамически развивающемся обществе.

В контексте данного исследования представляется целесообразным проанализировать логику развития различных философских взглядов на проблему творческой личности, систематизация которых могла бы привести к выделению целостных исследовательских парадигм, актуальных и для нашего времени, и стать, в конечном счете, основанием для нового философского подхода к изучению творческой личности. Широкое понимание творческой личности, рассмотрение ее в общем плане в качестве продукта развития и взаимодействия сегодня является актуальной и перспективной задачей.

Первые учения о творческой личности появились еще в античности. В работах, изучающих творчество, нередко встречается точка зрения, согласно которой творческая личность отличается особым внутренним миром, повышенной чувствительностью, даже своего рода аномальной восприимчивостью к окружающей действительности. На это обратили внимание еще Платон, Аристотель, Сократ. Последний даже приписывал управление своей духовной жизнью внутреннему голосу, «даймонию» (от греч. даймос – божество). Платон утверждал, что вдохновение – это некий мистический дух, который боги посылают избраннику, чтобы он стал пророком или поэтом. В. А. Яковлев в связи с этим отмечает: «У Платона явно видно постулирование принципа творчества как необходимого условия существования. Платон, прежде всего, выделяет философский смысл понятия творчества как некоей тотальности, связанной со всяким переходом из небытия в бытие, в отличие от обыденного традиционного понимания творчества как характеристики некоторых элитных видов

деятельности» [234]. Аристотель, исследуя психологические особенности творческой личности, отмечал, что у выдающихся людей часто наблюдается меланхолический темперамент, способствующий проявлению их таланта.

В Средние века феномен творческой личности был в значительной степени теологизирован. Крупнейший представитель схоластики – Фома Аквинский, к примеру, рассматривал творческую личность как носителя божественного, мистического начала в человеке. В эпоху средневековья творческая личность исследовалась исключительно через схоластическую догматику, а творчество в целом трактовалось как некий мистический, божественный дар. Личность творца была мало значима – он являлся лишь слепым орудием, средством реализации высшей воли. Таким образом, в средневековье само понятие индивидуальности творца практически нивелировалось.

Окончательное становление представлений о творческой личности произошло в эпоху Ренессанса. Именно в этот период в мировой культуре появляется архетип «злого гения», творчество которого является выражением его разрушительной демонической природы. Исследователь В. Сорокин характеризует специфику понимания творчества этого периода через его автономность и свободу: «Возрождение понимает творчество, прежде всего, как художественное творчество, как искусство в широком смысле слова, которое в своей глубинной сущности рассматривается как творческое созерцание. Отсюда характерный для Возрождения культ гения как носителя творческого начала по преимуществу. Именно в эпоху Возрождения возникает интерес к самому акту творчества, а вместе с тем и к личности художника, возникает та рефлексия по поводу творческого процесса, которая не знакома ни древности, ни средневековью, но столь характерна именно для нового времени» [199, с. 25-28]. Эпоха Возрождения обращается к античной традиции антропоцентризма и рассматривает личность как самоценную социальную индивидуальность, имеющую право на выбор.

Оригинальная концепция творческой личности в XVIII веке создается И. Кантом, который специально анализирует творческую деятельность через призму продуктивной способности воображения. И. Кант анализирует творчество как один из важнейших атрибутов сознания. Одной из проблем, поставленных Кантом, является проблема принципиальной неопишуемости художником и вообще неформализуемости творческого процесса в искусстве по сравнению с процессом научного открытия. «Гений, – утверждал И. Кант, – сам не может описать или научно показать, как он создает свое произведение; в качестве природы он дает правило; и поэтому автор произведения, которым он обязан своему гению, сам не знает, каким образом у него осуществляются идеи для этого, и не в его власти произвольно или по плану придумать их и сообщить их другим в таких предписаниях, которые делали бы и других способными создавать подобные же произведения» [104, с. 323-324].

Г. Гегель рассматривает творчество как процесс саморазвития, импульс которому даёт лежащее в его основании противоречие. По Г. Гегелю, объективные законы творчества преломляются через субъективность автора, труд которого есть сложный процесс создания творения из ничего – «одной из главных сторон художественного творчества является внешняя работа, так как художественное произведение имеет в себе чисто техническую сторону, входящую в некоторых отношениях даже до ремесленности... Никакое вдохновение не может достичь этой умелости, ее можно достигнуть лишь посредством размышления, рачительности и упражнения. Однако художник нуждается в такой умелости, чтобы овладеть внешним материалом и не встречать помехи в его неподатливости» [57].

К. Маркс рассматривает становление личности в результате предметно-деятельностного характера взаимоотношения человека и мира; творчеству он отводит роль разновидности деятельности. Именно с позиций деятельностного подхода в моно-

графии анализируется творчество в своих амбивалентных проявлениях.

Ф. Ницше, критикуя современную ему культуру, видел назначение творчества в преобразовании самой сущности человека. Ницше считал, что не следует ожидать исчерпывания человеческого потенциала, а необходимо создавать принципиально новую породу человека, заняться моделированием новой личности, сверхчеловека, исходя из концепта воли к власти. По Ницше, творческие личности, или представители «свободного ума» – обладатели буйного, разрушительного, «дионисийского» начала. Именно они должны «...отогнать от нас старый глупый предрассудок и недоразумение, которое слишком долго, подобно туману, непроницаемо заволакивало понятие «свободный ум» [160]. Этим людям Ницше отводил роль разрушителей старой, тормозящей развитие человечества, костной идеологии во имя создания новых условий для появления нового типа человека, свободного, творчески развитого, созидającego [160].

С интуитивистских позиций творческую личность изучал А. Бергсон. Он утверждал, что эволюция природы представляет собой постоянное рождение нового, а значит, процесс творчества спонтанен и непредсказуем. Творчество, как непрерывное рождение нового, составляет, по А. Бергсону, сущность жизни. Однако творчество рассматривается преимущественно по аналогии с природно-биологическими процессами и противопоставляется техническому рационализму. Результат деятельности творческой личности, как утверждал А. Бергсон, нечто объективно совершающееся, оно противопоставлено интеллекту, деятельность которого не способна создавать новое, а лишь комбинировать старое.

Творческая личность активно изучалась З. Фрейдом и его школой. По мнению З. Фрейда, художник – это личность, сублимирующая свою сексуальную энергию в акт творчества, в процессе которого происходит вытеснение из сознания творца

произведения социально неосуществимых потребностей и устранение тем самым жизненных конфликтов.

З. Фрейд считал концептуально важным изучать не только произведения искусства, но и личности их создателей. Творца он сравнивал с невротиком и считал, что механизмы образования невроза и произведения искусства – во многом похожи. Фактически, из его рассуждений можно сделать вывод, что произведения искусства являются защитой их автора от тяжелого психического расстройства. Ученый писал: «Наш метод состоит в сознательном наблюдении аномальных психических процессов у других людей для того, чтобы уметь разгадывать и формулировать их законы. Художник, видимо, продвигается иначе; он направляет свое внимание на бессознательное в собственной душе, прислушивается к возможностям его развития и выражает их в художественной форме, вместо того чтобы подавлять средствами осознанной критики. Так он узнает по себе то, чему мы научились у других, – каким законам следует деятельность бессознательного, но он не обязан формулировать эти законы, даже не обязан их четко понимать; благодаря гибкости его интеллекта они содержатся в его творениях в олицетворенном виде. Мы излагаем эти законы, анализируя его поэтические вымыслы, слово открываем их на основе реальных заболеваний, но, видимо, неизбежен вывод: либо оба, художник и врач, равным образом не понимают бессознательного, либо оба понимают его правильно» [215].

Огромной заслугой З. Фрейда можно считать предпринятую им попытку изучать творческую личность не только лишь в контексте деятельности общественно-полезной, созидательной. Ученый говорил о том, что творческая активность может быть амбивалентной – направленной как на созидание, так и на разрушение. Именно его исследования можно считать основой серьезного научного изучения деструктивных характеристик творческой личности.

Экзистенциализм подчеркивал духовно-личностную природу творчества. В философских произведениях А. Камю творчество осмысливается как экзистенциальная проблема личности, как бунт против абсурдности существования в действительном мире; творчество представляется ему способом преодоления абсурда [101, с. 415-471]. Ж.-П. Сартр рассматривал творчество как средство созидания собственной личности творческого субъекта.

В начале двадцатого века всесторонним изучением проблемы взаимодействия творческой личности с обществом, а также проблемой патологии творческого сознания занимался в России директор «Института гениального творчества» Г. В. Сегалин. Сфера его научных интересов напрямую касалась изучения специфики гениальности как проявления своего рода творческой «находки» вследствие психического «нарушения». Европатология или эврикопатология (от «eurico» – нахожу, и «patologia» – нарушение, болезнь) – так Г. В. Сегалин назвал ту часть психологии, которая, как он считал, должна изучать и освещать вопросы психопатологии гениев. Ученый писал: «Под «европатологией» мы понимаем всякую патологию, которая связана и сопровождается (так или иначе) с творчеством и с творческой личностью, безразлично с какой: гений, талант, вундеркинд, обыкновенный человек вдруг, ни с того ни с сего, в приступе своего безумия творящий необычайное; точно так же безразлично, какого рода творчество: творчество ли гения или таланта, или творчество душевнобольного, раз это творчество связывается с патологией. Мы выделяем такого рода творческую патологию в особую область – европатологию» [190].

Ученый долгие годы посвятил изучению родословных великих людей. Принимая гениальность как данность, он пытался вникнуть в суть ее специфики, пытался понять, почему гениальны не все, а лишь избранные, в чем сущность этого избранничества, какова обратная сторона этого явления. Он писал о том, что одаренный человек должен быть правильно оценен и ис-

пользован обществом, что на практике встречается достаточно редко. Г. В. Сегалин характеризовал одаренные личности как «категории людей, которые по существу своему обладают анти-социальными, то есть резко индивидуальными свойствами (подчас не дающими им возможности приспособиться ни к каким экономически общественным условиям), а при подавлении этих индивидуальных особенностей не может быть общественно-полезного творчества, ибо в силу только этих аномальных или даже явно патологических особенностей эти люди одарены, талантливы, гениальны, и проявляют эту энергию одаренного творчества» [191]. Проблемным узлом в постановке проблемы творчества ученый называл невозможность четко определить критерии для правильной оценки одаренности, гениальности. Исследователь был убежден в специфичности каждой отдельной формы творческого вдохновения, а также в том, что любое творческое произведение отражает собой особый творческий экстаз, и может быть исследовано только с учетом многочисленных семиотических отсылок к личности автора.

Ученый утверждал – ни один великий человек не был свободен от наследственной психиатрической отягощенности. При объяснении механизма актуализации творческого потенциала, он использовал многочисленный биографический материал из жизни великих людей. К примеру, отцовская линия Гоголя из поколения в поколение генерировала скрытые задатки литературной одаренности, которые в полной мере проявились в самом писателе. Катализатором, по мнению Сегалина, явилось пере-крещивание отцовской линии Гоголя с материнской, отмеченной психотизмом. В результате, накопленная творческая энергия отцовской линии стала активной, в полной мере проявив себя в гениальности Гоголя. Г. В. Сегалин пришел к выводу, что гениальность – это особая форма психического заболевания, когда аккумулятивная родовая энергия одаренности разряжается при помощи психической диссонанции: «...биопатологический гений (или талант, замечательный человек) является результа-

том скрещивания двух таких наследственно родовых компонентов, из которых каждый имеет свою особую квалификацию. Если один из этих двух компонентов, составляемый из родовой линии (отцовской или материнской), является линией носителей симптомов одаренности (в том или ином виде) и составляет, таким образом, линию аккумуляции одаренности, то другой компонент, составляемый из другой родовой линии (отцовской или материнской), является линией носителей симптомов психопатии (в той или иной форме)» [191, с. 28]. По Г. В. Сегалину, источник гениальности – в человеческой аномалии. Он проследил закономерность: великие люди рождаются в таких семейных обстоятельствах, где ближайшие предки или родственники – личности психопатического склада, но для Г. В. Сегалина это не отрицательный, а положительный фактор. По мысли ученого, творческая деятельность не всегда осуществляется в конструктивной форме. Творчество многогранно в своих проявлениях, поэтому столь же многогранны, зачастую амбивалентны его последствия: «творческая энергия даровитого человека есть такая же драгоценная энергия, как всякая другая. До сих пор перед этой энергией хоть и преклонялись, но мало ценили и бессмысленно хищнически эксплуатировали, а 99% этой энергии гибло и пропадало. Уродливые явления по отношению к одаренному и талантливому человеку достаточно всем известны. Никогда анархия и эксплуатация в отношении людей искусства, людей научного, технического и другого творчества не достигала таких грандиозных размеров, как в последние десятки лет» [192].

К сожалению, сегодня можно констатировать, что по прошествии почти сотни лет, отношение общества к гениальным людям не только не изменилось, но в условиях глобализации постиндустриального общества процесс отчуждения представителей так называемой «массовой культуры» и творческой элиты приобрел угрожающий характер. Проблема в том, что для социального прогресса необходимо, чтобы талантливый человек был правильно оценен и использован, однако, на практике мы зачас-

тую сталкиваемся с совершенно другим к нему отношением. Ведь творческие личности – это чаще всего категория людей, которые по существу обладают антисоциальными, то есть резко индивидуалистическими свойствами, подчас не дающими им возможности приспособиться ни к каким общественно-экономическим условиям. При подавлении этих индивидуальных способностей зачастую невозможно само творчество, так как только в силу резких аномалий или даже патологических особенностей и проявляется энергия творческих людей. Да и сами критерии оценки творчества в большей степени сомнительны и условны, так как зачастую зависят от «конъюнктуры рынка» и господствующих в обществе шаблонов и догм.

В XX веке разные грани проблемы творческой личности исследовались всесторонне и многоаспектно. Так, основа изучения специфики взаимодействия творческой личности и общества заложена в работах таких философов, как: М. А. Бердяев, А. Бергсон, Г. Гегель, Ф. Ницше, Ж.-П. Сартр, Г. В. Сегалин, З. Фрейд и др.

Социальному аспекту изучения творческой личности посвящены работы Б. С. Братусь, А. Н. Ложилина, Н. П. Францовой, Т. А. Шумилина.

Творческой личности, факторам и условиям ее формирования, характеристикам ее социального бытия посвящены работы Р. А. Балла, Л. С. Выготского, Д. Б. Богоявленской, Р. Дилса, А. Н. Леонтьева, О. И. Моткова и др.

На Украине творческая личность исследуется такими учеными, как: Е. Р. Боринштнейн, О. И. Василец, И. М. Герасимчук, С. П. Демьянчук, А. С. Канарский, В. С. Ларцев, Л. П. Мещиха, И. А. Муратова, В. А. Моляко, В. М. Николко, О. М. Рубанец и др.

Исследователями отмечается: характерной особенностью творческой адаптации личности является создание новых способов разрешения проблемных ситуаций. Это коррелирует с творческими способностями и стремлением к их реализации и это порождает специфику взаимоотношений творческой личности в социуме.

Размышляя о сложном процессе взаимодействия творческой личности с обществом, исследовательница Э. В. Снимщикова приходит к выводу: «Такая личность не просто социализируется (и самоактуализируется), а идет по пути познания и творческого поиска, происходит активное утверждение личностью своих творческих потребностей, своеобразное личностное «самостояние». Происходит не просто взаимодействие (и трансляция) с социокультурной средой, но и преобразование окружающего пространства, создание чего-то нового, уникального, «своего», аутентичного природе личности. По сути, такая личность способна выходить за пределы своего пространства, в котором она познает мир на основании интегрального живого мышления и интуиции. Личность, реализуя свою сущность, «обречена» на постоянное самосовершенствование своих личностных качеств и новых видов творческой деятельности. Она воссоздает и одновременно развивает и совершенствует себя. Этот процесс непрерывного становления – как условие ее полноценного бытия в социуме и культуре» [197].

Становление творческой личности зависит от степени и возможности проявления и реализации внутренних возможностей, то есть во многом зависит от самой личности. «Творческая личность, – как считает В. Андреев, – это такой тип личности, для которой характерна стойкость, высокий уровень направленности на творчество, мотивационно-творческая активность, которая проявляется в органическом единении с высоким уровнем творческих способностей, позволяющие ей достигнуть прогрессивных, социальных и личностно значимых результатов в одной или нескольких видах деятельности» [6, с. 98-99].

Н. В. Кичук определяет творческую личность через ее интеллектуальную активность, творческое мышление и творческий потенциал [109].

Большинство авторов соглашаются с тем, что творческая личность – это индивид, который владеет высоким уровнем знаний, имеет стремление к новому, оригинальному. Для творче-

ской личности творческая деятельность является жизненной потребностью, а творческий стиль поведения – наиболее характерный.

Можно с уверенностью констатировать – только в процессе деятельной активности формируется творческая личность. Она определяется наличием в человеке таких характеристик, как: обладание высоким уровнем знаний, стремление к новому, оригинальному и нестандартному в творческой деятельности. В тот же момент, творческая личность в меньшей степени подвержена ограничивающему влиянию социальных стереотипов, которые у нее не переходят в разряд внутренних запретов и ограничений. Поэтому она зачастую может выступать катализатором не только созидательной, но и деструктивной деятельности.

Наиболее существенным признаком творческой личности считается наличие творческих способностей, рассматриваемых как индивидуально-психологические способности, отвечающие требованиям творческой деятельности и являющиеся условием ее успешного выполнения. Творческие способности при этом связаны с созданием нового, оригинального продукта, с поиском новых средств деятельности. Творческая личность характеризуется нами именно в контексте творческих способностей.

По И. Басину, творческая личность выступает в двух видах: как актуальное Я («текущее») и как потенциальное. Актуальное «Я» формируется в каждом отдельном акте по созданию данного («этого») произведения: «здесь», «теперь», «сейчас». Потенциальное «Я» образуется в ходе функционирования актуальных «Я». Оно обобщает множество «текущих» состояний и представляет собой их динамическую структуру, хранится в памяти и неполностью реализуется в актуальном «Я». Потенциальное «Я» образует свойство, ядро психологии художественной личности [15, с. 25].

Л. А. Большакова творческие способности определяет как сложное личное качество, отражающее способность человека к творчеству в разных сферах жизнедеятельности, а также позво-

ляет оказывать поддержку в творческой самореализации другим людям. Это высокая степень увлечённости, интеллектуальной активности, познавательной самодеятельности личности [31].

О. И. Мотков под творческими способностями понимал способность удивляться и познавать, умение находить решения в нестандартных ситуациях, это нацеленность на открытие нового и способность к глубокому осознанию своего опыта [157].

Творческие способности определяются нами как способности к созданию оригинального продукта, изделия, в процессе работы над которыми самостоятельно применены усвоенные знания, умения, навыки и проявляется индивидуальность личности. Творческие способности в целом включают в себя способность творчески воображать, наблюдать, неординарно мыслить. Они являются характерным показателем творческой личности.

В. Моляко считает одним из основных качеств творческой личности стремление к оригинальности, к новому, отрицание обычного, а также высокий уровень знаний, умений анализировать явления, сравнивать их, стойкий интерес к определенной работе, сравнительно быстрое и легкое усвоение теоретических и практических знаний, схематичность и самостоятельность в работе [156, с. 56-57].

Исследователь выделяет следующие особенности творческой личности: «Человек наделен свободой выбора. Он способен выбирать намерения и цели. Может проводить отбор мыслительных операций и действий, которые совершает. Благодаря этой свободе человек становится существом созидательным.

Человек-созидатель выступает главной причиной своего поведения. Он является системой относительно самоуправляемой; источник его действия содержится, прежде всего, в субъекте, а не в объекте. Человек является созидателем, настроенным на внутреннее и внешнее развитие. Именно развитие позволяет формировать его личность и обогащать культуру. Развитие – главная цель человеческой личности. Без ориентации на рост человек, возможности которого ограничены, не имел бы шансов

продержаться и не смог бы построить своего благосостояния и благополучия, т. е. счастья.

Действия человека, особенно его мысли и действия, в большой мере влияют на то, какое место он занимает в масштабах добра и зла; под их влиянием он становится гуманным или негуманным» [156, с. 76-85].

Ученые Т. Амабайл и М. Коллинз приводят свой оригинальный перечень черт творческих личностей: «самодисциплина в части работы, способность отсрочить удовольствие, независимость суждений, терпимость к неопределенности, высокая степень автономности, отсутствие половых стереотипов, интернальный локус контроля, склонность к риску, высокий уровень самоинициации и стремление выполнять задания наилучшим образом» [125]. Своеобразие мотивации творческих личностей, по их мнению, определяется широким кругом их интересов – они открыты новому опыту и предпочитают новизну, а внутренняя мотивация у них преобладает над внешней.

С точки зрения исследователей В. П. Симонова и П. М. Ершова, главными особенностями творческой личности являются:

- нейрофизиологическая структура мозга, определяющая преобладание внутренней обусловленности над внешней (признаки самой системы);
- психологическое (энергетическое) одиночество (условия взаимосвязи системы с другими системами, социумом);
- принадлежность доминантной идее (соотношение с над-системой).

Воспользовавшись их терминологией, обозначим две разновидности потребностей (биологических, социальных, идеальных): «потребности нужды» и «потребности роста». «Эти две разновидности потребностей обусловлены диалектикой сохранения и развития, присущей процессу самодвижения живой природы, включая человека и общество. Примером нужды в сфере биологических потребностей может служить голод. Овладение уже имеющимися сведениями удовлетворит нужду позна-

ния. Потребность роста применительно к познавательной деятельности побуждает искать принципиально новое, отсутствующее в современной науке» [193].

В современной науке все значимые научные теории стремятся комплексно подойти к проблеме творческой личности, рассмотреть человека как единство биологического и социального. Актуальной была и остается проблема понимания роли, которую играют внешние (культурный менталитет, социальные отношения) и внутренние (индивидуальные социальные свойства) факторы в процессе формирования творческой личности, и от того, какой фактор ставится на первое место, зависит ее решение. Согласимся с И. Басиным, утверждающим, что «социальная роль художника регулирует творческий процесс, если она внутренне усвоена. В качестве таковой она уже выступает как компонент, осознаваемый или отчасти неосознаваемый, творческой личности автора, его художнического «Я». Она выражает отношение автора к своему профессиональному авторству, личностный смысл, который имеет для него эта деятельность. Усвоение социальной роли, когда та превращается в призвание, предполагает психологическую способность к эмпатии. В процессе вживания в социальную роль художник приобщается к социальной группе, общности» [15, с. 27]. Это значит, что творческая личность детерминирована социумом и во многом зависит от него. Создавая свои произведения, авторы сознательно или не осознавая, идентифицируют себя с адресатом – зрителем, слушателем, критиком, ценителем. Они как бы смотрят на свое зарождающееся творение их глазами, слушают их ушами и т. п. Строя художественное высказывание, автор стремится активно определить адресата, предвосхитить его «ответ» на это высказывание: и то и другое, оказывая активное воздействие на акт творчества, предполагает формирование «Я-адресата».

Согласно концепции сторонников доминирования внешних факторов (то есть социального) в человеке, творческая способность в той или иной степени свойственна всем. Она так же

неотъемлема от человека, как способность мыслить, говорить и чувствовать. Более того, реализация творческого потенциала, независимо от его масштабов, делает человека психически нормальным. Лишить человека такой возможности означает вызвать у него невротические состояния. Некоторые психоневрологи видят сущность психотерапии в излечении неврозов путем пробуждения творческих стремлений человека.

З. Ф. Байгильдин, исследуя творческий потенциал личности и анализируя диалектику социального и индивидуального в творчестве, делает вывод о том, что творческие способности – не редкий дар природы, а свойство, воспитываемое у каждого человека. По мысли автора, восприятие ценностей культуры порождает у человека сложную цепь ассоциаций, проследить которые он сам не всегда может. Культура как средство саморазвития и самореализации личности влияет и на сознательное, и на бессознательное: и на разум, и на чувства, и на волю одновременно, – и в этом проявляется универсальность культуры. Ученый считает, что любому человеку имманентно присущ творческий потенциал. Но для того, чтобы он реализовался, превратился в действительность, в творчество, необходимо наличие благоприятных специальных условий.

Проблему творческого взаимодействия человека и общества всесторонне изучает исследователь И. А. Муратова: «Людина самостверджує себе як свідому суспільна істота у практичному творенні предметного світу, в переробці природи. По-друге, творчість постає в її історичному вимірі, в суспільній зумовленості та послідовності, спадкоємності. Суспільно-історичний процес становить ту реальність, в котрій утворюються людські творчі сили і здібності, тобто процес самостворення людини. В цьому плані людина як творча істота – це історична істота, яка сама розвиває свої сутнісні сили в суспільно створюваній історії» [158].

Особенностью современной творческой личности можно назвать высокий показатель специализации и элитарный характер. Уровень силы творческой потребности и энергии, требуе-

мый для профессионального творчества, в большинстве сфер человеческой культуры таков, что за пределами профессионального творчества остается большинство людей. Поэтому часто у творческой личности имеется избыточный энергетический потенциал. Избыточный по отношению к затратам на приспособительное (адаптивное) поведение. Возможность для творчества, как правило, появляется тогда, когда человеку не нужно решать вопросы, связанные с адаптацией к окружающему миру. Развивая идею о силе творческого начала у художника, О. Кривцун утверждает, что «...в известном смысле любовь художника к творчеству есть его нелюбовь к миру, невозможность оставаться в границах этого мира» [127, с. 208]. Ученый приводит характерный пример обывательской точки зрения на личность художника, фиксирующей «странности» и «аномалии», свидетельствующие, на его взгляд, о «неустроенности» творца. В социальном пространстве творческая личность постоянно испытывает неудовлетворенность, напряжение, тревогу, обнаруживая в реальной действительности отсутствие ясности, простоты, упорядоченности, завершенности и гармонии. Такая личность чутко реагирует на противоречия, дискомфорт, дисгармонию. Это может послужить катализатором для поведения, направленного на разрушение и деструкцию. Учитывая тот факт, что проявляются эти качества будут в личности незаурядной, нетривиальной, с особым внутренним миром, то и последствия такого поведения могут быть трудно прогнозируемыми.

С помощью творческой фантазии творец устраняет в своем сознании (и в бессознательном) ту дисгармонию, с которой он сталкивается в реальности. Он создает новый мир, в котором он чувствует себя комфортно и радостно. Этот мир воспринимается обывателями неоднозначно, часто – откровенно негативно. Это основа противоречий между «творцами» и «массами». И это прямой путь к конфликту между ними. Именно в этом следует искать истоки разрушительного, деструктивного поведения,

часто сопровождающего творческую деятельность отдельных индивидов (отсюда знаменитый архетип «злого гения»).

Исследуя природу взаимоотношений гениев с обществом, Е. Сеницын, О. Сеницына приходят к выводу: «Один из удивительных парадоксов творчества заключаются в том, что для одаренной личности непризнание является не только трагическим ударом, но и стимулом скрыто необходимым, чтобы сконцентрировать психическую энергию для творческого порыва к намеченной цели. Спротивление толпы насыщает психику гения энергией и способствует выбросу на поверхность сознания того, что скрыто в глубине бессознательного» [207].

При этом сам процесс творчества и его результат доставляют творцу наслаждение и требуют постоянного возобновления. Реальные противоречия, дискомфорт и дисгармония как бы сами находят творческую личность. Это объясняет, почему творческие люди постоянно живут в двух режимах, сменяющих друг друга: напряжения и релаксации (катарсиса), тревоги и успокоения, неудовлетворенности и радости. Это отмечают в своих исследованиях многие ученые. Так, Л. П. Мещиха и С. П. Демьянчук, отмечая особое эмоциональное состояние в процессе создания нового, пишут: «Проте це зовсім не означає, що творча людина завжди повинна бути задоволена плодами власної творчості. Вона щаслива відчуттям внутрішньої сили, а результати її діяльності, навпаки, нерідко викликають розчарування. Воно буває настільки сильним, що виникає прагнення перекреслити все те, що було створено, і тільки захоплення іншими продуктами творчості є слабим дотиком до того, щоб пом'якшити це розчарування» [152]. В этом случае творчество является причиной негативных, разрушительных процессов, которые являются фатальными для самих творческих личностей.

Рассуждая о сложности взаимодействия творческой личности и общества, Е. Р. Боринштейн, А. И. Кавалеров приходят к выводу, что его необходимо рассматривать в структуре философских категорий «общее – особенное – единичное», что дает

возможность в трех уровнях «человечество – определенная общность – отдельный человек» дать наиболее полную и адекватную оценку универсалий бытия и самосознания человека. По мысли ученого, «личность имеет сложную структуру и возможны различные подходы к ее рассмотрению, которые, хотя и взаимосвязаны между собой, имеют и важные различия. Исходный момент ... исследований личности состоит не в изучении индивидуальных особенностей человека, а в анализе тех функций (ролей), которые он выполняет. Эти роли определяются: социальной структурой общества; системой ценностных ориентаций личности; различными социальными группами, в которые включен индивид; социальными изменениями, происходящими в современном обществе» [34].

Таким образом, под личностью подразумевается, прежде всего, социальная индивидуальность, объединяющая в себе как ее личностные свойства, так и общие социальные качества. Такой подход дает возможность рассматривать творчество как синтез влияния общественного и индивидуального опыта человека.

Взаимодействие общества и творческой личности разнонаправлено, многовекторно, амбивалентно. Процесс взаимодействия может носить как конструктивный, так и деструктивный характер, поэтому в творчестве может присутствовать элемент разрушения. При этом следует иметь в виду, что разрушение может выступать в качестве всего лишь переходной стадии, тогда оно принимает форму критики предшествующего состояния, а возникающее в ходе преодоления старого новое в представлении творческой личности ассоциируется с более совершенной формой бытия. Даже в радикальных формах творчества, таких как нигилизм или творчество маргинальных групп, разрушительный элемент наличествует как необходимый этап для построения нового. Иная тенденция наблюдается, когда разрушение превращается в самоцель, в таком случае творчество прояв-

ляется в своей деструктивной форме. Такое разрушение может иметь фатальные последствия для общества.

Однако следует учесть, что, во-первых, не всегда последствия творческой деятельности прогнозируемы, а между тем, они могут нести с собой угрозу для общества, во-вторых, личность не всегда осознает или не способна нести ответственность за результаты своей деятельности.

Подчеркнем: важным моментом является тот факт, что, как уже говорилось, результат творческой деятельности не всегда адекватно оценивается современниками. Так, гениальное произведение может оказаться непонятым, а сомнительное – приобрести широкую популярность. Хосе Ортега-и-Гассет в «Восстании масс» замечал, что история – это царство посредственности, а у «Человечества» заглавная только «Ч», которой украшают его в типографиях. «Гениальность в своём высшем проявлении, – утверждает философ, – разбивается о беспредельную мощь заурядности. Похоже на то, что мир устроен так, чтобы им до скончания века правил средний человек... Масса сминает всё непохожее, недюжинное, личностное и лучшее. Кто не такой, как все... рискует стать отверженным» [166, с. 426]. Поэтому, полагал он, для общества важно, каков его средний уровень. Свои рассуждения о взаимоотношениях масс и незаурядных людях философ заканчивает мыслью о том, что великими делают народы не их выдающиеся люди, а «уровень неисчислимых посредственностей». А средний уровень не может быть поднят, если нет людей гениальных, «направляющих вверх инерцию толпы». В контексте этих идей звучат мысли о том, почему признают или не признают гениев-новаторов. Почти всегда обществом высоко оцениваются только те, кто уже считается признанными классиками в своем виде творчества.

Говоря о специфичности творческой личности, Ю. Б. Борев указывает на ряд доминант, влияющих на творческий процесс. Все они являются непосредственными характеристиками личности автора. Это – склонность, как «начальная форма и

наименьшая степень предрасположенности человека к художественному творчеству» [33, с. 147], способность, которая «обеспечивает создание художественных ценностей, представляющих общественный интерес» [33, с. 147], одаренность, как «умение выбирать объекты внимания, закреплять в памяти ассоциации и связи, диктуемые творческим воображением» [33, с. 147], талантливость, как «высшая степень одаренности, позволяющая создавать художественные ценности, имеющие непреходящее национальное, а порой и общечеловеческое значение» [33, с. 148], и, наконец, гениальность – «наивысший уровень предрасположения человека к художественному творчеству, максимальные возможности художественного создания, высшая творческая способность, максимальная одаренность, умение полно выражать суть своего времени» [33, с. 148].

Ю. Б. Боров отмечает, что гений часто не уместается в свою эпоху и, как следствие, вступает в противоречие с общепринятыми социокультурными нормами. Исследуя гениальность как показатель высшего уровня творческих способностей, исследователь подчеркивает: «Гениальность (от лат. *Genialis* – обладающий гением, исключительно талантливый) – высший уровень развития способностей – и общих, интеллектуальных, и специальных. О ее наличии можно говорить лишь при достижении личностью таких результатов творческой деятельности, которые составляют эпоху в жизни общества, в развитии культуры» [33, с. 79].

Согласно Большой советской энциклопедии, термин «гениальность» употребляется как для обозначения способности человека к творчеству, так и для оценки результатов его деятельности, предполагая врожденную способность к продуктивной деятельности в той или иной области. «Гений, в отличие от таланта, представляет собой не просто высшую степень одаренности, а связан с созданием качественно новых творений. Деятельность гения реализуется в определенном историческом кон-

тексте жизни человеческого общества, из которого гений черпает материал для своего творчества» [32].

Свое определение гениальности дал Ч. Ломброзо: «Особенности гениальности по сравнению с талантом в том отношении, что она является чем-то бессознательным и проявляется неожиданно» [136]. Согласно его теории, гений по преимуществу творит бессознательно, через активность бессознательного творческого субъекта. Талант же творит рационально, на основе продуманного плана. Гений по преимуществу – креатив, талант – интеллектуал, хотя и та и другая общие способности есть у обоих.

Исследователями выделяются и другие признаки гения, отличающие его от таланта: оригинальность, универсальность, продолжительность творческого периода жизни. Среди наиболее часто упоминаемых признаков гениальности выделяются спонтанность, как следствие внесознательной активности психики; непредсказуемость поведения в типичных ситуациях; организующее воздействие мотивации, результатом чего является не только потребление, но и генерирование творческой энергии. Все эти характеристики относятся одновременно и к разряду интегративных эффектов, производимых саморазвивающимися и саморегулируемыми системами, которые составляют целостную человеческую индивидуальность.

Через категорию «гениальность» И. Кант раскрывал свое понимание эстетической деятельности и творчества, так как гений есть способность иметь не только понятие, но и представление о произведении, им создаваемом, которое выражается через субъективную целостность (свободу творчества) и эстетическую идею. Именно поэтому гений творит прекрасное и искусство, так как «для суждения о прекрасных предметах...нужен вкус, а для художественного искусства, то есть для создания таких предметов, нужен гений» [104, с. 325].

В. П. Эфроимсон в своих работах раскрывает важность врожденных свойств в формировании гениальной личности, а

также роль социальных факторов (среды). Ученый считает, что гений – это «способность к неимоверному труду, абсолютная одержимость и стремление к абсолютному совершенству» [233]. Он делит гениев на потенциальных, развивающихся и реализовавшихся, подчеркивая тем самым важность биологического, психологического и социального аспектов гениальности. Подчеркивая уникальность гениальности и несомненную значимость гения для общества, ученый пишет: «Качественная особенность реализовавшего себя гения или подлинного высшего таланта заключается в том, что он творит нечто, до него совершенно невообразимое, будь то в науке, технике или искусстве. Созданное им ни в какой мере нельзя уравновесить трудом многих тысяч «нормальных» специалистов, как нельзя в боевых действиях значение эскадренного миноносца, крейсера или линкора уравновесить сотнями или тысячами парусных судов средневековья: современный боевой корабль истратит по одному снаряду на каждого из них» [233].

«Гениальность, – считал Л. С. Выготский, – высшая степень одаренности, проявляющаяся в максимальной творческой продуктивности, имеющей для социальной жизни исключительное историческое значение. Гениальность может проявиться в самых различных областях человеческого творчества – в науке, искусстве, технике, политике. Гениальность отличают от таланта, главным образом, по степени и характеру творчества: гении являются «начинателями» новой исторической эпохи в новой области» [50]. В этом определении различают гениальность и талант, и подчеркивается продуктивность, креативность и социальная значимость гения.

Следующее звено в структуре творческой личности – одаренность. Исследователь А. М. Матюшкин в единой интегративной структуре одаренности выделяет следующие компоненты: «...доминирующая роль познавательной мотивации; исследовательская творческая активность, выражающаяся в обнаружении нового, в постановке и решении проблем; возможность

достижения оригинальных решений; возможность прогнозирования и предвосхищения; способность к созданию идеальных эталонов, обеспечивающих высокие эстетические, нравственные, интеллектуальные оценки» [147, с. 29-33].

В целом, в современной науке одаренность определяется чаще всего, как компонент природных способностей, проявляющихся в количественных и качественных характеристиках основных психических процессов, и рассматривается, как общая природная предпосылка креативности.

Исследователи В. Г. Кузнецов, И. Д. Кузнецова полагают, что «творческое отношение может быть присуще любой форме человеческой деятельности – материально-производственной, организационной, политической, научной, педагогической и др. Но в сфере эстетической деятельности творчество является средством достижения поставленной цели. Успеху в творческой деятельности способствует талант – художественная одаренность, явно выраженные способности. Однако, наличие таланта само по себе еще не обеспечивает успеха, так как способности должны быть развиты и реализованы, что требует приложения усилий, целеустремленности, работоспособности» [212]. По мысли ученых, так или иначе, искусство является для художника (художник понимается в самом широком смысле слова, т. е. как создатель, автор, творец) средством самовыражения, самореализации, общения, нравственного удовлетворения, самоутверждения. Ученые выделяют следующие черты, присущие творческим личностям:

- 1) независимость – личностные стандарты важнее стандартов группы, неконформность оценок и суждений;
- 2) открытость ума – готовность поверить своим и чужим фантазиям, восприимчивость к новому и необычному;
- 3) высокая толерантность к неопределенным и неразрешимым ситуациям, конструктивная активность в этих ситуациях;
- 4) развитое эстетическое чувство, стремление к красоте [212].

В вопросе изучения специфики творческой личности важным моментом был и остается вопрос о проблеме творческого мышления. Этот вопрос рассматривался философией и психологией разносторонне и комплексно. В советской психологии изучением креативности, творческого мышления и творческого воображения занимались такие классики психологии, как С. Л. Рубинштейн и А. Н. Леонтьев. Общим являлось выделение активности субъекта, понимание творческого мышления и воображения как активной деятельности, включающей в значительной степени использование прошлого опыта.

Согласно В. Н. Дружинину, выделяют три основных подхода к проблеме творческих и интеллектуальных способностей:

«1. Как таковых творческих способностей нет. Главную роль в детерминации творческого мышления играют мотивации, ценности, личностные черты. Интеллектуальные способности выступают как необходимые, но не достаточные условия творческой активности личности.

2. Высокий уровень развития интеллекта предполагает высокий уровень развития творческих способностей и наоборот. Творческого процесса как специфической формы психологической активности нет.

3. Творческая способность – креативность – является независимым от интеллекта фактором» [75].

Существует и другой подход к определению творческих задач, предложенный современным исследователем проблемы творчества Я. А. Пономаревым: «...класс задач, решения которых доступны машинному моделированию, не входит в класс творческих; к последнему могут быть отнесены лишь те, решения которых принципиально не поддаются машинному моделированию. Более того, невозможность моделирования решения таких задач может выступить одним из достаточно отчетливых практических критериев подлинного творчества» [171].

Исследователь Д. Б. Богдавленская подходит к исследованию творческого мышления с позиций системного подхода и

предлагает выделить в качестве единицы исследования творчества интеллектуальную активность. Выдвигая ее в качестве психологического аспекта изучения творчества, она утверждает, что «... мерой интеллектуальной активности, ее наиболее важной качественной характеристикой может служить интеллектуальная инициатива, понимаемая как продолжение мыслительной деятельности за пределами ситуативной заданности, не обусловленная ни практическими нуждами, ни внешней или субъективной отрицательной оценкой работы». Таким образом, она рассматривает творчество как «дери́ват интеллекта, преломленного через мотивационную структуру, которая либо тормозит, либо стимулирует умственные способности» [27]. Такая трактовка интеллектуальной инициативы очень точно, емко и полно отражает сущность данного явления: именно мера инициативы и определяет уровень интеллектуальной активности.

С. Л. Рубинштейн разделяет мышление на теоретическое и практическое, при этом под практическим мышлением понимается мышление, совершающееся в ходе практической деятельности и непосредственно направленное на решение практических задач. В «Основах общей психологии» нет понятия творческого мышления. С. Л. Рубинштейн дает, правда, определение творчеству как творческому воображению или как деятельности, создающей нечто новое, оригинальное [186].

Известный психолог Дж. Гилфорд считает, что творческое мышление отличается от традиционного следующими чертами. Традиционное мышление направлено на получение одного-единственного правильного решения, причем это решение типично для представителей данной культуры, а творческое мышление направлено на поиск множества решений и выбор из них наиболее нетривиальных, необычных подходов. Дж. Гилфорд выделил конвергентное (логическое, однонаправленное) и дивергентное (идущее одновременно в разных направлениях, отступающее от логики) мышления.

Дж. Гилфорд полагает, что «творческость» мышления связана с доминированием в нем четырех особенностей:

1. Оригинальность, нетривиальность, необычность высказываемых идей, ярко выраженное стремление к интеллектуальной новизне. Творческий человек почти всегда и везде стремится найти свое собственное, отличное от других решение.

2. Семантическая гибкость, т. е. способность видеть объект под новым углом зрения, обнаружить его новое использование, расширять функциональное применение на практике.

3. Образная адаптивная гибкость, т. е. способность изменить восприятие объекта таким образом, чтобы видеть его новые, скрытые от наблюдения стороны.

4. Семантическая спонтанная гибкость, т. е. способность продуцировать разнообразные идеи в неопределенной ситуации, в частности, в такой, которая не содержит ориентиров для этих идей [62].

Отдельно следует отметить такую особенность творческих личностей, как способность к «синтетическому охвату» (терминология И. М. Герасимчук). Способности к «синтетическому охвату», как показывают научные исследования, являются характерной особенностью гениев и творцов. Исследователь утверждает, что стадия синтетического охвата, когда идея охватывается и осознается единомоментно и одновременно как целое, присутствует в любом творчестве и является основой дальнейшего раскрытия механизмов способностей гениев, творческих личностей.

В своем исследовании «Особенности творчества знаменитых личностей и возможности обучения им» И. М. Герасимчук приводит любопытные данные исследований творческого процесса гениев и творцов с целью выявления в их творчестве стадии «синтетического охвата» явления и обоснования присущей им абсолютной памяти. «Синтетический охват», по ее определению, характеризуется способностью личности единомоментно охватывать большие множества (тысячи) деталей и частей, ча-

стностей явления или целые страницы произведения, симфонии и т. д. Наличие способностей к синтетическому охвату можно увидеть, анализируя воспоминания знаменитых творцов [58].

Следующей особенностью «гениев», творческих личностей, выдающихся творцов И. М. Герасимчук называет обладание памятью, близкой к абсолютной, что связано, по мнению исследовательницы, именно с «синтетическим охватом». Так, исследования показывают, что, например, Бетховен, Моцарт, Рахманинов с одного прослушивания запоминали целые симфонии и потом почти без ошибок записывали их. Рахманинов вообще мог не только письменно воспроизвести, но и сразу сыграть любую когда-то услышанную симфонию. Такой же способностью обладали Глазунов и многие другие композиторы.

Логика нашего исследования неизбежно приводит к необходимости анализировать проблемы творческой личности с учетом диалектики социального и индивидуального в процессе ее становления. Личность человека, понимаемая как его «социальное лицо», зависит как от интериоризируемых им общественных отношений и культурных воздействий, так и от личных данных индивида: эту роль выполняет понятие «индивидуальность». Личность проявляет свою индивидуальность в освоении и развитии культуры общества, нации, этноса, в результате чего и происходит превращение всеобщих, объективированных в продуктах труда, способностей в индивидуальные способности и творчество. Индивидуализация выражается в обретении и развитии человеком «Я», проявлении всеобщего в единичном, переводе сущностных сил общества в сущностные силы личности.

Множество исследований ученых посвящено сегодня тому, сколь значим общесоциальный фактор для формирования в обществе творческой личности. Ученые предупреждают, что социокультурное окружение, в целом, и образовательная среда, в частности, формируют мотивационно-потребностные установки личности в области творчества; а при не востребованности творчества социокультурным окружением, творческий потенциал

угасает и не реализуется ни в каком виде деятельности. Можно констатировать, что будущее любого современного сообщества зависит от того, в какой мере раскрыт творческий потенциал личности и какие черты определяют уровень интеллектуальной элиты будущего. В условиях очень жесткой экономической и технологической конкуренции шансами на благополучие и развитие располагают, в первую очередь, те социумы, где сохраняются и культивируются творческие способности в разных сферах человеческой деятельности – искусстве, науке, политике.

1. 2. Типология форм творческой деятельности

Способность созидать заложена в самой природе творчества в виде деятельности, порождающей качественно новый, отличающийся неповторимостью, оригинальностью и общественно исторической уникальностью продукт. Творческая деятельность – самая сложная из всех известных человеку. Ее детерминация происходит на разных уровнях: от сверхглобальных, макросоциальных и социокультурных феноменов до индивидуальных, даже подсознательных микроуровней.

Вопросы развития творческой деятельности в образовании являются актуальной темой для научных исследований и всесторонне рассматриваются в трудах известных ученых: Л. А. Большаковой, В. О. Кан-Калика, О. М. Леонтьева, А. М. Матюшкина, Я. О. Пономарева и других. В украинской науке отдельные аспекты функционирования творческой деятельности освещаются в работах С. В. Красавина, О. А. Левченко, Л. П. Мишихи, О. К. Чаплыгина и др. Однако сегодня не до конца разработана проблема критериев типологии форм творческой деятельности. В связи с этим, интересными и методологически значимыми являются попытки дифференциации творческой деятельности, представленные в работах М. Т. Братерской-Дронь, В. Кремня, О. А. Кривцуна, Т. А. Кучера, Т. Манро и др.

Следует отметить, что, несмотря на имеющийся достаточно широкий диапазон исследований творческой деятельности, проблема диагностики творческой деятельности, а также вопрос о развитии творческой деятельности в образовательной среде, является не до конца изученным. В работах по проблеме творческой деятельности почти нет материала по вопросам методики формирования креативности для развития творческой деятельности, раскрытия возможностей ее развития и актуализации. Рассмотрению именно этих вопросов будет посвящен отдельный раздел нашего исследования. Но, в первую очередь, нас интересует сама специфика возникновения, развития и функционирования социальной творческой деятельности, а также анализ ее форм.

Творческую деятельность ученые рассматривают по-разному. По определению С. О. Смирнова, творческая деятельность является средством интенсивного развития интеллектуальных возможностей и личностных качеств того человека, который учится [168].

С точки зрения В. И. Петрушина: «Творческий процесс – это деятельность человека, которая направлена на создание чего-то нового, оригинального продукта в отрасли идей, искусства, а также производства и организации. Новизна, которая возникает в результате творческой деятельности, может иметь как объективный, так и субъективный характер» [169].

Достаточно убедительно звучит определение творческой деятельности, данное В. А. Моляко, в соответствии с которым творческая деятельность рассматривается в качестве деятельности человека, в результате которой создается что-то новое, чего до сих пор не было [153]. При этом, понятие «деятельность» фиксирует специфику жизни человека, которая состоит в целенаправленном преобразовании природы и социальной действительности.

В социальной философии распространенным является понимание творческой деятельности как вида деятельности чело-

века, преобразующей природный и социальный мир в соответствии с целями и потребностями человека на основе объективных законов действительности.

Под социальной творческой деятельностью часто понимается та деятельность человека, которая осуществляется в области науки, техники, литературы, искусства и др. Однако данное определение не исчерпывает тех многообразных форм проявления, в которых она сегодня существует.

В настоящем исследовании социальная творческая деятельность рассматривается в качестве формы деятельности человека, направленной на создание качественно нового продукта, отличающегося уникальными новаторскими характеристиками, а также как сущностный показатель инновационной профессиональной деятельности. Социальная творческая деятельность представляет собой вид активности человека, направленный на создание новых общественных ценностей. Такое понимание лежит в плоскости философского деятельностного подхода, объясняющего социальную творческую деятельность в русле материально-практических, интеллектуальных, духовных операций, охватывающих внешние и внутренние процессы человеческого бытия.

Исследователи разных форм творческой деятельности отмечают, что творчески ориентированная личность, сталкиваясь с определенной проблемой, переживает какой-то внутренний толчок, мобилизацию не только интеллектуальных, но и биологических ресурсов. Творческое вдохновение – это не просто внезапное озарение, а особенный способ самоорганизации личности, для которой нет ничего важнее ее творчества. В связи с этим исследователь Т. А. Кучер отмечает: «Творча діяльність – це синтезування сприйняття, відображення дійсності, плюс задум автора (втілення власного бачення, надання йому оригінальної інтерпретації), а також процес складної чуттєво-мисленнєвої переробки отриманого внаслідок активного відбору різноманітного матеріалу завершується виявом творчою

особистістю самої себе через предметність. Без суб'єктивності процес відображення дійсності був би механічним копіюванням, простою репродукцією» [129].

Стимулом к творческой деятельности служит проблемная ситуация, которую невозможно разрешить на основе имеющихся данных традиционными способами. Оригинальный продукт деятельности получается в результате нетрадиционной взаимосвязи элементов проблемной ситуации, привлечения неявно связанных элементов, установления между ними новых видов взаимозависимости, что и является показателем истинного творчества.

Исследуя специфику социальной творческой деятельности, С. А. Букш утверждает: «Творческая деятельность направлена на достижение таких задач, для которых характерно отсутствие в предметной области не только способа решения, но, главное, отсутствие знаний, необходимых для разработки постулатов, аксиом, теорий, прогнозов, способствующих совершенствованию системы управления общественными процессами и прогресса науки и культуры» [38, с. 13].

В научной литературе деятельность человека рассматривают с самых разных позиций. А. Н. Леонтьев, например, считает, что отдельные конкретные виды деятельности можно различать по какому угодно признаку: по их форме, по способам их осуществления, по их эмоциональной напряженности, по их временной и пространственной характеристике, по их физиологическим механизмам [133].

Объективное сознание деятельности, по мысли исследователя, прежде всего, составляет непосредственную основу творческой сущности человека. Сознательная деятельность человека представляется как процесс избирательного отражения объективных условий жизни. Деятельность самого индивида или индивида в коллективе обуславливается объективными обстоятельствами, вследствие чего проявление объективного в деятельности носит творческое начало субъективного. Творческое

начало, вносимое человеком в мир, заключается в некоторых всеобщих моментах любой практической и познавательной деятельности.

Н. С. Злобин определяет характеристикой творческой деятельности анализ социальных действий индивида. По его мнению, «источник нового в целеполагании – в выборе цели, выражении плана действий и выбора средств. В такой ситуации субъект опирается на социально природные нормы, руководствуется собственным пониманием ситуации» [87].

Понятие творческой деятельности всегда относительно. Бесспорно, что творческая деятельность есть одновременно и наиболее активная деятельность. Возникающее новое рядом со старым, создаваемое в процессе творческой деятельности, по сути, более совершенно по сравнению с предыдущим. Новое не только добавляется к уже имеющемуся, но и вытесняет старое. Таким образом, можно говорить не только о воспроизведении, но и уничтожении уже сделанного. Поскольку это разрушение является новой формой деятельности, то оно логически подпадает под понятие творчество, которое в таком случае, должно быть определено амбивалентно.

Предпосылками творческой деятельности являются гибкость мышления (способность варьировать способы решения), критичность (способность отказываться от непродуктивных стратегий), способность к сближению и сцеплению понятий и целостность восприятия. Результат социальной творческой деятельности – выраженный в объективной форме ее продукт, имеемый, в зависимости от его характера, научным или научно-техническим результатом, достижением, знанием либо изобретением, промышленным образцом, товарным знаком, производением науки, литературы или искусства. Всем результатам творчества свойственна новизна или оригинальность их существенных элементов.

Исследователь О. Одинец выделяет следующие элементы структуры творческой деятельности:

- «- постановка проблемы;
- актуализация необходимых знаний, которая нужна для созревания идеи;
- инсайт;
- специальные наблюдения и эксперименты, также систематизация в виде гипотез и выводов;
- оформление идей (замыслов) в виде предметных структур;
- проверка специальной и особой значимости продукта творчества» [165, с. 146-147].

В зависимости от видов материальной и духовной деятельности, принято различать и виды социальной творческой деятельности. Обычно основными ее видами называют научную, техническую и художественную творческую деятельность. В свою очередь, каждый из этих видов включает в себя множество разновидностей, которые предопределяются многообразием материальной и духовной жизни, а также различием интересов и профессиональной направленностью субъектов творчества. Например, техническая творческая деятельность связана с преобразованием, прежде всего, материального производства. Данный вид деятельности направлен на «производство нового знания, которое, получая социальную апробацию, входит в систему науки» [213, с. 187]. Такой вид творческой деятельности – стержень и двигатель технического прогресса, предпосылка возникновения новых научных идей, поиска инновационных технических решений, практической реализации материально-вещественных результатов человеческой деятельности. Конечно, любой вид творчества выступает как деятельность, направленная на созидание качественно новых материальных и духовных ценностей. Однако, при всем сходстве с другими видами творчества, техническое творчество специфично, результатом его является технический объект. Суть новаторского смысла в технике формируется на основе понятия изобретения. Иначе говоря, техническое творчество одновременно и духовно, по-

скольку имеет место технический замысел, и материально, поскольку это творчество направлено на построение технического объекта, его конструирование. Интеграция науки и производства ведет к тому, что техническое творчество приобретает характер научного исследования, а научное творчество все в большей степени опирается на технические средства моделирования, экспериментирования, опытно-конструкторской разработки.

Природа научного творчества раскрывается «на основе трактовки науки как ряда сменяющих друг друга и объединенных исторической связью систем знания, опредмечиваемых в системах деятельности общественного субъекта» [213, с. 187]. Исследователи проблем научной творческой деятельности указывают на тот факт, что она требует определенной культурно-ценностной ориентации личности, инкорпорирования ей особых способов восприятия деятельности и реализации своих внутренних возможностей. Она ориентирована, прежде всего, не на приспособление к сложившимся конкретно-историческим установкам, а на их преобразование.

Среди разработок по вопросам творчества большой интерес в плане их использования учеными в своей деятельности представляют исследования, посвященные стимулированию научного творчества. Проблема стимулирования творческого процесса имеет выход в широкий спектр социальных факторов. Отмечая необходимость мотивации для творческой деятельности ученых, исследователь Я. А. Пономарев указывает на то, что в первую очередь «надо постоянно повышать творческий потенциал ученых. Для этого необходимо целенаправленно формировать творческих работников науки, осуществлять рациональный отбор кадров, создавать наиболее благоприятную мотивацию творческой деятельности, отыскивать средства, стимулирующие успешное протекание творческого акта, рационально использовать современные возможности автоматизации умственного труда, приближаться к оптимальной организации творческих коллективов и т. п.» [171].

Изначальной сущностью человека, как известно, является творчество или творчество в труде. Труд является одним из показателей человеческой личности. Как отмечают исследователи П. В. Алексеев и А. В. Панин: «Труд должен быть не только и не столько средством к жизни, сколько ее сущностью, процессом, в котором человек полностью и всесторонне развивает свои склонности и задатки. Стимулом к труду должно быть не внешнее принуждение, в том числе и стремление к заработку, а прежде всего глубокая внутренняя потребность в творчестве. ... Если бы труд был свободным, человек наслаждался бы жизнью. Творчество становится активным фактором труда и всей человеческой жизни. В обществе будущего мерилom производимого богатства должна стать степень развития и применения человеческих способностей, знаний, науки» [2, с. 254-255].

Сегодня в условиях стремительного развития общества актуализируется проблема новизны в научном творчестве. Открытие является всегда продуктом научного и инженерного творчества. В индивидуальном плане научный поиск может быть результативным лишь в том случае, если субъекту исследования присуща ориентация на новизну, стремление выйти за рамки наличных концепций. Но для этого ученый или изобретатель должен обладать творческим интеллектом. Таким образом, творческий стиль мышления выступает как условие эвристического процесса.

Известно, что, когда новый экспериментальный материал не укладывается в рамки научных теоретических схем и в науке возникает проблемная ситуация, решающее значение приобретает творческий стиль мышления. Обладающие им ученые проявляют решительность замахнуться на якобы достроенное здание науки, поколебать устоявшиеся концепции, и их новаторский подход вызывает в науке смену парадигм. Характерным примером служит открытие вначале XX века теории относительности А. Эйнштейном, буквально перевернувшее с ног на голову всю науку. «Наибольшая трудность открытия, – справед-

ливо писал Дж. Бернал, – заключается не столько в проведении необходимых наблюдений, сколько в ломке традиционных идей их толкований» [21, с. 34].

Проводя анализ роли и значения технического творчества в современном обществе, исследователь В. Шубин констатирует, что наступление постиндустриальной эпохи с тотальным господством техники во всех сферах человеческой жизни и культуры, возрастание ответственности ученых и специалистов за результаты своей деятельности требуют переосмысления философских проблем техники и технического творчества. По мысли исследователя, современная инженерная деятельность отчуждена от человеческих целей и носит преимущественно дегуманизированный характер. Кризис инженерной практики и инженерного образования – это кризис традиции рассматривать человека не как цель, а как средство, так как длительное время задачей высшей технической школы было не развитие личности и формирование ее культурного пространства, а подготовка специалистов. Чисто функциональный подход к человеку, как к производительной силе и носителю профессии, неизбежно порождает такое же функциональное отношение к природе, как к сырьевому ресурсу.

В созидании материальных ценностей, в том числе средств техники, особая роль принадлежит инженерно-техническим работникам. Именно инженер придает окончательную форму идее, в соответствии с которой, впоследствии создают вещь, материальную ценность. Вещь адресована человеку, а, значит, адресована ему и инженерная мысль. В этом смысле научная деятельность, как правило, отличается от инженерной, так как ставит задачу получения научной истины, которая безотносительна к человеческим интересам. То есть инженерная идея и деятельность по ее выработке всегда должна учитывать интерес, потребности человека, которым должна удовлетворить создаваемая вещь. Смысл и назначение инженерной творческой деятельности – творить культурные ценности, отвечающие жизненным

интересам людей, гармонизация мира насыщенного машинами, гуманизация техники.

Современное общество выдвигает перед исследователями в этой области комплекс практических задач. Сегодня важным заданием системы образования является постоянное повышение творческого потенциала будущих специалистов. Для этого необходимо целенаправленно формировать творческих работников, осуществлять рациональный отбор кадров, создавать наиболее благоприятную мотивацию творческой деятельности, развивать в процессе обучения творческие способности и раскрывать творческий потенциал.

В качестве разновидности технического творчества мы выделяем дизайн. Для его определения воспользуемся характеристикой Ю. Б. Борева: «Дизайн – это художественное проектирование и процесс промышленного производства полезной и красивой вещи; главная и наиболее развитая сфера эстетической деятельности человека вне искусства (в индустриальной и технической сфере); изготовление промышленностью продуктов с учетом их пользы, удобства и красоты; предметный мир, создаваемый человеком средствами индустрии по законам красоты и функциональности» [33, с. 34-35]. Ученый, на наш взгляд, удачно определяет дизайн как промышленный вид эстетической деятельности, гуманизирующий орудия, продукты производства и окружающую среду и порожденный потребностями массового производства и потребления, развитием автоматизации и стандартизации.

Однако следует отметить тот факт, что созданная внешняя среда далеко не всегда отвечает интересам человека, более того, в современном обществе сложилось и существует явное противоречие. В результате инженерно-технической деятельности (по природе творческой и, в этом смысле, представляющей культурный феномен) существует техническая среда, которая является элементом общечеловеческой культуры, но вместе с тем, находится в антагонизме с этой культурой и интересами человека.

В наше время проблема морально-этического аспекта научного творчества является одним из концептуальных вопросов стратегии современной цивилизации. Прогресс науки является своего рода катализатором, который выявляет как преимущества, так и недостатки современного общества. Вся история XX века свидетельствует, как легко достижения гения можно превратить в разрушительную силу, которая ставит под угрозу существование всего человечества. В известной работе «Научная мысль как планетарное явление» В. И. Вернадский, подчеркивая определяющую роль науки в современном культурном процессе, предупреждал, что границы принципиально нового человека должны закладываться новой этикой, неотъемлемо связанной с научным творчеством [47].

Исследуя проблему морального аспекта научного творчества, М. Т. Братерская-Дронь приходит к выводу, что «моральный аспект наукової творчості набуває подальшої актуалізації, коли ми розглядаємо науку як один із чинників процесу глобалізації. Наука безпосередньо не пов'язана з національними традиціями, як, наприклад, мистецтво. Мова наукових знань інтернаціональна, точніше, наднаціональні її критерії, досвід і практика. Наукові відкриття та досягнення, в прямому розумінні, рушають державні кордони, сприяючи максимальній інтеграції людської спільноти: це єдина комп'ютерна мережа і глобалізація енергосистем, телефонний та телеграфний зв'язок і т. ін.» [35, с. 120].

Художественной творческой деятельности принадлежит важнейшая роль в отражении действительности – литературные, музыкальные и другие шедевры воссоздают окружающий мир и самого человека в художественных образах, существенно влияя тем самым на мировоззрение людей. Художественное творчество свойственно человеку, и свобода творчества является одним из его неотъемлемых атрибутов. Посредством художественного творчества человек выражает себя как уникальную свободную личность.

Очевидно, что художественное творчество не происходит вне времени: человек-творец является продуктом социальной среды, общественно-экономических, политических условий, уровня культуры, географического положения, всей группы действующих эстетических принципов.

Художественная творческая деятельность всегда рассматривалась как одна из высших (наряду с научной, философской) форм духовного освоения мира. Её важнейшей отличительной особенностью, по сравнению с научным и техническим творчеством, является чувственно-образный (а не понятийный) характер: чувства и образы составляют основной материал, с которым работает творец, а потому и адресатом воздействия искусства выступает не столько разум, сколько эмоции и чувства человека.

В широком смысле художественную творческую деятельность можно определить как деятельность, присущую в той или иной степени всем видам человеческого бытия. В концентрированном своем качестве она выражается в создании произведений искусства. Творчество – образное отражение объективного мира, его осмысление. Художественное творчество внутренне связано с сотворчеством читателя, слушателя, то есть предполагает восприятие искусства как формы коммуникативной связи, средства общения между людьми. Ю. Б. Борев, характеризуя процесс творческого восприятия произведения искусства с позиций рецептивной эстетики, утверждает: «Художественное произведение не равно себе. Его текст не меняется, но смысл изменчив. Смысл произведения – результат взаимодействия опыта читателя (слушателя, зрителя) и автора... Смысл произведения рождается в акте рецепции и потому исторически изменчив и зависит от эпохи, от индивидуальности воспринимающего и его принадлежности к той или иной рецептивной группе. Другими словами, опыт читателя имеет три важнейшие характеристики: историческую, групповую и индивидуальную. Ими определяется не только смысл, но и сам онтологический статус произведения (его социальное положение, рейтинг, бытие в обществе). Исто-

рическая изменчивость смысла и онтологического статуса произведения – закономерность художественного процесса» [33, с. 29]. Это объясняет сложный и неоднозначный процесс взаимодействия художественного произведения с реципиентом, его приятие или неприятие, его востребованность, его оценку. Тут следует искать истоки и причины амбивалентности творчества.

Структура художественного творчества очень многообразна и сложна. Но, так же, как и в научном творчестве, в нем можно вычленил наиболее общие принципы, закономерности, без которых немисливо художественное освоение мира, немисливо возникновение такой неповторимо специфической формы духовной культуры как искусство. По мнению Е. Г. Яковлева, «принципы художественного творчества обладают своей непреложной логикой, они необходимы как методологическое основание существования искусства. И как бы индивидуальна, неповторима не была жизнь художника, она неизбежно подчиняется законам творчества» [234, с. 280].

Исследуя вопрос дифференциации творческой деятельности, представляется целесообразным упомянуть об теоретических изысканиях современного американского ученого Томаса Манро. По мнению исследователя, видами искусства следует считать не только литературу, театр, живопись, музыку, но и животноводство, пластическую хирургию, косметику, парфюмерию, кулинарию, виноделие, гастрономию, моделирование одежды, парикмахерское дело и др. Всего он насчитывал около 400 видов искусства. Ученый полагал, что современный человек во многих сферах своей жизнедеятельности создает столь совершенные образцы, что они обретаю выразительность и даже художественное значение. Т. Манро называл видами искусства целесообразную и утилитарно организованную трудовую деятельность, подчиняющуюся законам красоты. К видам творческой деятельности он относил также сферу этикета, быта, научного творчества, спорта, обрядов, карнавалов, праздников, массовых действий, игр. Теория Т. Манро мало разработана, но

сфера затронутых проблем достаточно оригинальна и имеет тенденцию для дальнейшего изучения.

Разграничение сфер влияния различных видов творчества, закрепленное в специальных институтах, регламентирующих их функционирование и развитие (система образования и воспитания, право, творческие союзы и др.), не только не исключает, но, напротив, предполагает взаимодействие всех видов творчества: например, на стыке научного и технического творчества возникает научно-техническое творчество; своеобразный синтез художественного и технического творчества представляет собой дизайн. Каждый вид творчества включает подвиды. В искусстве – это роды и жанры, в науке – различные сферы и типы исследования, в технике – изобретательство, конструирование и др.

К особым разновидностям творческой деятельности можно отнести политическое, правовое, педагогическое творчество, связанное с соответствующими социальными институтами.

Особый интерес для нашего исследования вызывает позиция В. Г. Кремня, который к особому виду творческой деятельности причисляет военную деятельность. С точки зрения исследователя, творчество в военном деле, как и в других сферах деятельности, выступает в двух основных видах: создании новых явлений, законов, о которых ничего не было известно раньше (научное творчество), и создании нового, то есть конструкторская, изобретательская, преобразующая деятельность. Оба этих вида творчества в военной практике тесно переплетены, нередко слиты в одном процессе деятельности человека. По мнению ученого, творчество в военном деле можно определить как «сложный процесс познания законов войны и вооруженной борьбы и создания принципиально новых образцов оружия и боевой техники, способов их применения» [126, с. 402]. С точки зрения исследователя, в военном деле творческая деятельность проявляется в активной деятельности работников военной промышленности, инженерно-технического состава, командиров, военнослужащих. В процессе военной творческой деятельности

рождаются новые образцы военной техники, замыслы и планы предстоящих сражений, изыскиваются пути в решении сложных задач управления войсками, разрабатываются и внедряются новые способы и формы вооруженной борьбы с учетом конкретной общественно-политической ситуации.

Исследователи Н. Тарадюк, А. Бляшевская, вполне обоснованно, на наш взгляд, в качестве самостоятельного вида творческой деятельности выделяют педагогическое творчество как явление педагогики, в котором выявляется высокоэффективное переосмысление и обогащение педагогической теории и практики в соответствии с потребностями времени, личностными и общественными потребностями; организация и обеспечение оптимальных условий для развития творческой активности учителя и творческого потенциала учеников, эффективное использование педагогического инструментария, нестандартный подход к пониманию и реализации образовательно-воспитательных стратегий [208].

Творческая активность, как органичный компонент творческого саморазвития, действительно находит современное обоснование в научной педагогической теории и практике. Рассматривая творческую активность как особую характеристику процесса обучения, можем констатировать – эффективность образовательной деятельности во многом зависит от того, насколько в ней развиты основы творческой деятельности.

Сама творческая деятельность – процесс многоуровневый. С. О. Смирнов выделяет два уровня творческой деятельности: эвристичный и креативный. «Первый имеет эмпирический характер, второй – теоретический. Оба уровня важны для человека и должны быть усвоены теми, кто учится. Но усвоить их одинаково хорошо может не каждый человек; обычно у индивидуума оказываются способности к какому-то одному уровню. Однако, организовывая учебную деятельность, необходимо привлекать тех, кто учится, к творческой деятельности обоих уровней» [168, с. 6].

Для наиболее полной характеристики особенностей социальной творческой деятельности, целесообразно соотнести ее с такими сферами бытия как личность, мастерство, природа, красота и общество.

1. Творческая деятельность и личность. Благодаря творческой деятельности личность выходит за рамки создания только технически необходимой продукции. Она создает нечто новое, то, что ранее не существовало – ее творения уникальны, как и она сама. С течением времени менялся теоретический подход к творческой деятельности, но само это явление всегда позволяло личности самоутвердиться в качестве творца. В этом плане творческая деятельность помогает человеку реализовать свой внутренний потенциал и раскрыть свои индивидуальные возможности созидания.

2. Творческая деятельность и мастерство. Труд, навык, профессионализм остро необходимы для творческой деятельности. Мастерство творческой деятельности состоит в постоянном поиске всевозможных новых связей – структурных, словесных, графических, позволяющих получить новый общественно значимый продукт. В распоряжении творца находится целый арсенал современных средств и теоретических положений, а в процессе создания им нового произведения достижения прошлого (основа творчества) начинают преломляться таким образом, что обеспечивается индивидуальный характер произведения.

3. Творческая деятельность и природа. Традиция видеть в природе основу, образец и материал для творческой деятельности, идет со времен Античности. На протяжении веков сложились различные позиции в отношении художественной творческой деятельности к природе, которая сама является «творцом». Творчество растет, развивается, претерпевает различные изменения параллельно с природой, по аналогии с ней. И это не имитация природы, не тиражирование и воспроизведение, а использование таких путей развития, которые, преломляясь в творческой деятельности, останутся по-прежнему природными

путями, и в то же время уже не будут самой природой. В творческой деятельности природа воспринимается как источник роста, зарождение расцвета, мощный импульс для творения нового.

4. Творческая деятельность и красота. Известно, что человек творит, находя в предмете внутренне присущую ему меру (природные качества предмета, сообразованные с человеческими потребностями). Творческая деятельность в соответствии с мерой вещей рождает и чувство красоты, а также способность наслаждаться ею, и создает эстетические изделия с их ценностью и красотой предметов окружающего мира. Тем самым в процессе своей деятельности человек выявляет и создает законы красоты.

5. Творческая деятельность и общество. Сложным взаимоотношениям творческой деятельности и общества посвящено немало исследований. Несовпадение целей общества и творчества всегда осознавались в философии как острая и углубляющаяся проблема. Высказывались идеи, что выигрывая в процессе материально-технического развития в качестве рода, человек проигрывает в качестве индивидуальности. Исследователями неоднократно отмечалось, что усиление специализации в сфере производства приводит к тому, что личность, добиваясь совершенства своего частного дела, утрачивает сознание непосредственного единства с целым, то есть, опосредованно, с обществом. Отсюда вывод, что творческая деятельность благодаря своим особым возможностям оказывается для современного человека тем барьером, который разделяет его с обществом.

Рост технического совершенства, улучшение материальных условий жизни человечества – закономерный и естественный процесс, однако в результате этой тенденции, человек зачастую утрачивает целостность своего духовного бытия, полностью отношений с миром, что зачастую приводит к расщеплению сознания и конфликту с обществом, и, как следствие, к различным негативным отклонениям в поведении.

Интересные идеи, продолжившие изучение причин противостояния творческой деятельности и общества, выдвинул Освальд Шпенглер в работе «Закат Европы», где символом судьбы культуры и свидетельством социокультурных изменений выступает творческая деятельность. Отношения между цивилизацией и культурой, по О. Шпенглеру, является основной пружиной всех исторических коллизий и превращений. Рождение каждого нового этапа развития культуры связано с наличием сильных продуктивных идей, которые эпоха приемлет как безусловные, в которые она верит и которые придают ей динамику и жизненность. Пока эти ценности, или «душа культуры», животворны, эпоха активно плодоносит, создает грандиозные произведения в разных видах творческой деятельности – искусстве, науке, философии. «Начало конца» каждого эпохального цикла знаменуется тектоническим сдвигом: на смену бескорыстному идеалу приходит корыстный интерес, бескорыстные порывы духа замещаются прагматическим потребительским сознанием. Таким образом, каждая эпоха, когда в ней изживается вера в первоначальный формирующий дух, изначально признававший смысл и ценность этой эпохи, прodelывает траекторию от культуры к цивилизации [228, с. 33-34]. Движение к стадии цивилизации, по его мнению – судьба каждой культуры. Искусство на той стадии, когда наступает господство цивилизации, становится спортом. Таким образом, чем выше цивилизационный уровень общества, тем ниже культурный. С наступлением цивилизации утрачиваются приемы художественной выразительности и получают распространение формы, лишённые внутреннего оправдания. Расцветает «искусство мирового города» как предмет роскоши, как спорт, как привычка. Меняющиеся моды стилей образуют яркую панораму, но в этом обновлении, смещении и надуманности утрачивается их символическое значение [127, с. 131].

Во многом перекликаются с О. Шпенглером идеи Н. А. Бердяева, который исходил из идеи, что подлинная творческая деятельность по сути своей, аристократична. То, что в XX веке

произошла демократизация культуры, распространение искусства среди масс, вхождение масс в культуру, изменило, по мнению Н. А. Бердяева, сам уклад жизни и сделало невозможным сам процесс творческой деятельности. Самая губительная тенденция, с точки зрения ученого, – всеобщая массовость процессов и явлений, поглотившая высокую область творческой деятельности. Человек как индивидуализированное существо перестает быть темой искусства, он поглощается социумом. Н. А. Бердяев повторяет, что «культура не есть осуществление нового бытия, она есть осуществление новых ценностей» [19, с. 60]. Когда же прогресс человека отождествляется с прогрессом общества, тогда культура терпит фиаско. Н. А. Бердяев противопоставляет цели культуры целям цивилизации и утверждает, что искусство расцветает в том обществе, где невысок уровень развития материальной цивилизации. Как и О. Шпенглер, Н. Бердяев считал, что творческая деятельность и цивилизация – несовместимы и антагонистичны.

О предназначении и роли творческой деятельности в связи с цивилизационным развитием рассуждает в своей работе «Наука как призвание и профессия» М. Вебер. Главный вопрос, волновавший философа, – в какой мере развитие науки имеет смысл, выходящий за пределы чисто практической и технической сферы? И как процесс развития науки сказывается на духовном состоянии человека вне тех конкретных результатов, которые несет за собой научно-технический прогресс? В связи с этим М. Вебер цитирует Л. Толстого, считавшего, что всякая наука лишена смысла, если не дает ответа на главный онтологический вопрос о смысле человеческого бытия [44].

Как уже отмечалось, творческая деятельность – это результат сложнейшего процесса взаимодействия индивидуального и социального. Человеческая деятельность а priori не является творческой, но становится творческой тогда, когда порожденный ею результат оказывается новым не только для самого субъекта деятельности, но и социально новым, что означает

преобразование (в большей или меньшей степени) одной из парадигмальных социокультурных систем. Момент преобразования, таким образом, становится неперенным атрибутом творческой деятельности. Результат человеческой деятельности называют творческим уже после того, как фактически момент творчества случился. Социальная адаптация к новому результату является одновременно социальным осознанием произошедшего преобразования.

Как известно, новая идея, однажды родившись, проходит долгий и сложный путь к моменту обретения социальной значимости и, затем, к социальному признанию, после чего творческая находка (новая идея, новое произведение, новый метод) становится общим достоянием и переходит в массовое использование, превращается на какое-то время в эталон, стереотип «творческой деятельности»: появляются «творческие сюжеты», «творческие темы» и т. д.

В современном обществе, с появлением массовой трансляции, расширением возможностей репродукции и тиражирования, многократно увеличиваются возможности стандартизации творческой деятельности – гораздо быстрее происходит социальное освоение нового результата, скорее складывается «творческий стандарт»; социум становится более подготовленным и привычным к новизне, и творчеством может стать только более значительная новизна. Вместе с тем изменяются условия для существования творческой деятельности – она становится более массовой, творческие подделки имеют большее распространение, хотя существуют в течение меньшего времени.

Оценивая новые технические возможности, умножающие богатство выразительных средств творческой деятельности, ускоряющие способы распространения результатов творческой деятельности по миру, следует отметить, что современные технологии порождают новые способы бытия и функционирования творчества в XXI веке. Значительно облегчаются возможности

коммуникации, все большее количество людей оказывается вовлеченным в творческую деятельность.

Многочисленные исследования социальной творческой деятельности свидетельствуют, что ее развитие в XXI веке принципиально отличается от аналогичного процесса других эпох: старая парадигма человека претерпевает кризис, а творчество впервые в истории не предлагает новой актуальной концепции мира и личности. Современной творческой деятельности зачастую присущи коллажность, ассоциативность, аллюзивность, эклектизм и утверждение надличностных целей человеческого существования. Исследователи говорят о новых тенденциях в творчестве, проявляющихся в отсутствии твердых канонов, приемлемости любых традиций и форм, изменении поля традиционных представлений в творческой деятельности и ее восприятии. Кризис всех современных парадигм бытия человека пока не сопровождается созданием новой культурной матрицы, а без нее невозможно создание шедевров всемирно-исторического значения. Это относится абсолютно ко всем видам творческой деятельности человека. Многие ученые склонны видеть в этом явлении глобальный кризис человечества, бессилие культуры, не способной выработать современную систему ценностей, которая смогла бы определить пути и цели движения мирового общества.

При этом уместным будет упомянуть о взаимодействии творческой деятельности с наукой и техникой, влиянии на нее электронных средств, интернета и средств массовой коммуникации. Интернет – универсальная культурная память и тотальное электронное средство доставки любой информации до реципиента. В современном обществе наблюдается всеобщая зависимость творческой деятельности от средств ее передачи. Особое значение приобретает концепция «мозаичности культуры» эпохи массовой коммуникации. Согласно этой концепции, реципиенту достаются не знания, а случайные осколки знаний и оценок. С помощью этого информационного хаоса ведущие

массмедиа, выполняя социальный заказ тех или иных сил, манипулируют общественным сознанием. Остается только надеяться, что активное «творческое меньшинство» сможет увлечь своими идеями «инертное большинство» и не позволит творческой деятельности превратиться в банальный способ обогащения.

Очевидно, что социальная творческая деятельность невозможна без интеллектуального конструктивного феномена – продуктивной основой создания ее фундаментальных понятий, идей, образов, интегральных моделей, теоретических концептуальных задумок, творческих форм перехода от теории до новых форм практики, являются полученные знания. Поэтому, проблемно-поисково-продуктивные вопросы образования являются особым типом интеллектуальной деятельности, эвристическим способом радикальной смены научных знаний и мировоззрения. На наш взгляд, система образования может и должна стать тем проводником, который будет способствовать раскрытию и полноценной реализации творческого потенциала личности.

В современную эпоху, когда ускоряются темпы социального развития, человек часто не успевает осмыслить новые явления, осознать новые перспективы своей жизни. Сегодня обществом востребован профессионал широкого кругозора, способный быстро обучаться, понимать окружающую его реальность и сознательно участвовать в ее совершенствовании. По нашему глубокому убеждению, творцов нового поколения в отрыве от образовательной среды не создать, поэтому роль образования на современном этапе невозможно переоценить. В науке, политике, педагогике, медицине, не говоря уже об искусстве, решающая роль отведена не количеству, а отдельным выдающимся личностям; именно они и образуют основной массив национального богатства той или иной страны. Разыскивать их, развивать их творческий потенциал, строя процесс образования индивидуально – первостепенная задача образования.

Необходимо отметить, что любая познавательная деятельность начинается с субъективного творчества, то есть открытия

чего-то нового только для себя. В процессе обучения творческая деятельность углубляется и приобретает социально-творческий характер. Поэтому процесс образования должен быть построен таким образом, чтобы максимально развивать творческую активность личности. Отсюда можно сделать вывод, что творческую деятельность в образовании необходимо рассматривать как саморазвитие в результате обучающейся деятельности, дающее возможность по-новому рассматривать обычное, находить в предметах новые функциональные возможности, выявлять и решать профессиональные проблемы.

С нашей точки зрения, приоритетным ориентиром для системы образования с позиций формирования основ социальной творческой деятельности является раскрытие способности личности к самоорганизации, творческому развитию, самоактуализации.

Структуру современного поликультурного образовательного пространства можно представить как единство предметно-материального, институционального, идеологического и социально-коммуникативного компонентов. Главным же результатом модернизации образования постепенно становится его соответствие целям опережающего развития, реализация идеи воспитания у обучаемых способности к творческой самореализации, которая является не просто отображением ведущих тенденций демократизации и гуманизации общества, но и одной из предпосылок становления гуманистически ориентированной личности.

1. 3. Амбивалентные характеристики творчества

Как известно, творчество является одним из самых эффективных способов саморазвития и реализации личности в социальной жизни. Рассмотрение мотивов побуждения человека к творчеству позволяет высказать мысль о том, что в творчестве находит выражение преодоление его индивидуальной отдален-

ности от внешнего мира. Этот процесс крайне субъективен и противоречив. И однозначно его характеризовать невозможно. Следует отметить, что творчество, вносящее элементы новизны в реальность, не всегда конструктивно и способствует гармонизации бытия. Результат творческого воздействия может оказаться асоциальным, вызывать регрессивные изменения в окружающей среде и обществе, а потому представлять опасность ввиду присутствия в нем элемента разрушения. При этом следует учитывать, что разрушение чаще всего является всего лишь фундаментом, основой для создания нового, совершенного, прогрессивного. Это дает основание говорить об амбивалентности творчества как одной из существенных его характеристик.

Проблема амбивалентности творчества в разные времена исследовалась философами М. М. Бахтиным, М. А. Бердяевым, Л. С. Выготским, О. Ф. Лосевым, О. Л. Галиным, М. С. Каганом, О. Л. Кривцуном, О. А. Левченко, Я. О. Пономаревым, Е. Г. Яковлевым и другими.

На Украине вопросы, связанные с исследованием специфики проявлений творчества в социуме, разрабатывались О. И. Васильцом, А. С. Канарским, П. Кравчуком, И. Г. Мысик, В. А. Мольяко, П. П. Кичук, В. Н. Николко, О. М. Рубанцом, Н. Ф. Циброй и др. Однако, несмотря на наличие обширной научной литературы по проблемам творчества, исследование роли творчества в процессе формирования личности, а также изучение его амбивалентных свойств, является одной из актуальных проблем современной гуманитаристики.

Категория творчества рассмотрена в монографии как ключевая не только для понимания динамики социально-исторических процессов и перспектив развития личности, но и для осмысления специфики инновационной деятельности человека, не вписывающейся в традиционные нормы и стандарты поведения, так называемой позитивной девиации.

Творчество всегда было неотъемлемым свойством человеческой деятельности, её важнейшим и существенным атрибу-

том. Оно же лежит в основе дальнейшего прогресса материальной и духовной составляющих общества. Каждый элемент окружающей человека искусственной среды – продукт творчества. Вся история человечества представляет собой последовательность творческих актов создания новых форм общественной жизни, новых социальных институтов, новых отношений. Поэтому изучение его качественных характеристик является важной задачей социальной философии.

Существует множество определений понятия «творчество»:

«Творчество – деятельность, порождающая нечто новое, никогда ранее не бывшее» [210, с. 185].

«Творчество – это один из видов человеческой деятельности, направленный на разрешение противоречия (решение творческой задачи), для которой необходимы объективные (социальные, материальные) и субъективные личностные условия (знания, умения, творческие способности), результат которой обладает новизной и оригинальностью, а также прогрессивностью» [6, с. 50].

«Творчество – деятельность, результатом которой является создание новых материальных и духовных ценностей» [173, с. 393].

«Творчество – создание новых материальных и духовных ценностей.... Предполагает наличие у субъекта способностей, мотивов, знаний и умений, благодаря которым создается продукт, отличающийся новизной, оригинальностью, уникальностью. Изучение этих свойств личности выявило важную роль воображения, интуиции, неосознаваемых компонентов умственной активности, а также потребности личности в самоактуализации...» [195, с. 662].

«Творчество – деятельность человека, созидаящая новые материальные и духовные ценности, обладающие общественной значимостью» [186].

В настоящем исследовании мы определяем творчество как продуктивную форму активности, присущую всем видам чело-

веческой деятельности и проявляющуюся в самостоятельности мысли, оригинальности суждений, новаторской инициативе. Творчество исследуется нами в качестве феномена социальной деятельности, ориентированного на созидание нового, существенно расширяющего существующие границы реальности и дающего для этого перспективные возможности. При этом мы делаем акцент на амбивалентные свойства творчества, лежащие в глубинной сути этого явления.

В последнее время появляются новые исследования, как непосредственно посвященные творчеству, так и косвенно затрагивающие те или иные грани этой темы. Однако сам по себе факт не утихающего внимания к творчеству со стороны исследователей не дает основания считать, что эта тема полностью исчерпана, достигнута необходимая теоретическая основательность и глубина в разработке идеи творчества. Ведь на сегодняшний день творчество рассматривается не только в качестве одной из характеристик человеческой деятельности, но и как существенный показатель бытия человека. Справедлива мысль О. Оди́нца о взаимосвязи творчества с разными видами человеческой деятельности: «...творчість притаманна усім видам людської діяльності, вона виявляється там, де мають місце самостійність думки, оригінальність суджень, творча ініціатива, творча активність» [165, с. 143].

Безусловно, творчество – сложный и многогранный объект исследования. Современный интерес к творческому процессу во многом обусловлен ростом инновационных компонентов в человеческой деятельности, требованиями НТР и необходимостью системы образования готовить специалистов, способных творчески решать социальные, научные и технические проблемы. С другой стороны, стремление досконально изучить природу творчества имеет своей задачей заинтересованность в познании личности путем раскрытия феномена творчества как одного из фундаментальных проявлений человеческой активности, ведь

именно оно раскрывает личность наиболее полно и разносторонне.

Творчество представляет собой вид деятельности, актуализирующей потенциальные свойства и ресурсы личности. Именно в творчестве обретают наиболее полное выражение ее сущностные особенности. «Творчество, – пишет Я. А. Пономарев, – необходимое условие развития материи, образования её новых форм, с возникновением которых меняются и сами формы творчества... Творчество выступает как механизм продуктивного развития... Творчество следует искать там, где есть движение от низшего к высшему» [171]. По мнению ученого, центральное звено психологического механизма творчества включает способность к самостоятельным действиям.

Проблемным моментом в изучении творчества стали проводимые в XXI в. исследования, показавшие, что оно может быть определено, объяснено и понято в поле двух полярных смысловых сфер. Одна из них включает в себя понятия новизны, случайности, индивидуальности, уникальности, другая – социально-нормирующие критерии (признанность, обязательность, общезначимость). Как указывают исследователи, вне таких смысловых областей исследование творчества или бесполезно, или невозможно. Столкновение этих областей и порождает собой амбивалентность творчества, выражающуюся, с одной стороны, в стремлении к новому, а с другой, в неизбежной привязке к традиционному.

Фундаментальной предпосылкой возникновения творчества является процесс отражения. Об этом пишет А. А. Сынах: «Творчество как процесс создания нового выражает конструктивный и преобразовательный труд человека, неразрывно связанный с его познавательной деятельностью, что является отражением объективного мира в сознании человека...» [206]. По мысли исследователя, в процессе творчества не только отражаются предметы и явления объективного мира, но и познаются условия и причины возникновения и существования этих пред-

метов и явлений. Поэтому творчество следует рассматривать как процесс таких сложных объективно-субъективных отношений между творцами и объектами творчества, как единство познания, преобразования, самопознания и самореализации. Ведь человек включён в общественную систему благодаря его сознательной целесообразной деятельности, которая по своей сути носит общественный характер.

Главный признак творчества – создание нового, которое логически выводится из такого атрибута материи, как саморазвитие. Под новым понимается не просто недавно созданное, а именно постановка еще неизвестной задачи, не имеющей готового правила решения, получение результатов, которые еще не достигались, то есть создание оригинальных идей и концепций. Творчество исторично, его значимость может меняться в зависимости от социокультурного контекста. Подлинное творчество в культуре, политике, науке, производстве определяется принципиальной новизной полученных результатов в масштабах их исторической значимости.

Таким образом, творчество характеризуется рядом особенностей:

- творчество представляет создание нового, уникального, оригинального, посредством чего в общество привносятся изменения, что, с одной стороны, расширяет границы реальности, создавая при этом новые поля для дальнейших исследований, с другой – открывает новые возможности для созидания;

- творчество является сознательной целесообразной деятельностью;

- творчество представляет собой свободную деятельность;

- созидание нового сопряжено с критикой, а порой отрицанием старого. Последним актуализируется вопрос о взаимоотношении творчества и традиций. С одной стороны, возникновение нового способствует радикальному переосмыслению действительности, с другой, – невозможно представить исторический процесс без сохранения элементов предшествующего. Но-

ваторское и традиционное взаимодополняют друг друга в творческом процессе, порождая амбивалентность.

В творческом процессе важное место отводится таким психологическим составляющим как воображение, вдохновение, талант, фантазия, интуиция, гениальность. Рассмотрим их подробнее. Отмечая ведущую роль воображения в создании творческого произведения, А. Басин утверждает: «Анализ произведения искусства, художественной формы убеждает в том, что их специфические и фундаментальные особенности детерминируют такую функциональную художественную гносеологическую систему, системообразующим принципом которой является художественная идеализация или вымысел. В свою очередь, этот принцип детерминирует соответствующую функциональную психологическую систему, системообразующим принципом которой может быть только воображение. Художественный образ может быть вымыслом «только вследствие своей идеальности и воображаемости», и «соприкоснуться» с миром художественной реальности можно «только посредством воображения» [15, с. 10]. По мысли ученого, воображение занимает центральное место в системе творчества, выполняя системообразующие функции, так как воображающее сознание регулирует собственно творческий аспект художественной деятельности с помощью продуктов воображающей деятельности сознания. Чаще всего в качестве таковых называют наглядные образы – зрительные и слуховые, получающиеся в результате преобразования наглядных представлений и образов восприятия.

С. Л. Рубинштейн в главе «Воображение и творчество» в своей работе «Основы общей психологии» пишет: «Воображение играет существенную роль в каждом творческом процессе. Отойти от действительности, чтобы проникнуть в нее, – такова логика творческого воображения. Она характеризует существенную сторону художественного творчества. Не менее необходимо воображение в других формах – в научном творчестве» [186].

Вдохновение Ю. Б. Борев определяет как «специфически творческое состояние ясности мысли, интенсивности ее работы, богатства и быстроты ассоциаций, глубокого проникновения в суть жизненных проблем, могучего «выброса» накопленного в подсознании жизненного и художественного опыта и непосредственное включение его в творчество» [33, с. 157]. Это состояние своеобразного напряжения и подъема духовных сил, творческого волнения человека, ведущее к возникновению или реализации замысла и идеи произведения, науки, искусства, техники. При всей кажущейся самопроизвольности, вдохновение, как правило, – результат предварительного напряженного труда. Вдохновение, как особое состояние человеческой психики, предполагает повышенную творческую активность индивида, высокую интенсивность мыслительного процесса.

Исследователь А. Галин характеризует вдохновение как погружение в себя перед получением творческих решений: «Состояние транса всегда связано с воспоминаниями – это означает, что вдохновение каждый раз включает в себя и интеграцию с прошлым опытом, интеграцию с самим собой из прошлого, начинающуюся с воспоминаний и ощущений. Ощущения казались давно забытыми, они смутны, но, когда они вспоминаются, связываются с нынешним опытом, нынешними состояниями» [54]. По мысли исследователя, вдохновение является важнейшим источником и условием всякого творческого процесса.

Интуиция (от лат. *intueor* – пристально смотрю) – способность постижения истины прямым ее усмотрением без обоснования доказательства. Как элемент творчества, интуиция способствует объединению в творческом акте всех процессов мышления, мобилизации скрытых потенциальных ресурсов сознания. Основные условия формирования и проявления интуиции: глубокое знание проблемы, поисковая ситуация, действие у субъекта поисковой доминанты (господствующей идеи) на основе попыток решить проблему, напряженные усилия по ее решению. Интуиция обычно проявляется в неразрывной связи с вдохнове-

нием, эмоциями и аффективными состояниями, что обуславливается необычным подъемом духовных и физических сил в процессе творчества.

По утверждению ученых П. В. Симонова, П. М. Ершова, «механизмы сверхсознания обслуживают потребность, главенствующую в структуре мотивов данной личности. Творческая активность порождается недостаточностью для субъекта существующей нормы удовлетворения этой потребности. Интуиция непреложно работает на доминирующую потребность, и бессмысленно ждать озарений на базе второстепенного для субъекта мотива... Тренировка «творческого мышления», «творческого труда», развитие так называемой «креативности», само по себе ничуть не лучше воспитания «эмоционально богатой» личности безотносительно к характеру ее потребностей» [193].

Фантазия – понятие, близкое к понятию воображение. Оно выступает как сторона (аспект) познавательного процесса, придавая ему различные смысловые оттенки. Если воображение тесно связано с действительностью, и лишь переосмысляет, преобразовывает ее, то фантазия часто уходит от реальности, создавая вымышленные образы. По словам Г. Гегеля, «...источником художественных произведений является свободная деятельность фантазии, которая в создании своих воображаемых образов еще более свободна, чем сама природа. Искусство имеет в своем распоряжении не только все богатство образов природы во всей многообразной их пестроте, но сверх того еще и творческое воображение, которое обладает неисчерпаемыми возможностями расширения области форм, прибавляет к уже существующим в природе свои собственные создания. Пред лицом столь неизмеримого богатства фантазии и ее свободных произведений, мысль, по-видимому, должна потерять мужество и отказаться от затеи привлечь к своему суду эти создания фантазии в полном составе, дать им затем свою оценку и подчинить их своим всеобщим правилам» [56].

При описании творческой личности художника обычно называют фантазию как ведущую творческую способность. При этом сущность художественной фантазии видят в умении создавать новые образы. Более плодотворным нам представляется ситуационный подход, согласно которому фантазия выражается в том, что художник может преобразовывать непосредственно ему данное и в конкретно-образной форме создать новую ситуацию [15]. Исследователь Е. Басин определяет фантазию как акт создания новой (мысленной) ситуации, предполагающей единство двух диалектически взаимосвязанных процессов: воображения (процесс преобразования образов, «не-Я») и эмпатии (процесс преобразования «Я» и создания «Я-образа»).

Талант (греч. вес, мера, уровень способностей) – такая совокупность способностей, которая позволяет получить продукт деятельности, отличающийся оригинальностью и новизной, высоким совершенством и общественной значимостью. Талант, прежде всего, – явление социальное в том смысле, что природные задатки в человеке остаются на уровне возможных до тех пор, пока не появляются социальные условия для достижения того или иного творческого результата. Еще А. С. Пушкин указывал на то, что решающим фактором, превращающим возможность в действительность, стимулирующим природный талант, есть социальный.

И, наконец, гениальность, как уже отмечалось – высокая степень развития таланта, позволяющая осуществить принципиальные сдвиги в той или иной сфере творчества. Гений в искусстве – это высшая способность личности в художественных образах раскрыть тенденции общественного развития, создавать непреходящие художественные ценности, которые становятся достоянием человеческой культуры.

По мнению Е. Г. Яковлева, гениальность имеет качественное отличие от таланта, для которого характерно наличие природных предпосылок, реализуемых в создании новых ориги-

нальных художественных произведений, в которых выражаются задачи времени [234, с. 244].

Гений обладает не только природными предпосылками творчества, но и большой степенью проникновения в глобальные проблемы человеческой жизни, способностью видеть то, что еще только зарождается в социальной и духовной жизни общества. И если художественный талант представляет собой неповторимую индивидуальность, которой присуща оригинальность художественного мышления, то гений – это выдающаяся личность, которая, в более широком социальном смысле, обладает способностью выйти за пределы интересов своей социальной группы или класса, а в ряде случаев – и противопоставить себя и свою деятельность им.

Именно поэтому гений часто бывает не сразу признан современниками (талант же, как правило, сразу признается и поощряется), оказывается в драматической или трагической ситуации. Гению свойственна убежденность в правоте того дела, которым он занимается, поэтому он способен преодолеть трагические коллизии, и это делает его исключительной личностью.

Как свидетельствует Е. Г. Яковлев, «выражением гениальности в искусстве является не только способность к обнаружению глубинных тенденций общественной жизни, но и... создание новых форм художественного мышления, новых направлений и методов художественного творчества» [234, с. 246]. Гениальность художника может быть реализована только в конкретных социально-экономических и духовных условиях, однако признание определяющего значения этих условий в реализации таланта вовсе не означает абсолютной обусловленности ими художественного творчества.

Можно с полной уверенностью утверждать, что творчество – сложный процесс человеческой деятельности, создающий качественно новые материальные и духовные ценности или итог создания субъективно нового, процесс объективации внутреннего мира человека. Таким образом, через творчество осуществля-

ется связь человека с миром. Творческое выражение является выражением интегральной работы всех форм жизни человека, проявлением его индивидуальности. Уровень развития творческого начала в человеке во многом определяет динамику становления общественных отношений, в значительной степени оказывает влияние на все жизненно необходимые процессы, происходящие в социуме.

В связи с этим В. Н. Дружинин пишет: «В основе творчества лежит глобальная иррациональная мотивация отчуждения человека от мира; оно направляется тенденцией к преодолению, функционирует по типу «положительной обратной связи»; творческий продукт только подстёгивает процесс, превращая его в погоню за горизонтом. Таким образом, через творчество осуществляется связь человека с миром. Творчество само стимулирует себя. Через творческую деятельность человек стремится найти свою самость (себя, ядро личности, глубинную сущность)» [74].

Творчество, как и много других видов деятельности человека, является индивидуальным по отношению к количественным и качественным временным масштабам. Об этом пишет в своей монографии В. С. Соловьев. Анализируя творчество, как в русле творческого процесса, так и в сфере оценок и толкований результатов и последствий творческой деятельности, ученый указывает на роль врожденных способностей, наследственности, генетической обусловленности на реализацию творческих потенций личности. Однако приоритетным аспектом в специфике творчества исследователь называет общественно-исторический контекст: «Спосіб реалізації творчих потенцій, а іноді, і можливостей реалізації немалою мірою залежить від соціально-історичних умов» [198]. На основе многочисленных аргументов, исследователь доказывает, что «творчість – універсальна родова ознака и сутність прояв людської суб'єктивності, форма буття, самоствердження и розвитку людини у природному, соціальному та духовному світі» [198]. Нельзя не согласиться с исследователем в том, что творчество является духовно-деятельным феноменом, в

которм деятельное подчинено духовному, понимающемся как качественная характеристика внутреннего, объективного мира человека. Многогранность духовного мира человека определяет многомерность творчества и специфику творческой деятельности.

По объему принципиальной новизны результата творчества, исследователи Л. П. Мещиха и С. П. Демьянчук выделяют четыре уровня творчества:

Первый, самый высокий уровень, «характеризує процес творчості, який приводить до принципово нового результату (для всього людства) з масштабом виходу за межі певної країни. Це твори геніальних письменників, художників, композиторів..., винаходи та відкриття, які перетворюють життя людини й людства в цілому в найрізноманітніших напрямках (відкриття пеніциліну, магнітофона, телебачення, і т. д.)». Понятно, що творчество такого уровня присуще только узкому кругу творцов – гениев, прерогатива элиты человечества.

Второй уровень творчества, по мысли исследователей, касается продукта, который является новым для большого круга людей: «Деякі винаходи з'являються одночасно або з певним інтервалом у різних країнах, однак відповідальний рівень творчості, безумовно, досить високий».

Третий уровень исследователи характеризуют как новизну творческого продукта для достаточно ограниченного круга людей. Наиболее типичным примером для него является рационализаторское предложение, которое реализуется, как правило, в рамках подразделения предприятия. В лучшем случае – отрасли.

Четвертый уровень отнесен исследователями к творчеству, новизна продукта которого является субъективным фактором, значимым только для самого человека-творца. «Однак такий обмежений обсяг цього рівня не заважає йому бути чи не найважливішим для людини, початковим етапом в оволодінні вищими рівнями творчості, формуванні вмінь і навичок загальної креативності» [152].

Для любого творческого явления большую роль играют существующие в обществе нормы и критерии оценки. О значении нормативной регуляции в творческом процесс читаем у Р. Балла: «Нормосообразность и творчество взаимно опосредуют друг друга, в значительной мере основываясь на использовании нормативных средств и способов деятельности, творчество выступает вместе с тем как механизм реализации норм более высокого уровня. Критерии, с помощью которых задаются такие нормы, в одних случаях являются четкими, иногда даже формальными (такая четкость характерна, например, для спорта, изобразительной деятельности), в других (типичных для мира искусства), они более размыты, выражаются посредством субъективных оценок, нередко противоречащих друг другу, но в своей совокупности репрезентирующих требования общества (или некоторой его подсистемы) к продуктам творческой деятельности» [11]. По мысли исследователя, взаимное опосредование нормосообразности и творчества в деятельности субъекта проявляется тем отчетливей, чем выше уровень ее развития. Пока он низок, они слабо взаимосвязаны. Высокая степень взаимосвязи нормосообразных и творческих компонентов – это не просто признак высокоразвитой деятельности, а важный механизм развития деятельности, а, вместе с тем, и личности. Р. Балл утверждает, что творческая активность личности непременно обусловлена нормосообразными и творческими компонентами, что проявляется в том, что творческая активность индивида основывается на овладении совершенными нормами деятельности [11]. Усвоение этих норм, в значительной степени, достигается с помощью процессов, характерных для творческой деятельности, и, в конечном итоге, нормативные образования регулируют, придают должную направленность творчеству индивида. Абсолютно верно указав на соотношение нормосообразных и творческих компонентов в творческой деятельности, исследователь, на наш взгляд, излишне тесно «привязал» динамику социального к творческому процессу, что сделало творчество «заложником»

социальных норм и, в определенной степени, лишило индивидуальности. Ведь зачастую, именно отклонения от норм, сознательное нежелание автора им следовать делало продукт творчества гениальными. Ярким примером служит творчество Ф. М. Достоевского, которого современники часто упрекали за пренебрежение общепринятыми канонами, за «дурной вкус» и отсутствие меры в художественной колористике. Но именно этим мы обязаны появлению в мировой литературе целой галереи ярких незабываемых персонажей и появлению самостоятельного художественного направления продолжателей традиций Достоевского, в полной мере реализовавших его совершенно «ненормативный» и «неканонический» стиль в литературе абсурда.

Творческая активность личности, прежде всего, связана с ее способностью производить общественно значимые преобразования, которые проявляются в творческом развитии. По мысли А. Лосева, «то, что творчество есть некоторого рода развитие, это ясно. Развивается тот, кто творит. Развивается деятельность творца. И то, что становится результатом творческой деятельности, есть тоже результат известного развития» [138]. Ученый утверждал, что творчество – это, прежде всего, деятельность человека. Деятельность – творческая деятельность – творчество являют собой необходимую траекторию развития социальной материи. Для творческого акта необходимо наличие объекта и субъекта деятельности, то есть человека и окружающей его действительности, которую он преобразует в соответствии с исходным замыслом.

Как уже отмечалось, немаловажным фактом для понимания природы творчества является тесная связь и зависимость личности-творца, и соответственно, творческой деятельности от социокультурного контекста. На это неоднократно указывали исследователи, подчеркивая тот факт, что именно он доминирует в процессе создания и восприятия творческого продукта. Таким образом, основным определителем творчества есть то, в какой мере оно является способом бытия свободы человека, есть

основанием для утверждения его в качестве социально-активной, целостной, полноценной личности. При этом амбивалентные свойства творчества являются теми его характеристиками, которые обеспечивают его уникальность и самобытность.

РАЗДЕЛ II

ДЕВИАНТНОСТЬ КАК ФОРМА ПРОЯВЛЕНИЯ СОЦИАЛЬНОЙ ТВОРЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

2. 1. Методологические подходы к определению социальной девиантности

В последнее время объектом пристального внимания исследователей становится проблема девиантности, которая в современном обществе часто принимает форму социальной активности. На Украине актуальность проблемы девиантности возрастает в связи с характерными для современного этапа общественного развития негативными процессами социального расщепления, маргинализации, разрушения социокультурной среды: утратой традиций, деформацией моральных и поведенческих стереотипов, нарушением самоидентификации личности, потерей жизненных ориентиров. Динамика социальных процессов в период реформирования украинского общества, кризисные ситуации во многих сферах общественной жизни в последние годы неизбежно приводят к увеличению девиаций, проявляющихся в поведенческих формах, отклоняющихся от общепринятых моральных норм. Как отмечает Я. И. Гишинский, мировые процессы глобализации сопровождаются возникновением различных девиантных проявлений; все виды девиантности функциональны как формы жизнедеятельности, они не элиминированы и продолжают конструироваться социумом и СМИ [60].

Наряду с ростом позитивных девиаций (политическая активность населения, экономическая предприимчивость, различные виды творческой деятельности) усиливаются девиации негативные – преступность, алкоголизация и наркотизация населения, подростковая делинквентность, пренебрежение моральными нормами. В этих условиях объективно повышается спрос на научные исследования полярной девиантности, предпосылок

ее возникновения, ее видов и форм, а также вызванных ими последствий.

Следует отметить, что при наличии обширной научной литературы по проблеме девиантности, ее определение в целом неоднозначно. Это связано со многими факторами, в первую очередь, с нестабильностью социальных моральных норм, которые часто спорны, но от которых неизбежно приходится отталкиваться при исследовании данной проблематики. Проблему осложняет тот факт, что моральные критерии не имеют императивного характера, могут меняться со временем, к тому же на основе различных культур формируются различные социальные и моральные нормативы. В связи с этим, исследовательница Е. В. Змановская утверждает: «Отклоняющееся поведение личности – это поведение, которое не соответствует общепринятым или официально установленным социальным нормам. Иначе говоря, это действия, не соответствующие существующим законам, правилам, традициям и социальным установкам. Определяя девиантное поведение как поведение, отклоняющееся от норм, следует помнить, что социальные нормы изменяются. Это, в свою очередь, придает отклоняющемуся поведению исторически переходящий характер» [88].

Углубляясь в вопрос о девиантном поведении, следует определиться со значением этого термина. Существует множество определений девиантного поведения. Приведем лишь некоторые из них:

1) Е. В. Змановская: «Девиантное поведение – это устойчивое поведение личности, отклоняющееся от наиболее важных социальных норм, причиняющее реальный ущерб обществу или самой личности, а также сопровождающееся социальной дезадаптацией» [88];

2) В. Е. Каган: «Девиантное поведение определяется как поступки/действия индивида, не соответствующие ожиданиям и нормам, которые фактически сложились или официально установлены в данном обществе» [97];

3) А. Коэн называет отклоняющимся поведением такое, которое идет вразрез с институционализированными ожиданиями;

4) Д. Уолш утверждает, что «социальное отклонение – это в значительной степени приписываемый статус», то есть только субъективное обозначение, «ярлык», а не объективное явление. По его мнению, отклонение – это не внутреннее, присущее определенному действию качество, а результат социальной оценки и применения санкций;

5) Г. А. Аванесов: «Под отклоняющимся поведением следует понимать действия, не соответствующие заданным обществом нормам и типам», то есть речь идет о нарушении любых социальных норм [1];

6) С. С. Фролов: «Девиантное поведение индивида или группы, которое не соответствует общепринятым нормам. В результате чего эти нормы ими нарушаются» [217].

Часто под девиантным (от лат. *deviatio* – отклонение) поведением понимаются любые действия человека, не соответствующие официально установленным или фактически сложившимся в данном обществе нормам или стандартам.

Столь широкий диапазон трактовки девиантности, безусловно, порождает споры и дискуссии в вопросе определения ее социальной значимости.

Социальная девиантность освещалась в научных работах таких ученых, как Г. А. Аванесов, В. А. Афанасьев, Э. Дюркгейм, Е. В. Васько, М. Вебер, Ю. А. Клейберг, Р. Мертон, и др. Обзор девиаций в контексте ее социальной значимости представлен в работах А. Г. Амбрумовой, С. А. Беличевой, М. А. Галагузовой, О. С. Тоистевой, Я. И. Гилинского, А. Ф. Зелинского, О. В. Змановской, Н. В. Майсак, В. Д. Менделевич и др.

В современной украинской научной мысли проблема социальной девиантности освещалась В. В. Белецким, Е. Р. Боринштейном, Е. И. Головахой, О. В. Гавриловым, И. В. Ершовой-Бабенко, А. И. Кавалеровым, С. Д. Ключевой, Ф. Патаки, З. Ф. Самчуком и др.

В специальных исследованиях проблемы девиантности, чаще всего, акцент делается на ее негативных проявлениях, а сама девиантность рассматривается как форма патологического социального отклонения. При этом игнорируется тот факт, что отдельные девиации могут быть позитивным фактором в социальной жизни, а их положительный аспект при определенных условиях может служить средством прогрессивного развития общества, преодоления устаревших, консервативных или реакционных стандартов поведения. Сама девиация при этом может принимать форму творческой деятельности: научной, технической, художественной, общественно-политической и др.

Исследователями в основном упоминается о негативной, дисфункциональной, дезорганизирующей общество девиации, принимающей форму социальной патологии – такой, как преступность, алкоголизм, наркомания, проституция, суицид. Изучение данного вопроса осложняется тем, что граница между позитивным и негативным девиантным поведением подвижна во времени и пространстве и, следовательно, носит достаточно условный характер и зависит от социокультурного контекста. Социальные нормы являются критерием, который позволяет отнести девиацию либо в разряд позитивной, либо (что на практике происходит гораздо чаще) – негативной. Как известно, социальная норма находит свое воплощение в законах, традициях, обычаях, т. е. во всем том, что стало привычкой, прочно вошло в быт, в образ жизни большинства населения – поддерживается общественным мнением, играет роль «естественного регулятора» общественных и межличностных отношений. Однако социальные нормы трансформируются со временем, соответственно меняются и критерии определения девиантности.

Проблема социальной девиантности актуализировалась в конце XX века, ввиду усиливающейся тенденции к разложению нравственности в западных обществах. Ученые начали обращать внимание на то, что между серединой 60-х и началом 90-х годов XX ст. в США произошло резкое ухудшение морального клима-

та. Исследователь Ф. Фукуяма констатирует, что «...каждый третий ребенок родился у незамужней женщины, около трети негров-мужчин в возрасте от 20 до 29 лет были не в ладах с законом, а образовательный уровень американцев был одним из самых низких среди промышленно развитых стран» [219]. Главной причиной этих явлений ученый считает неудержимый рост индивидуальных прав, характерный для всех демократических систем, при одновременном уменьшении готовности людей брать на себя возрастающие обязанности. Механизм этого явления достаточно подробно описан в ставшей хрестоматийной работе Эриха Фромма «Бегство от свободы». В ней также подробно исследуются «побочные эффекты демократии», зачастую ставящей человека перед непреодолимым выбором – стать свободной личностью и отвечать за свои действия и поступки или укрыться под надежной защитой тоталитарного общества, принеся при этом в жертву собственную идентификацию: «...для современного человека свобода имеет двоякий смысл: он освободился от прежней власти и превратился в «индивида», но в то же время стал изолирован и бессилён, стал орудием внешних целей, отчужденным от самого себя и от других людей... такое состояние подрывает человеческую личность, ослабляет и запугивает человека, подготавливает его к подчинению новому рабству» [218, с. 257].

Похожие проблемы возникли в и государствах так называемого постсоветского пространства после распада СССР, когда на руинах мощной тоталитарной империи возникли молодые развивающиеся государства. Осуществляемый в них переход к демократическому обществу оказался абсолютно не воспринимаем ни морально, ни психологически для определенной категории граждан. В реформируемых обществах, где были разрушены одни нормы и не созданы, даже на уровне теории, другие, проблема формирования, толкования и применения нормы стала чрезвычайно актуальной задачей. Ведь именно моральные нор-

мы и являются тем исходным пунктом, который позволяет нам определять суть девиации.

В широком смысле социализационная норма определяется как результат успешной социализации, позволяющей индивидам и обществу воспроизводить социальные связи, общественные отношения и культурные ценности и обеспечивать их дальнейшее развитие. На индивидуальном уровне социализационная норма – это многомерный эталон социализированности человека с учетом его возрастных и индивидуально-психологических характеристик. На уровне общества она представляет собой устойчивую совокупность правил передачи социальных норм и культурных ценностей от поколения к поколению. В связи с этим, исследовательница А. И. Ковалева указывает на то, что «социализационная норма рассматривается как мера социализированности индивида, обусловленная параметрами социальной данности данного общества. Такая норма представляется проекцией социальной нормы на человека, которая осуществляется агентами социализации и самим индивидом. Мера освоения общественных качеств индивидом материализуется в социальных проектах, которые варьируются в широких рамках социальной жизни конкретного общества. В результате человек артикулирует и актуализирует свою социальную природу, осуществляя в предложенных обществом границах собственный выбор. Баланс и глубина объективных и субъективных сторон социализации детерминированы и обществом, и индивидом. Социализационная норма тесно связана с социальной нормой» [116].

Как известно, всему миру, социальному бытию и каждому человеку свойственно периодически отклоняться от траектории своего существования и развития. Причина этого отклонения лежит в особенностях взаимосвязи и взаимодействия человека с окружающим миром, социальной средой и самим собой. Возникающее на основе такого свойства разнообразие в психофизическом, социокультурном, духовно-нравственном состоянии людей и их поведении является условием расцвета общества, его

совершенствования и осуществления социального развития. Отклонение в поведении является, таким образом, необходимым условием развития человека, жизни всего общества. Иначе говоря, девиантное поведение было, есть и будет; и в этом заключается актуальность его изучения.

Впервые социологическое объяснение девиации было предложено теорией аномии (от греч. *anomas* – беззаконный, неуправляемый) Э. Дюркгейма. Под аномией ученый понимал такое состояние общества, при котором отсутствует четкая, устойчивая, непротиворечивая регуляция поведения индивидов, образуется нормативный вакуум, когда старые нормы и ценности уже не соответствуют реальным отношениям, а новые еще не утвердились. Аномия, по мнению Э. Дюркгейма, чаще всего происходит в быстро меняющемся обществе, подверженном катастрофическим стрессам. В подобных обществах люди зачастую становятся отчужденными, апатичными, лишенными конкретных жизненных целей. По мысли Э. Дюркгейма, в обществе главное – солидарность, а всякие отклонения от нее – проявление социальной дезорганизации [79]. Реакция общества, социальных групп на девиантное поведение уточняет границы социальных норм, укрепляет и обеспечивает социальное единство, генерирует социальное согласие в оппозицию к нему. Благодаря групповому консенсусу усиливается социальный порядок. Когда девианты наказаны, у граждан формируется солидарная общность, которая усиливает их сплоченность. В целом, Э. Дюркгейм считал девиантность столь же естественной, как и конформизм. Более того, ученый утверждал – девиантность разнополюсна, а значит, несет в себе и отрицательное и положительное начало. Девиантность подтверждает роль норм, ценностей, дает более полное представление о многообразии норм.

Тот факт, что общество создает нормы, стандарты поведения, не означает, что оно всегда им соответствует. «Даже идеальное общество не может оставаться надолго идеальным. Представим себе, – пишет Э. Дюркгейм, – общество святых, на-

поминающее образцовый монастырь, где живут идеальные люди. В нем и понятия не имеют о том, что мы называем преступлением, но поступки, которые кажутся незначительными рядовому мирянину, могут вызвать среди них такой же скандал, какой обычно возникает по поводу преступления среди обычных людей, которым свойственно конформное понимание жизни» [79, с. 127]. Ученый считал, что девиантность способствует социальному изменению, раскрывает альтернативу существующему положению дел, ведет к совершенствованию социальных норм. По мнению Э. Дюркгейма, вероятность поведенческих девиаций существенно возрастает при происходящем на уровне социума ослаблении нормативного контроля. Э. Дюркгейм утверждал, что девиантность играет функциональную роль в обществе, поскольку девиация и наказание девианта способствуют осознанию границ того, что считается допустимым поведением, и выполняет роль факторов, побуждающих людей подтвердить свою приверженность моральному порядку общества. Хотя теория Э. Дюркгейма в дальнейшем подвергалась критике, а основные ее положения значительно корректировались и уточнялись, мысль о том, что социальная дезорганизация – причина девиантного поведения и в наши дни считается достаточно основательной.

Теория девиантности получила дальнейшее развитие у американского социолога Р. Мертон. Согласно Р. Мертону, девиация происходит в результате разрыва между целями индивида и социально одобряемыми средствами их достижения. В соответствии с этим он выделяет типы поведения, которые, с его точки зрения, являются способами приспособления к обществу. В соответствии с теорией аномии Роберта Мертона, девиантное поведение возникает, прежде всего, тогда, когда общественно принимаемые и задаваемые ценности не могут быть достигнуты некоторой частью этого общества. В контексте теории социализации, к девиантам относятся люди, социализация которых про-

ходила в условиях поощрения или игнорирования отдельных элементов их поведения (насилие, аморальность) [149].

В конце XX века отечественные и зарубежные ученые считали целесообразным подразделять отклоняющееся поведение на следующие типы (разновидности): преступное (криминальное), делинквентное (допреступное) и аморальное (безнравственное). При этом велись и ведутся до сих пор дискуссии по поводу делинквентности, которая, с точки зрения одних ученых (Е. В. Змановская, Х. Ремшмидт и др.) может включать все юридически наказуемые деяния, а с точки зрения других (А. Е. Личко, Г. В. Сафина и др.) – сводиться к мелким антиобщественным действиям и правонарушительному поведению, не несущему за собой уголовной ответственности: агрессивность, лживость, бродяжничество, дерзость и сквернословие, крайнее непослушание, враждебность к учителям и родителям, жестокость к младшим и животным. При этом данные качества являются также аморальными, противоречащими нормам этики и общечеловеческим ценностям. Таким образом, в силу определенных традиций имеет место смешение делинквентного и криминального поведения, наблюдается определенная трудность в разграничении делинквентных и аморальных поступков. В связи с этим, В. Д. Менделевич подчеркивает, что преступное и делинквентное поведение носят антисоциальный характер, а отражающее аномалии характера аморальное поведение – асоциальный, лишь предрасполагая к совершению делинквентных и криминальных поступков.

Классик советской науки, проведший масштабные исследования в области молодежной психологии, И. С. Кон, говоря о девиантном поведении, подчеркивал его «антисоциальную» сущность: «Девиантное поведение – это система поступков, отклоняющихся от общепринятой или подразумеваемой нормы, будь то нормы психического здоровья, права, культуры или морали» [117, с. 236]. Анализируя преимущественно негативные проявления девиантности, свойственные юношескому возрасту,

ученый утверждал, что «девиантное поведение способствует снижению самоуважения, потому что вовлеченный в него индивид невольно усваивает и разделяет отрицательное отношение общества к своим поступкам, а тем самым и к себе. Низкое самоуважение способствует росту антинормативного поведения...» [118, с. 252].

Выяснив для себя значение термина «девиантность», следует подробно рассмотреть формы его проявления. Девиантность, действительно, часто ассоциируется с социальным отклонением. Термин «социальное отклонение» означает поведение индивида или группы, которое не соответствует общепринятым нормам, в результате чего эти нормы ими нарушаются (Х. Ремшидт) [180]. Среди всех отклонений от нормы значимое место отводит асоциальности, включающей в себя криминальность и социальную запущенность. Н. Смелзер описывает наиболее яркие виды девиаций, которые всегда вызывают осуждение: убийство, кровосмешение, изнасилование [196]. Ф. Патаки «бесспорными» видами девиантного поведения определяет преступность, алкоголизм, употребление наркотиков, проституцию, самоубийство [167]. В. Д. Плахов наряду с асоциальным и делинквентным выделяет паранормальное поведение [170]. Представляет интерес определение девиантности, данное Ц. П. Короленко и Т. А. Донских, которые все поведенческие девиации подразделяют на нестандартное (новое мышление и действия, выходящие за рамки социальных стереотипов) и деструктивное поведение, направленное как на нарушение социальных норм (правовых, морально-этических, культурных), так и на дезинтеграцию и регресс самой личности. К группе внешнедеструктивного поведения ученые относят аддиктивное и антисоциальное, а в группе внутридеструктивного поведения рассматривают суицидное, конформистское, нарциссическое, фанатическое и аутистическое поведение [121, с. 72].

С. А. Беличева среди различных форм социальной дезадаптации и асоциального поведения выделяет докриминогенный

уровень и криминогенные проявления. Она дифференцирует социальные отклонения по степени их общественной опасности (социально одобряемое, социально-нейтральное, просоциальное, асоциальное и антисоциальное), а также по содержанию и целевой направленности: корыстной направленности, агрессивной ориентации и социально-пассивного типа.

В качестве последнего признака отклоняющегося поведения исследовательница отмечает его выраженное индивидуальное и возрастно-половое своеобразие. По ее мнению, отклоняющееся поведение, прежде всего, отражает внешнее бытие личности в социуме. Оно может быть чрезвычайно разнообразным. Одни и те же виды девиантного поведения по-разному проявляются у различных людей в разном возрасте [17].

Не стоит упускать из вида тот факт, что индивидуальные различия людей затрагивают мотивы поведения, формы проявления, динамику, частоту и степень выраженности. Они могут варьировать от вполне безобидных проявлений до тотального нарушения жизнедеятельности личности. Другая важная индивидуальная особенность касается того, как человек переживает отклоняющееся поведение: как нежелательное, чуждое для себя, как временно удовлетворяющее или как обычное и привлекательное. Отношение личности к отклоняющемуся поведению (личностная позиция) во многом определяет его судьбу.

Е. В. Змановская все виды отклоняющегося поведения располагает на единой шкале деструктивности с двумя противоположными направлениями – на себя или на других: антисоциальное (активно-деструктивное) – просоциальное – (относительно деструктивное) – асоциальное (пассивно-деструктивное) – саморазрушительное (пассивно-аутодеструктивное) – самоубивающее (активно-аутодеструктивное) [88]. В основе ее классификации лежит выделение типов девиантного поведения в контексте его обусловленности масштабами явления, негативными или позитивными его последствиями; длительностью нарушений; типом нарушаемой нормы; целями, мотивацией поведения

и пр. Но слабым местом данной классификации можно считать то, что в ней нет места нестандартным творческим проявлениям, которые не могут быть отнесены к нормативным, поскольку норма – это нечто среднее, адаптированное, наиболее устоявшееся, часто встречающееся и не выделяющееся из общей массы явление.

Общество всегда пыталось подавлять, устранять нежелательные формы человеческой жизнедеятельности и их носителей. В некоторых культурах малейшие отклонения от традиций достаточно сурово наказывались. Особенно ярко выражено это явление было в тоталитарных государствах. Методы и средства определялись социально-экономическими отношениями, общественным сознанием, интересами правящей элиты. Один индивид может иметь отклонения в социальном поведении, другой в личностной организации, третий и в социальной сфере, и в личностной организации.

Социальные отклонения могут происходить в сфере индивидуального поведения, они представляют собой поступки конкретных людей, запрещаемые общественными нормами. Вместе с тем в каждом обществе много отклоняющихся субкультур, нормы которых осуждаются общепринятой, доминирующей моралью общества. Такие отклонения определяются как групповые. Как пишет Нейл Джозеф Смелзер, девиация с трудом поддается определению, что связано с неопределенностью и многообразием поведенческих ожиданий. Ученый выделяет три основных компонента девиации:

- а) человека, которому свойственно определенное поведение;
- б) норму или ожидание, являющееся критерием оценки поведения как девиантного;
- в) другую группу или организацию, реагирующую на данное поведение.

Таким образом, девиантность определяется как отклоняющееся поведение, деятельность человека (группы людей), не со-

ответствующая сложившимся в данном обществе нормам (образцам) поведения, социальным ожиданиям [196].

Как уже отмечалось, понятие нормы является исходным для изучения любых девиаций. Поскольку девиантное поведение – это поведение, отклоняющееся от социальных норм, то последние заслуживают специального рассмотрения. Одним из основных условий существования любой системы выступает ее способность поддерживать состояние некоего равновесия. История человечества приводит убедительные примеры того, что беспорядок неизбежно переходит в разрушение, и, напротив, стремление к упорядочиванию и согласованию может быть гарантией существования общества и жизни вообще. Нормы являются тем механизмом, который удерживает общественную систему в состоянии жизнеспособного равновесия в условиях неизбежных перемен. В обществе одновременно сосуществуют различные нормативные субкультуры – от научных до криминальных.

А. Радугин, подчеркивая социальный характер девиантности, отмечает, что многочисленные формы отклоняющегося поведения свидетельствуют о состоянии конфликта между личностью и общественными интересами. «Отклоняющееся поведение – это, чаще всего, попытка уйти из общества, убежать от повседневных жизненных невзгод и проблем, преодолеть состояние неуверенности и напряжения через определенные компенсаторские формы» [179]. При этом исследователь оговаривает, что отклоняющееся поведение не всегда носит негативный характер и может быть связано со стремлением личности к новому, передовому, попыткой преодолеть консервативное, мешающее двигаться вперед.

На социальную сущность девиантности указывают и авторы специального исследования, посвященного особенностям проявлений молодежной девиации в современном обществе, – А. И. Кавалеров, В. О. Долгополук и А. А. Кавалеров. По мнению исследователей: «Соціальна девіантність є окремим видом

явища, властивого для відносин в суспільстві і пов'язаного із відхиленням у поведінці не лише окремих індивідів, але й цілих соціальних груп, певних вікових категорій, соціальних прошарків, а інколи, і всього соціуму тощо» [94, с. 35]. Ученые подчеркивают – в современном молодежном окружении возрастает количество явно выраженных негативных проявлений девиантного поведения, что не может не вызывать тревоги у общества. Речь идет о возрастании количества преступных группировок, девиантность поведения которых часто носит осмысленный и организованный характер, агрессии и жестокости поведения молодежи при выяснении взаимоотношений друг с другом и многих других проявлениях негативных форм поведения.

Несомненный интерес для нашего исследования представляет позиция Я. И. Гилинского, считающего источником девиантности наличие в обществе социального неравенства, высокой степени различий в возможностях удовлетворения потребностей для разных социальных групп. Под девиантным поведением ученый понимает: «...1) поступок, действия человека, не соответствующие официально установленным или фактически сложившимся в данном обществе нормам (стандартам, шаблонам); 2) социальное явление, выраженное в массовых формах человеческой деятельности, не соответствующих официально установленным или фактически сложившимся в данном обществе нормам (стандартам, шаблонам)» [60, с. 74]. Первое значение девиантного поведения, по мнению ученого, является объектом исследования преимущественно психологии, педагогики, психиатрии, второе – социологии и социальной психологии. Он отмечает, что такое дисциплинарное разграничение весьма условно, но, к сожалению, не рассматривает, как взаимосвязаны эти два значения девиантного поведения, каков механизм их взаимодействия.

Безусловной заслугой Я. И. Гилинского является правильное определение перспективных направлений развития социологии девиантного поведения. Необходимы, отмечал он, «даль-

нейшая «фундаментализация», рассмотрение объекта социологии девиантного поведения как момента единого мирового процесса самодвижения материи; изучение социальных девиаций в кризисные периоды, когда от соотношения различных форм негативных и позитивных девиаций зависит будущее. Именно эти направления научного поиска и привлекают внимание» [60, с. 78].

Многочисленные исследования говорят о том, что существует зависимость всех форм проявления девиации от экономических, социальных, демографических, культурологических и многих других факторов. Особую остроту эта проблема приобрела сегодня в нашей стране, где все сферы общественной жизни претерпевают серьезные изменения, происходит девальвация прежних норм поведения. Устоявшиеся способы деятельности не приносят желаемых результатов. Рассогласование между ожидаемым и реальностью повышает напряженность в обществе и готовность человека изменить модель своего поведения, выйти за пределы сложившейся нормы. В условиях острой социально-экономической ситуации существенные изменения претерпевают и сами нормы. Зачастую отключаются культурные ограничители, ослабевает вся система социального контроля.

Исследуя проблему возникновения девиантности, можно выделить такую ее причину, как изменения в социальных отношениях общества, которые получили отражение в понятии «маргинализация», т. е. его неустойчивость, «промежуточность», «переходность», распространение различного рода социальных патологий. Это подтверждает концепция маргинализации Е. Старикова, утверждающая, что главный признак маргинализации – «разрыв социальных связей, причем в «классическом» случае последовательно рвутся экономические, социальные и духовные связи» [205]. Экономические связи рвутся в первую очередь и в первую же очередь восстанавливаются. Медленнее всего восстанавливаются духовные связи, ибо они зависят от известной «переоценки ценностей».

Одной из характерных социального поведения маргиналов является снижение уровня социальных ожиданий и социальных потребностей. Одним из самых тяжелых последствий этого для общества является его примитивизация, проявляющаяся в производстве, в быту, в духовной жизни. Основным социальным источником усиления маргинализации общества является растущая безработица в ее явных и скрытых формах.

Другая группа причин связана с распространением различного рода социальных патологий. В частности, ростом психических заболеваний, алкоголизма, наркомании, ухудшением генетического фонда населения. Нельзя не отметить, что среди различных видов социальных отклонений широкое распространение получил в последнее время социальный паразитизм в форме бродяжничества, попрошайничества и проституции. Для него характерна прогрессирующая устойчивость, превращающая подобное социальное отклонение в образ жизни.

Как уже отмечалось, нормативные системы общества не являются застывшими, навсегда данными. С течением времени изменяются сами нормы, изменяется отношение к ним. В человеческой деятельности факт отклонения от нормы столь же распространен, как и следование им. Полное принятие нормы выражается в конформизме, отклонение от нормы — в различных видах девиации, девиантном поведении. Резкие отклонения от средней нормы как в положительную, так и в отрицательную стороны грозят стабильности общества, которая во все времена ценилась превыше всего.

Философы и юристы, медики и педагоги, психологи и биологи рассматривали и оценивали различные виды социальной патологии: преступность, пьянство и алкоголизм, наркоманию, проституцию, самоубийства и т. п. Особо исследователей интересовал вопрос о причинах возникновения этих патологий. Для характеристики девиантного поведения небезинтересным для нас будет обзор существующих в науке принципиально и кон-

цептуально разнящихся объяснений причин возникновения девиантности.

Согласно **культурологическим** объяснениям, девиантность возникает в результате конфликтов между нормами культуры. В обществе существуют отдельные группы, нормы которых отличаются от норм остального общества. Это обусловлено тем, что интересы группы не соответствуют нормам большинства. Из этого следует, что девиация имеет место, когда индивид идентифицирует себя с субкультурой, нормы которой противоречат нормам доминирующей культуры. В плюралистических обществах, где сосуществует множество субкультур, у различных групп населения могут быть различные взгляды и мотивировки поведения. Хотя они не являются внутренне или обязательно преступными, следование им создает ситуации, в которых высока вероятность использования моделей поведения, носящих противозаконный характер.

Биологические теории. Согласно им, важным фактором, влияющим на поведение личности, выступают внутренние, биологические условия – та природная почва, с которой взаимодействуют любые внешние условия. Биологический фактор регулирует следующие характеристики индивидуального бытия: индивидуальное своеобразие процесса онтогенеза (в том числе темпы созревания/старения); гендерные (половые) различия; возрастные особенности; физическую конституцию; здоровье и выносливость; состояние и типологические свойства нервной системы. Особое место среди биологических теорий занимает эволюционный подход, основанный на предложенных Ч. Дарвином законах естественного отбора и наследственности. Сторонники эволюционного подхода рассматривают различные аспекты человеческого поведения как проявление видовых наследственных программ, в то время как критики эволюционного подхода считают необоснованным перенос законов поведения животных на психологию человека.

В XIX в. итальянский врач-психиатр и криминалист Ч. Ломброзо разработал биосоциологическую теорию, в которой связал преступное поведение человека с его анатомическим строением. Объектами изучения ученого были череп, мозг, нос, уши, цвет волос, почерк, чувствительность кожи, психические особенности преступника. Используя антропометрический метод, исследователь выделил примерно 37 характеристик «врожденного преступного типа», в их числе – выдающаяся нижняя челюсть, сплюснутый нос, редкая борода, приросшие мочки ушей [136]. Позднее теория Ч. Ломброзо, хотя и вошла в историю научной мысли, но была признана научно несостоятельной.

Другими яркими представителями данного направления являются американский психолог Уильям Шелдон, Конрад Лоренц, Френсис Гальтон, Грегор Мендель и другие.

Интересной и методологически значимой для нас является **теория стигматизации** (от греч. stigma – клеймо), где за основу взята главная идея конфликтологии, согласно которой индивиды часто не могут поладить друг с другом, так как расходятся в своих интересах и взглядах на жизнь; при этом те, кто стоят у власти, имеют возможность выражать свои взгляды и принципы в нормах, управляющих институциональной жизнью, и с успехом навешивают отрицательные ярлыки на нарушителей этих норм. Их интересует процесс, в результате которого индивиды получают клеймо девиантов, начинают рассматривать свое поведение как девиантное.

Приверженцы теории стигматизации Эдвин Лемерт, Говард Беккер и Кай Эриксон утверждают, что, во-первых, ни один поступок сам по себе не является криминальным или некриминальным по сути. «Отрицательность» поступка обусловлена не его внутренним содержанием, а тем, как окружающие оценивают такой поступок и реагируют на него. Отклонение всегда есть предмет социального определения.

Нейл Смелзер указывал на социальный характер девиации и выделял три ее основных компонента: «человек, которому

свойственно определенное поведение; ожидание или норма, которая является критерием оценки девиантного поведения, и некий другой человек, группа или организация, реагирующая на поведение» [196], подчеркивая тем самым, что девиантным поступком делает, в первую очередь, реакция на него окружающих.

Психоаналитическая теория. В ее основе лежит изучение конфликтов, происходящих в сознании личности. Согласно теории З. Фрейда, у каждой личности под слоем активного сознания находится область бессознательного – это наша психическая энергия, в которой сосредоточено все природное, первобытное. Человек способен защититься от собственного природного «беззаконного» состояния путем формирования собственного «Я», а также так называемого «сверх-Я», определяемого исключительно культурой общества. Однако, может возникнуть состояние, когда внутренние конфликты между «Я» и бессознательным, а также между «сверх-Я» и бессознательным разрушают защиту, и наружу прорывается наше внутреннее, не знающее культуры содержание. В этом случае может произойти отклонение от культурных норм, выработанных социальным окружением индивида.

Социологическая теория. В соответствии с ней индивиды становятся девиантами, так как процессы проходимой ими социализации в группе бывают неудачными по отношению к сложившимся нормам, причем эти неудачи сказываются на внутренней структуре личности. Когда процессы социализации успешны, индивид сначала адаптируется к окружающим его культурным нормам, затем воспринимает их так, что одобряемые нормы и ценности общества или группы становятся его эмоциональной потребностью, а запреты культуры частью его сознания. Он воспринимает нормы культуры таким образом, что автоматически действует в ожидаемой манере поведения большую часть времени.

С точки зрения автора настоящего исследования, отклоняющееся поведение является одним из путей адаптации куль-

туры к социальным изменениям. Нет такого современного общества, которое долгое время оставалось бы статичным. Даже совершенно изолированные от мировых цивилизаций сообщества должны время от времени изменять образцы своего поведения из-за изменения окружающей среды. Но новые культурные нормы редко создаются путем обсуждения и дальнейшего их принятия всеми членами социальных групп. Новые социальные нормы рождаются и развиваются в результате повседневного поведения индивидов, в столкновении постоянно возникающих социальных обстоятельств. Отклоняющееся от старых, привычных норм поведение небольшого числа индивидов может быть началом создания новых нормативных образцов. Постепенно, преодолевая традиции, отклоняющееся поведение, содержащее новые жизнеспособные нормы, все в большей степени проникает в сознание людей. По мере усвоения членами социальных групп поведения, содержащего новые нормы, оно перестает быть отклоняющимся.

Исследователи выделяют группы факторов, детерминирующие отклоняющееся поведение личности. Это внешние условия физической среды; внешние социальные условия; внутренние наследственно-биологические и конституциональные предпосылки; внутриличностные причины и механизмы отклоняющегося поведения.

К внешним физическим условиям девиантного поведения можно отнести такие факторы, как климатический, геофизический, экологический и др. Например, такие явления, как шум, теснота, геомагнитные колебания, потенцируя стресс, могут стать неспецифическими причинами агрессивного и другого нежелательного поведения. Это явление неоднократно описывалось в мировой литературе. В качестве примера приведем поведение героя романа А. Камю «Посторонний», который без видимых на то оснований убивает незнакомого ему человека на фоне летнего палящего, знойного, полуденного солнца, особым образом воздействующего ему на психику. Или вспомним героя

романа Ф. М. Достоевского «Преступление и наказание», который «вынашивает» свою теорию «убийства по совести» в обстановке спертой, тесной, убогой комнатенки. В документальном фильме австрийского режиссера Ульриха Зайдля «Собачья жара» необыкновенно точно изображается влияние высокой температуры воздуха на психическое состояние человека. И, наконец, Жан Батист Гренуа, из романа П. Зюскинда «Парфюмер», обретает свой патологически гениальный дар создавать ароматы в атмосфере удушливого запаха гниющей рыбы.

Влияние современных субкультур на девиантное поведение личности является чрезвычайно важным, хотя и недостаточно изученным вопросом. В то же время хорошо известно, что личность всегда включена в какую-либо социальную группу. В ряде случаев групповые потребности доминируют – быть включенным в группу, следовать ее нормам, подражать ее участникам, противопоставлять себя другим группам. На этой почве вырастают самые разнообразные субкультуры – аристократическая элита, хиппи, металлисты, рокеры, эмо, готы, неформалы, панки, скинхеды и т. д.

Многообразие проявлений девиантного поведения приводит исследователей к мысли о необходимости их классифицировать. В ходе дальнейшего исследования видов и форм девиаций, позволим себе привести таблицу, составленную исследователем Н. В. Майсак, где представлена матрица социальных девиаций, структурированная по степени социальной одобряемости (см. дополнение).

Из приведенной таблицы видно, что исследователь выделяет виды и подвиды девиантного поведения, исходя из градаций степени социальной одобряемости, а также типа поведения и характера социальной направленности. Ученым приведены примеры девиаций разной природы и разного характера, начиная от незначительных отклонений, от общепринятых норм до серьезных действий противозаконного характера. Н. В. Майсак приводит разнообразные примеры девиаций – начиная от созна-

тельных попыток нарушить общепринятые каноны до утверждения собственного мировоззрения и миропонимания, кардинально антагонистичного доминирующей культуре [141].

Интересной и методологически значимой для нас явилась классификация девиантного поведения, предложенная С. С. Фроловым. В качестве основных проявлений девиантности, исследователь выделил:

«Культурно одобряемые отклонения. Отклоняющееся поведение всегда оценивается с точки зрения культуры, принятой в данном обществе. Эта оценка заключается в том, что одни отклонения осуждаются, а другие одобряются». Созидательные девиации (социальные инновации, нововведения) – это социально значимые в действиях человека отклонения от общепризнанных норм поведения, определяющие наиболее прогрессивный в энергетическом, а, значит, и адаптационном плане, вектор эволюционного развития общества. Поскольку любая девиация первоначально зарождается на уровне сознания отдельного человека и через его действия проводится в жизнь, то этим еще раз подтверждается, что первопричиной социальной эволюции, активной движущей силой ее является человек, точнее внутриличностный конфликт, возникающий в процессе выбора им той или иной формы социально-ролевого поведения.

С. С. Фролов характеризует необходимые качества и способы поведения, которые могут привести к социально одобряемым отклонениям. Это:

«- сверхинтеллектуальность. Повышенная интеллектуальность может рассматриваться как способ поведения, приводящий к социально одобряемым отклонениям лишь при достижении ограниченного числа социальных статусов. Сверхинтеллектуальность может быть даже помехой, так как изолирует личность от остальных членов группы. Возвеличивание на основе интеллектуальности возможно только в отдельных, строго ограниченных областях человеческой деятельности (в науке, культуре, политике);

- особые склонности. Позволяют проявлять уникальные качества на очень узких, специфических участках деятельности. Отдельные способности часто бывают необходимыми для реализации особых склонностей и проявляются в возможности сделать работу лучше других на очень узком участке деятельности, где проявляется крайне специфический талант (спорт, искусство);

- сверхмотивация» [217, с. 87]. Здесь ученый ссылается к учению З. Фрейда, который полагал, что интенсивная мотивация часто служит компенсацией за лишения или переживания, перенесенные в детстве или юности. Так, например, существует мнение, что Наполеон имел высокую мотивацию к достижению власти в результате одиночества, испытанного им в детстве. Непривлекательная внешность и отсутствие внимания со стороны окружающих в детстве стали основой для сверхмотивации Ричарда III; Николло Паганини постоянно стремился к славе и почету в результате испытанной в детстве нужды и насмешек сверстников.

Культурно осуждаемые отклонения. Большинство обществ поддерживает и вознаграждает социальные отклонения, проявляемые в форме экстраординарных достижений и активности, направленной на развитие общепринятых ценностей культуры. Нарушение же нравственных норм и законов в обществе всегда строго осуждалось и наказывалось. Девиантное поведение деструктивной направленности – совершение человеком или группой людей социальных действий, отклоняющихся от доминирующих в социуме (отдельной социальной группе, страте) социокультурных ожиданий и норм, общепринятых правил выполнения социальных ролей, влекущих за собой сдерживание темпов развития общества: разрушение энергетического потенциала отдельных личностей и общества в целом. Разрушительную (асоциальную) девиацию нельзя отождествлять только с преступностью. Преступность – поведение, уголовно наказуемое, запрещенное законом, является лишь одной из форм данного вида девиантного поведения.

По мысли С. Фролова, для того, чтобы деструктивная девиация не получала широкого распространения, необходимо:

- а) расширять доступ к законным способам достижения успеха и продвижения по социальной лестнице;
- б) соблюдать социальное равенство перед законом;
- в) постоянно совершенствовать само законодательство, приводить его в соответствие с новыми социальными реалиями;
- г) стремиться к адекватности преступления и наказания.

Все это в совокупности позволит снизить социальное напряжение в обществе, уменьшить его криминализацию. Только при выполнении вышеперечисленных требований общество имеет право называться правовым и демократичным.

Особенность сегодняшнего времени – кризисное состояние общества, затрудняющее процесс формирования официальных каналов вертикальной восходящей мобильности. К сожалению, сегодня высшее образование (даже престижное) не выступает гарантом социальной карьеры и материального благополучия. В то же время «авантюрная» карьера, работа в предпринимательских кругах с темным (криминальным) прошлым представляются многим быстрым «социальным лифтом», каналом, ведущим наверх, к вершине социальной стратификации современного украинского общества. Можно сказать, что «большое» общество «программирует» патологию и на уровне индивидуального поведения. Макросреда выступает своеобразным фоном для воздействия факторов микросоциальной среды, которая непосредственно влияет на социальное поведение. Социологические исследования показывают компенсаторный характер девиантного поведения. В первую очередь это касается употребления наркотиков, которые восполняют нехватку общения, внимания со стороны близких, эмоционального тепла, разнообразных впечатлений, а также снимают стрессы, фобии различного вида. Употребление наркотиков можно рассматривать как элемент складывающейся субкультуры, выполняющий функцию бегства

от реальных проблем, трудностей, неустроенности в мир миражей и иллюзий.

Следует отметить, что отклоняющееся поведение часто служит основанием, началом новых культурных норм. Без него было бы трудно адаптировать культуру к изменению общественных потребностей. Вместе с тем вопрос о том, в какой степени должно быть распространено отклоняющееся поведение и какие его виды полезны, а самое главное – терпимы для общества, до сих пор практически не разрешен. Если рассматривать любые области человеческой деятельности: политику, управление, этику, то нельзя вполне определенно ответить на этот вопрос (например, какие нормы лучше для сегодняшнего общества: европейские демократические или традиционные, свойственные украинскому менталитету, патриархальные). Однозначный ответ на этот вопрос дать трудно. Вместе с тем не все формы девиантного поведения требуют столь детального анализа. Криминальное поведение, сексуальные отклонения, алкоголизм и наркомания не могут привести к появлению полезных для общества новых культурных образцов. Такого рода социальные отклонения однозначно играют деструктивную роль в развитии общества.

С нашей точки зрения, созидательные девиации выполняют важнейшие позитивные социальные функции. Они необходимы, чтобы общество было гибким и готовым к переменам. Так как девиантное и нормативное поведение – две равноценные составляющие социально-ролевого поведения, девиация может способствовать эффективному функционированию общества. Во-первых, девиации способны усиливать подчинение нормам. В связи с этим, исследователь Э. Сагарин отмечает, что один из наиболее эффективных методов, обеспечивающих следование большинства людей нормам, состоит в том, чтобы объявить некоторых людей нарушителями нормы. Это позволяет держать остальных в подчинении и одновременно в страхе оказаться на месте нарушителей. Выказывая враждебное отношение к недос-

таточно хорошим и правильным людям, большинство или обле- ченная властью группа людей может укрепить идею о том, что хорошо и правильно, и таким образом создать общество инди- видов, которое будет более послушным и лояльным к их идео- логии и правилам поведения. Во-вторых, девиации способствуют необходимым обществу обновлениям, модернизации уста- ревших моральных норм и традиций или, как свидетельствуют исследователи Ю. Г. Волков, В. И. Добреньков, являются ката- лизатором социальных изменений: «Каждое нарушение правила служит предостережением, что социальная система функциони- рует неправильно. Конечно, политическая элита не может рас- сматривать высокий уровень грабежей как сигнал того, что гра- бежи следует легализовать, а общественные блага перераспре- делить. Однако этот факт говорит о том, что в обществе множе- ство неудовлетворенных людей, что институты социализации молодежи не справляются со своей задачей, что соотношение социальных сил находится под вопросом, а моральные принци- пы общества нуждаются в пересмотре. Таким образом, девиация зачастую служит толчком для признания необходимости внесе- ния изменений в социальную систему. Можно сказать, что это призыв к пересмотру старых норм и одновременно новая мо- дель» [203].

Девиантное поведение, по нашему убеждению, представ- ляет собой результат сложного взаимодействия процессов, про- исходящих в обществе и сознании человека. Характер девиант- ного поведения, направленность энергетического потенциала человека зависят, во-первых, от того, как он научен, отвечать на возникающие трудности: путем созидательных или разруши- тельных действий, во-вторых, от того, каким образом общество стимулирует социально-инновационные, созидательные дейст- вия личности.

Поэтому разрушительную (асоциальную) девиацию нельзя отождествлять только с преступностью. Преступность – поведе- ние, уголовно наказуемое, запрещенное законом, и является

лишь одной из форм девиантного поведения. В то же время проявления девиантного поведения не ограничиваются негативными и опасными для общества тенденциями, а имеют огромный, общезначимый потенциал для творчества и развития.

Созидательные девиации (социальные инновации, нововведения) – это социально значимые в действиях человека отклонения от общепризнанных норм поведения, определяющие наиболее прогрессивный вектор развития общества. Позитивными девиации являются тогда, когда способствуют прогрессу общественной системы, помогают преодолеть устаревшие, консервативные стандарты поведения. Созидательная девиация должна рассматриваться как совершенно нормальное явление в жизни любого общества, так как даже самый совершенный закон не в состоянии учесть всего многообразия жизненных ситуаций. Степень совершенства закона относительна, поскольку общество изменчиво. Так как любая девиация первоначально зарождается на уровне сознания отдельного человека и через его действия проводится в жизнь, то этим еще раз подтверждается, что первопричиной социальной эволюции, активной движущей силой ее является человек, точнее внутриличностный конфликт, возникающий в процессе выбора им той или иной формы социально-ролевого поведения. Каждая девиация содержит в себе разрушительные и созидательные начала, но для процесса социальной эволюции важно, какой компонент преобладает.

Социальные идеалы (ценности), ожидания, общепринятые правила, нормы, как и критерии девиантного поведения, со временем меняются. Если процесс социализации и социальный контроль отвечают за сохранение социокультурного кода, функцию социального наследования в процессе общественного развития, то девиация – за функцию социальной изменчивости, приспособляемости индивида и всего общества к новой социальной реальности. Под новой социальной реальностью мы понимаем ситуацию, при которой возникает противоречие между сложившимися в обществе целями и средствами (невозмож-

ность удовлетворения старыми способами прежней потребности), а также возникновение новых потребностей.

Девиантное поведение, сопровождающееся активной созидательной деятельностью, способствует самоактуализации, самореализации и самоутверждению личности. Последнее является важнейшей психологической причиной, объясняющей желание людей ответить на вызов быстро меняющейся социальной реальности. Чтобы общество эффективно функционировало, необходим баланс между жесткими социальными нормами и более мягким модальным поведением. Очевидно следующее – абсолютное согласие (конформизм) с социальными нормами, проявляющееся у всех и всегда, не способствует развитию и модернизации общества. Поэтому сам факт существования в обществе девиантов является своеобразным индикатором уровня готовности социальной системы к изменению и развитию.

2.2. Позитивная девиация как творческий феномен

В социальной философии духовное бытие человека предполагается как осмысленное существование в форме свободного самоопределения в мире ценностей. При таком подходе общество выступает как целое, где личности развиваются в свободные творческие индивидуальности, и становится системой разнообразных отношений между ними на базе самовыражения, средством социализации, творческого саморазвития и самоактуализации. Сегодня все более очевиден факт: XXI век – эпоха становления новой парадигмы культуры, эпоха фундаментальных перемен во всех областях жизни. Отличительной чертой культуры XXI века является факт взаимодействия человека с различными культурами прошлого и настоящего. В этом «диалоге культур», по Библеру, происходит постоянное столкновение культурных норм [22, с. 289].

Следует признать, что в современном обществе не существует и не может существовать единой «культурной матрицы»

для определения моральных и поведенческих стандартов. Кризисные явления в культуре, которые мы повсеместно наблюдаем, проявляют не только гибель старого опыта мировосприятия, но и рождение нового. В этих условиях протест против нормы, кризис идентификации выступают как поиск путей обновления ценностного фонда эпохи и образа жизни социума. Одной из форм указанного поиска являются творческие девиации, превратившиеся в современном обществе из индивидуального способа поведения в достаточно распространенное явление.

Объективная диалектика утверждает – практическими действиями и поступками человек, как субъект, целенаправленно изменяет внешний мир (природу и общество), а тем самым и себя. Личность творит себя на протяжении всей человеческой жизни. В основе этого лежит ее деятельность – инициативное воздействие на окружающую среду, на других людей и себя. «Активность в среде, инвариантность ее различных проявлений создает особые условия для инициативы и самостоятельности, творчества и самоутверждения, свободы социальной и творческой ориентации, оценок и предпочтений» [108, с. 10]. Именно в активности следует искать предпосылки формирования девиантного поведения, нацеленного не на сознательное уничтожение устоявшихся этических норм, а на утверждение новых, прогрессивных, инновационных форм самовыражения. Ведь отклоняться от среднего стандарта поведения можно как в отрицательную, так и в положительную стороны. При последнем речь идет о положительных девиациях, часто принимающих форму творческой активности.

Масштабы распространения различных форм девиантного поведения этого типа подвижны во времени и пространстве. Они могут значительно возрастать в периоды социальных изменений, реформ, преобразований, когда происходит разрушение устоявшихся стереотипов и устаревших норм поведения. Именно такой период переживает сегодняшнее украинское общество

– трансформационные процессы охватывают все сферы жизнедеятельности людей.

О девиантном поведении, направленном на разрушение старого и отжившего во имя созидания нового, прогрессивного – позитивной девиации, как специфическом признаке творческой деятельности пойдет речь в дальнейшем исследовании. Позитивные девиации могут иметь форму нового мышления, новых идей, а их проявления могут носить характер творческой деятельности. Под позитивными девиациями мы понимаем социально значимые в действиях человека отклонения от общепризнанных норм поведения. Подобная форма предполагает активность, играющую значительную роль в прогрессивном развитии общества.

В рамках настоящего исследования мы считаем целесообразным рассмотреть позитивные девиации как фактор социокультурной модернизации общества, а также специфический способ общекультурной социализации и форму социально-культурного самоутверждения и самореализации. Обозначить существенные признаки такого явления, разобраться с причинами, стимулирующими его, а также определить роль, значение и диапазон применения позитивных свойств такой девиации мы считаем чрезвычайно актуальной задачей социальной философии.

Сегодня проблемой позитивной девиации занимаются многосторонне и разнопланово. В ряде исследований отмечается, что возможности ценностно-нормативных регуляторов девиантного поведения как составного комплекса социального регулирования не стоит недооценивать.

Особый акцент сегодня приобретает проблема девиантного поведения, проявляющегося в творческой деятельности. Этот процесс на сегодняшний день не до конца изучен и требует всестороннего научного исследования и аналитики.

В современной отечественной науке Я. И. Гилинский, одним из первых, начал серьезно изучать созидательный, позитив-

ный характер девиации. Он утверждал: «Девиации (флуктуации – в неживой природе, мутации – в живой) являются всеобщей формой, механизмом, способом изменчивости, а следовательно, и жизнедеятельности, развития каждой системы» [61, с. 24]. По мысли исследователя, некоторые девиации являются необходимым для общества прогрессивным явлением, призванным обновлять, модернизировать устоявшиеся стагнационные процессы.

В своих работах Я. И. Гишинский отмечает, что в качестве критерия оценивания поведения, в обществе существует устоявшаяся социальная норма, которая «...определяя исторически сложившуюся в конкретном обществе меру допустимого поведения, может либо соответствовать законам общественного развития, либо отражать их недостаточно адекватно, а то и находиться с ними в противоречии, будучи продуктом искаженного отражения объективных закономерностей. И тогда социальная «норма» оказывается сама «анормальной». Именно поэтому девиантное поведение может быть позитивным, ломающим устаревшие нормы и объективно способствующим прогрессу (социальное творчество)» [60].

Ряд исследователей проблемы девиантного поведения также указывают на тот факт, что в некоторых случаях оно может иметь позитивную моральную оценку. А. О. Ручка, О. Г. Здравомыслов, Г. Глейзерман, В. Келле, Н. Пилипенко и другие, наряду с негативными отклонениями, выделяли также и факты позитивной аномалии в социальном поведении. Так, А. О. Ручка к позитивным отклонениям в поведении человека относит такие явления, которые «... еще не стали статистической нормой для всех социальных групп общества, а потому выступают только в виде позитивных «отклонений», которые развивают, двигают актуальные формы жизнедеятельности к новому качеству» [187, с. 48].

Современные исследователи проблемы девиантности А. И. Кравченко, В. Ф. Анурий выдвинули убедительную концепцию, согласно которой характерной чертой девиантного

поведения является культурный релятивизм. С точки зрения ученых, это означает, что «...социальная норма, принятая либо по неписанной традиции, либо законодательно, – явление весьма относительное» [123]. Исследователи справедливо утверждают, что позитивные выдающиеся качества (гениальность, креативность, талант) в разных обществах и эпохах могут быть по-разному оценены, то, что считалось нормой в одном социокультурной континууме, являлось абсолютно недопустимым в другом.

А. И. Кравченко, В. Ф. Анурин отмечают тот факт, что далеко не каждая форма социального отклонения (девиации) заслуживает лишь негативной оценки. Она часто содержит в себе указание о необходимости изменения «неработающих» норм и обновление устаревших ценностей. Таким образом, этот тип социальных отклонений имеет соответствующий прогрессивный смысл, являясь катализатором будущих общественных изменений. Безусловно, социальные отклонения (девиации) в поведении людей столь же разнообразны, насколько разнообразны и существующие эталоны поведения – нормы, шаблоны, стандарты и т. д. Поступок человека может не соответствовать социальной норме по объективным или субъективным причинам, целям или мотивам, прямым или косвенным последствиям. Он может быть как новаторским, так и консервативным, как типичным, так и нетипичным, как случайным, так и закономерным. Однако границы и переходы между такими оценками зачастую относительны и изменчивы. Наиболее стойкие и опасные для общества и личности относят к явлениям социальной патологии. Поэтому преодоление явлений социальной патологии, как и других форм девиантного поведения, является необходимым условием оздоровления общества, важной составляющей социальной политики государства. Однако нас больше интересуют творческая составляющая девиантности, являющаяся, на наш взгляд, важным фактором развития общества.

В исследованиях проблемы позитивной девиации часто указывают, что для ее формирования, необходимо как минимум три составляющих:

- способность и одаренность (изначальный, природный потенциал личности);
- способность увидеть свой потенциал, открытость новым идеям и опыту (самоактуализация);
- возможность реализовать себя (социальный аспект).

Бесспорно, каждая девиация содержит в себе разрушительное и созидательное начала, но в процессе общественного развития важно преобладание созидательного. Позитивными девиации являются тогда, когда способствуют прогрессу общественной системы, повышают уровень ее организованности, помогают преодолеть устаревшие, консервативные, стагнационные стандарты поведения. Под девиацией позитивной направленности часто понимается «социальное творчество, «разные формы социальной активности и новаторства, которые могут противоречить или не соответствовать сформированным в обществе в конкретных исторических условиях нормам, шаблонам, стандартам, но, в то же время, нести в себе огромное прогрессивное начало и в связи с этим встречаются в общественной мысли или одобрение, пусть даже прикрытое, или нейтральное отношение» [112].

Глубокий научный анализ девиантности творческой личности в контексте художественного творчества предпринят С. Д. Ключевой в диссертационном исследовании «Девиантность творческой личности». Исследовательница отмечает тот факт, что формы отклонений, содержащие в себе высокие моральные, политические, этические нормы, отображают ценности более высокого уровня, для широкого проявления которых общество еще не созрело. При таком подходе, такие особенности поведения как гениальность, святость, интеллектуальная активность, одаренность могут быть рассмотрены как позитивные девиации.

Об особенностях в поведении великих личностей, позволяющих говорить об их девиантных склонностях, написано немало работ. Известно, что люди творческих профессий подвержены особому суицидальному риску в силу повышенного невротизма и особо болезненной восприимчивости действительности, к тому же, у каждого гения были свои способы стимулирования творческого процесса. Паганини оттачивал свое мастерство, играя на скрипке среди могил. Один из наиболее знаменитых ученых конца XX века, физик, лауреат Нобелевской премии Ричард Фейнман, принимавший участие в создании атомной бомбы, в свободное от исследовательской работы время занимался взламыванием замков. Анри Матисс, перед тем как приступить к рисованию, испытывал острую потребность в насилии.

Судьба Винсента Виллема Ван Гога, голландского художника-постимпрессиониста, по-прежнему остается хрестоматийным примером жизни непризнанного гения. Его припадки безумия, нищета, отверженность создали трагический образ «художника, самоубитого обществом». Всемирно известный художник злоупотреблял алкоголем, отрезал себе левое ухо и написал автопортрет в таком виде, а в возрасте 37 лет покончил жизнь самоубийством. После его смерти, кстати, врачами было обнаружено свыше 150 медицинских диагнозов, которые при жизни были поставлены великому живописцу.

Немецкий художник-импрессионист Эрнст Людвиг Кирхнер страдал нервными расстройствами, мучился приступами тревоги и употреблял морфий. Современники отзывались о нем как о вспыльчивом и крайне подозрительном человеке, под влиянием депрессии и наркотиков эти качества только усиливались. В состоянии маниакальной депрессии он застрелился в своем доме в Фрауэнкирхе в 1938 году в возрасте 58 лет.

Наиболее ярким примером творчески-девиантной личности можно назвать Сальвадора Дали. Об этом художнике написано немало литературы, его поведение было вызывающим и порой отталкивающим. Даже в наше время не все могут воспри-

нимать его творения. Но не признать его гениальность просто невозможно.

К числу гениев с ярко выраженной девиантностью можно отнести: Сергея Есенина, поэта с необыкновенной харизмой и провокационным поведением, Василия Кандинского – художника, создававшего свои произведения в своеобразной манере, с использованием специфической колористики, эпатажных сюжетов, нестандартным подходом к решению творческих задач. Многие гении творили с помощью понятных лишь им способов, зачастую просто не укладывающихся в систему общепринятых норм поведения.

Но самым странным гением нашего времени считается петербургский математик Григорий Перельман. Ему удалось удивить весь мир дважды. Первый раз, – когда он доказал гипотезу Пуанкаре, над решением которой бились лучшие математики XX века. Второй раз, – когда стал решительно отказываться от заслуженных «лавровых венков» – медали и возможной премии в миллион долларов, учрежденной математическим Институтом Клэя в Бостоне.

Можно приводить множество примеров, ярко демонстрирующих «несоответствие» таких людей общепринятым, традиционным моделям поведения. Факт остается фактом – у гениальности есть вторая сторона, и ее содержание часто не укладывается в рамки обыденного сознания. Противоречия между творческим и обыденным сознанием, на наш взгляд, зачастую порождает явление девиантности, как единственного способа реализовать творческий потенциал талантливого человека.

Современная российская исследовательница Е. А. Рогалева рассматривает эпатаж как средство выхода из неопределенного и неустойчивого положения, порождённого отсутствием единой «культурной матрицы» для принятия решений в условиях современного столкновения культур. Эпатаж у Е. А. Рогалевой – это проявление девиантного поведения вследствие утраты самоидентификации и одновременно поиск новой идентификации.

Она считает, что присутствующий в эпатаже элемент игры позволяет использовать художникам девиантное поведение не для разрушения, а для творчества, так как игра создает порядок за пределами пространства повседневной жизни [182]. Схожую позицию занимает С. Даниель; в его понимании эпатаж – это девиантность, переходящая из жизни художника в его творчество: «...авангардное поведение есть...ролевое девиантное поведение, ...где...скрыта граница, разделяющая художественно-эстетическое творчество и жизнестроение» [66]. На наш взгляд, аналогия между творческой девиантностью и эпатажем является весьма интересной, но не дающей исчерпывающего объяснения самого механизма возникновения подобного рода явлений.

Рассматривая полярные проявления девиантного поведения, Е. В. Змановская приходит к выводу, что «любое девиантное поведение предполагает не только стремление разрушить или сместить фрустрирующий блок, но и концентрацию энергии (физической и психической), необходимой для осуществления этого замысла. Несмотря на то, что они также отклоняются от общепринятых норм, вызывая раздражение консервативно настроенной части населения, эти феномены скорее полезны для общества, чем опасны. Так, радикально настроенные личности нацелены на коренные преобразования в обществе, что стимулирует прогрессивные изменения в нем. Креаторы, отличаясь нестандартностью, выступают исследователями и первооткрывателями. Маргиналы противопоставляют себя большинству, расширяя границы социальных норм» [68]. Автор предупреждает о необходимости сознательно избегать использования терминов с уничижительным оттенком, а также навешивания ярлыков при оценке деятельности таких людей.

Любопытную классификацию девиаций предлагают Т. А. Донских и Ц. П. Короленко. Они делят все поведенческие девиации на две большие группы: нестандартное и деструктивное поведение. Нестандартное поведение может иметь форму нового мышления, новых идей, а также действий, выхо-

дящих за рамки социальных стереотипов поведения. Подобная форма предполагает активность, хотя и выходящую за рамки принятых норм в конкретных исторических условиях, но играющую позитивную роль в прогрессивном развитии общества. Примером нестандартного поведения может быть деятельность новаторов, революционеров, оппозиционеров, первооткрывателей в какой-либо сфере знания, а также творческая деятельность, выходящая за рамки канона. Данная группа не может быть признана с отклоняющимся поведением в строгом смысле. Типология деструктивного поведения выстраивается в соответствии с его целями. В одном случае – это внешнедеструктивные цели, направленные на нарушение социальных норм (правовых, морально-этических, эстетических, культурных) и, соответственно, внешнедеструктивное поведение. Во втором случае – внутريدеструктивные цели, направленные на дезинтеграцию самой личности, ее регресс, и соответственно внутريدеструктивное поведение. Естественно, что нестандартное поведение граничит с позитивной девиантностью, а его проявления часто носят характер творческой деятельности [123, с. 72].

Зачастую проблема личностной модели девиантного поведения выступает как проблема самовыражения личности через ее объективацию. И это понятно. Личность отражает социальную действительность, индивидуально преломляет и преобразует отражаемое, определенным образом относится к внешнему миру на основе этого преобразования и практически преобразует окружающий ее мир. Человек, так или иначе, творчески выражает свое отношение к социальному миру.

Изучению творчества как вида интеллектуальной активности посвящены научные работы Н. П. Кичук. Исследовательница ставит вопрос о роли мотивационных составляющих в реализации творческого потенциала личности. Мотив прямо и опосредованно влияет на продукт творческой деятельности и, в конечном счете, определяет сущность девиантности: «Оскільки під «клітинкою» творчого потенціалу розуміється інтелектуальна

активність, то творчість представлена не як проста її похідна, а переломлена через мотивацію; відтак, ми відводимо системостворювальну роль саме когнітивним процесам.

У пізнавальній сфері домінуючого значення набуває саме науково-педагогічний стиль мислення особистості. Творчу направленість розуму людини визначає, головним чином, мотиваційна сфера – підсистема такого системного утворення, як творча особистість. При цьому враховується, що мотивація має властивість видозмінюватися, поглиблюватися, що і виявляється у змінах у творчому потенціалі особистості» [109].

Каждому человеку необходим какой-либо объект, на котором он мог бы «реализовать свою субъективность» (Л. С. Выготский), проявить свою сущность, выразить себя. Способов и форм социальной и психологической самореализации существует много: для одних – это творчество, для вторых – общественная работа, милосердие, для третьих – хобби, мода, для четвертых – алкоголизм, наркомания, проституция и другие социальные отклонения.

Рассматривая основные детерминанты отклонений в повседневном поведении различных людей, ученые А. И. Кавалеров и А. А. Кавалеров приходят к выводу, что значительную роль при определении сущности девиации играют ценностно-нормативные регуляторы, которые через интериоризацию индивидуального сознания создают предпосылки для преобразования социальных ценностных норм с внешних стимулов во внутренние мотивы поведения. При этом ученые отмечают: «...слід пам'ятати, що кожній людині властива своя система ціннісних орієнтацій і цінностей, які можуть перебувати у суперечності із загально прийнятими ціннісними нормами, що є однією з причин девіантної поведінки даної людини» [96, с. 11].

Совместная предметно-ориентированная деятельность и непосредственные контакты членов социальной группы, неформальное общение служат основой формирования общности взглядов, норм поведения и ценностных ориентации, мнений и

групповых предпочтений, установок и других социально-психологических явлений. Любая социальная группа, чтобы сохранить свое существование, примет меры к тому, чтобы превратить групповые нормы и взгляды, установки и ценностные ориентации в принципы и правила индивидуального поведения. Естественно, всякое отклонение от нормы и ценностей отражается в реальном поведении человека, и это фиксируется другими членами группы и влияет на их отношение к нему. А поскольку каждый человек дорожит положительным отношением к нему тех людей, с которыми он непосредственно взаимодействует, то это и определяет силу социально-психологического влияния группы на своих членов. Таким образом, диалектическое понимание взаимосвязи личности и ее микросреды предполагает необходимость признания активности самой личности, ее относительной самостоятельности. Эффективность воздействия на личность со стороны социальной среды будет существенным образом зависеть от того, насколько те или иные воздействия соответствуют субъективному внутреннему миру личности, каким образом они будут преломляться, трансформироваться, «взаимодействовать».

Сегодня важной практической задачей для современного общества является проблема правильного использования творческих ресурсов людей, которые не укладываются в привычные шаблоны и стандарты. Речь идет не только о творчестве, но и о тех сферах деятельности человека, где креативность является непременным залогом ее эффективности. Сегодняшнее общество потребления предъявляет повышенный спрос на позитивных «девиантов». Позволим себе привести любопытные данные, опубликованные на страницах интернет-изданий.

Менеджеры крупных западных корпораций в последние годы успешно используют творческий потенциал девиантных личностей. Так, на логотипе крупной преуспевающей компании Positive Deviance Initiative (PDI) изображены три белых лебедя, летящих вместе с запада на восток, и черный лебедь, который,

наоборот, держит путь с востока на запад. Директор PDI Джерри Стернин считает, что поиск и поддержка «гадких лебедей», не вписывающихся в корпоративные стандарты, – лучший способ осуществить инновации в компании. Впервые он увидел таких людей во Вьетнаме, где наблюдал за ходом выздоровления детей, пострадавших от последствий войны. Д. Стернин заметил: некоторые из них, принимавшие те же лекарства, что и остальные, исцелялись гораздо быстрее. Он предположил, что их организм умеет самостоятельно находить способы борьбы с болезнью. Тех, кто использует общие ресурсы, но добивается результатов, заметно превышающих норму, исследователь назвал «позитивными девиантами».

На основе своего открытия Д. Стернин разработал модель изменений, которую уже опробовала на себе компания. Суть стратегии в том, чтобы искать сотрудников, которые обладают индивидуальным стилем выполнения работы, а потом копировать этот стиль. То есть нужно превратить отклонение в норму. «Позитивная девиантность резко контрастирует с обыкновенным организационным развитием, – объясняет директор по отношениям с университетами Барбара Во, – мы должны искать не поломки в системе, которые нужно устранить, а, напротив, то, что в ней работает слишком хорошо».

Американский инженер Ч. Пател занимался обычной проблемой – компьютерной системой охлаждения. Ч. Пател стал первым официально зарегистрированным позитивным девиантом в компании. Он занимался технологиями охлаждения микропроцессоров и считал, что компания должна расширить область применения кулеров. Никто из менеджеров на тот момент не разделял мнение инженера. Тем не менее, однажды Ч. Пател получил шанс. Он собрал в переговорной менеджеров и попытался объяснить, почему, с его точки зрения, переход на новую систему работы обеспечит компании коммерческий успех. Пател сумел заразить руководство своей страстью к кулерам, и, хотя он был простым инженером, его предложение было приня-

то. Через некоторое время компания стала использовать в своих дата-центрах решения, подобные системам охлаждения персонального компьютера. Ч. Пател существенно снизил расход энергии в дата-центрах – и получил в награду высокий пост в фирме. «Самый главный ингредиент позитивной девиантности – страсть одиночки, который верит, что компания – то место, где он может реализовать свою мечту, невзирая на то что эта мечта многим кажется неуместной», – объясняет Барбара Во. Успех инициативы Ч. Патела вдохновил руководство на дальнейшие поиски позитивных девиантов, и компания еще не раз извлекала пользу из нестандартных сотрудников.

«Отклонение – это совсем не то, чего нужно непременно бояться. Тем более нельзя за это сразу наказывать, – отмечает вице-президент компании У. Джонсон. – Менеджер должен уметь приглядываться к тому, что делают сотрудники». Согласно новому видению, хороший управленец – это не тот, кто следит за выполнением норм, а тот, кто находит «позитивные отклонения» и умеет их использовать во благо компании. Итак, согласно такому подходу позитивные девианты – сотрудники, которые работают не так, как остальные, а на принципиально другом уровне. Речь идет об отдельных специалистах, работающих на периферийных участках бизнеса, в стороне от общекорпоративных инициатив по реорганизации. Они используют нестандартные приемы и методики, и поэтому их решения намного эффективнее, чем решения остальных сотрудников.

Стратегию позитивных девиантов можно превратить в корпоративный стандарт, но для этого следует отказаться от привычных методов и концепций передачи опыта. Очень важно вовлечь членов сообщества в процесс открытия, превратить их самих в пропагандистов собственного опыта преобразований. Руководитель при этом играет совсем другую роль, чем в традиционных сценариях управления изменениями [181].

Вышесказанное подтверждает – активность, как деятельное состояние субъекта детерминирована изнутри в сторону его

отношения к миру, и реализуется вовне – в процессах его поведения. Важнейшую роль здесь играет потребность человека в приспособлении к окружающей среде. Если окружающая жизнь не ставит перед человеком задачи, если привычные и наследственные его реакции вполне уравнивают его с окружающим миром, тогда нет никакого основания для возникновения позитивных девиаций. Существо, которое является вполне приспособленным к окружающему миру, остается только адаптивным. Поэтому в основе любого творчества лежит, с одной стороны, неприспособленность, из которой возникают потребности, желания, а с другой – стремление изменить окружающую среду. Наличие потребностей или стремлений, таким образом, побуждает к активным действиям.

Деятельность, как известно – основная форма бытия человека, но не всякая деятельность способствует актуализации сущностных качеств личности. Всеобщей характеристикой жизни является активность – деятельное состояние живых организмов как условие их существования в мире, стремление изменить его, творить мир и выражать тем самым свою сущность. Чем больше у человека возможностей изменять вещи и орудия, реализовать, таким образом, свои сущностные, то есть творческие задатки, тем в большей мере он может выразить себя, познать и самосовершенствоваться, а творчество, в данном контексте, выступает наиболее адекватным способом проявления активности и самовыражения личности. Следовательно, только творческая деятельность обеспечивает самореализацию личности, а степень реализации ее сущностных свойств зависит от уровня активности личности. С нашей точки зрения, позитивные девиации, это не просто отклонения от нормы – это совокупность всех оригинальных (творческих, креативных) действий, приносящих нечто новое, продуктивное в реальность. Они представляют собой выход за рамки обыденного, особый вид деятельности, актуализирующий потенциальные свойства и ресурсы личности, что предполагает наличие у субъекта способностей, мотивов, знаний

и умений. Благодаря этому создается продукт, отличающийся новизной, оригинальностью, уникальностью. В условиях современной действительности именно такие характеристики чрезвычайно необходимы для продуктивного функционирования социальной системы.

Ведь если не раскрывать и не использовать все возможности человека в жизни общества, пострадает вся социальная система. Очевидно, такая задача потребует существенной реорганизации многих социальных институтов, и в первую очередь, образования. Сегодня именно от уровня образования напрямую зависит качество трудовых ресурсов, а, следовательно, и состояние экономики общества. Образование выступает фактором воспроизводства социально-профессиональной структуры общества, система образования формирует гражданина, тем самым воздействуя на политическую сферу общественной жизни, через культурно-воспитательную функцию влияет на духовную жизнь общества. Формирование общей культуры является условием для любой профессиональной подготовки в будущем, создает условия и предпосылки для социальной мобильности человека. Современное образование является, таким образом, средством решения важнейших проблем не только всего общества, но и индивидов, являясь одним из важнейших этапов их личной биографии. А. Маслоу, в связи с этим, указывал на то, что ничто лучше не может способствовать осознанию собственной уникальности, как самостоятельная познавательная деятельность, позволяющая обучаемому индивидуально определиться в информационном поле, представить результат самостоятельной учебной деятельности как продукт творчества.

По мнению Ю. В. Малахина, «здатність студентів ... до самонавчання проявляється в бажанні отримувати повну й різноманітну інформацію з різних джерел, сформованості належного рівня потреби в отриманні новітньої інформації, а також наявності індивідуальних засобів задоволення пізнавальних потреб. Самостійне отримання нових фактів потребує встанов-

лення індивідуальних прийомів самостійної пізнавальної діяльності, що забезпечує можливість самостійно формувати свою індивідуальну пізнавальну самостійність» [143, с. 141-142].

Известно, что в условиях усиления кризисных явления в современном обществе возрастают требования, предъявляемые человеку и его деятельности. Проблема активизации творческого потенциала является важным условием для решения заданий включения человека в инновационные процессы. В комплексе наук о творчестве сегодня наблюдается переход от стадии теоретических разработок вопросов творчества и гениальности к технологии образования. Ведь именно образовательный процесс представляет собой вид объективной интериоризации личности и является частью глобального процесса социализации. В современном образовательном процессе должны быть заложены основы творческой деятельности, новаторства. Учитывая то, что творческая деятельность развивает способность личности генерировать нестандартные идеи, быстро находить выход из проблемных ситуаций, не копируя при этом традиционные схемы мышления, на первый план в современной системе образования, несомненно, должен быть выдвинут принцип триады «образование – деятельность – творчество». С нашей точки зрения, позитивные девиации являются продуктивным звеном в этой цепочке, служат для полноценной реализации творческих способностей личности.

В этой связи С. М. Николаенко справедливо указывает: «Виховання молоді є полікультурною проблемою» [161, с. 292], для решения которой необходимо привлекать все ресурсы общества – экономические, политические, социальные. При этом образование остается мощной силой в процессе воспитания и развития в личности творческого потенциала. Одним из приоритетных направлений в этой области мы считаем гармонизацию негативных проявлений девиации и перевод их в созидательное русло творчества.

РАЗДЕЛ III

ГАРМОНИЗАЦИЯ ПОЛЯРНОЙ ДЕВИАНТНОСТИ В СОЦИАЛЬНОЙ ПРАКТИКЕ ОБРАЗОВАНИЯ

3.1. Общие принципы развития креативности в образовании

Сегодня становится очевидным факт, что инновационные перемены в Украине невозможны без сохранения интеллектуального и творческого потенциала общества, стержнем которых является система образования. Ведь именно она является наиболее значимым фактором общественного воспроизводства: от нее зависит как качество будущих поколений, так и жизнеспособность, и эффективность развития социума. Образование формирует человека конкретного общества, сообразованного с его потребностями, осознающего цели его развития и служащего их реализации. Включая человека в пространство общественно значимых ценностей, формируя универсальные модели поведения и ценностные установки, образование способствует усвоению значимых общечеловеческих ценностей.

Исследование путей развития креативности в контексте современного образования целесообразно осуществлять в рамках социальной философии. Это связано с тенденциями глобализации и информатизации, когда образование практически повсеместно становится массовым по своему характеру и приобретает определяющее влияние на социализацию и развитие людей в современном обществе.

Тем не менее, недостаточная разработанность и связанная с этим актуальность некоторых проблем образования не вызывает сомнений.

В XXI веке со всеми его глобальными социальными, политическими, научными изменениями идет поиск новых, креативных технологий, соответствующих тенденциям развития общества. Однако модернизация в образовательной системе наталки-

вается на трудности и часто не успевает за изменениями в экономике, науке, культуре, в социальных отношениях и общественном сознании. Социальная философия, а также включенный в нее блок проблем системы образования, сделали вопросы использования ресурсов образования при решении проблемы социальной девиантности приоритетным объектом и предметом исследования.

Ситуация современного глобального социокультурного кризиса явилась стимулом в социально-философском дискурсе для научных поисков и разработки стратегий, концепций, подходов, практических инноваций при решении проблемы, прежде всего, дегуманизации общества. Актуальность и новизна подходов, предлагаемых социальной философией в решении многих образовательных проблем, находит отражение в том обилии литературы и концепций, которые на сегодняшний день носят пока экспериментальный характер.

Размышляя о специфике образования в наше время, ученые А. П. Огурцов и В. В. Платонов приходят к выводу, что «в XX в. образование предстает как:

– формирование самосознающей личности в различных исторических способах объективации духа (гуманитарная функция образования с ее акцентом на методы понимания и герменевтической интерпретации целей и ценностей культуры образования);

– выработка свободного от ценностей, нейтрального языка наблюдения, на базе которого можно унифицировать и науки, и образование (ф. о. логического эмпиризма);

– достижение языковой компетенции и научение многообразию «языковых игр» внутри прагматики родного, естественного языка;

– диалогическая Встреча «Я» и «Ты», которые взаимодиагностируются и составляют исходную диаду педагогического отношения – симметричного отношения «учитель – ученик» (диалогическая философия образования);

– последовательность проб и ошибок, постановки и решения проблем, открытый и инновационный процесс, развивающий критическое рациональное сознание и самосознание (философия образования критического рационализма);

– становление личности, включающей в себя необходимость образования или вследствие биологической недостаточности человека, или его социализации и аккультурации; представление укорененное в новом образе Homo educandus, в его историчности, открытости, в отношениях к «Другому» [164, с. 6-7].

Ученые отмечают, что в условиях постоянной дифференциации знаний о человеке, особенно актуальной является проблема интеграции знаний в рамках концепции развивающегося воспитания и образования. Громадную роль в этой интеграции может сыграть образование. По мысли исследователей, в современном образовании не только формируются различные цели воспитания и сформулирована проблема взаимосвязи ценностей образования и ценностей культуры, но и задан новый образ человека, который оказывается наиболее адекватным для реалий нового тысячелетия.

Для решения проблемы девиантности средствами образования в нашей монографии мы используем опыт социально-философских исследований в изучении вопросов, связанных с системой образования. Это позволяет наиболее глубоко и рельефно выявить саму суть проблемы, ее методологический фокус. Все это ведет к раскрытию и решению на парадигмальном уровне целого ряда сложных и неоднозначных вопросов.

Отметим, что изучение проблемы взаимодействия образования и личности в диахроническом плане, способствует полному выявлению сферы ее применения, ее стратегий и методов.

Проблемы образования всегда занимали важное место в философских учениях. В этой связи можно напомнить имена Платона, Аристотеля, А. Аврелия, Я. Коменского, Ж.-Ж. Руссо, которым человечество обязано осознанием культурно-исторической ценности образования.

Основу педагогических воззрений Платона составляла его вера в бессмертие души и переселение душ. С этим связано то исключительное значение, которое Платон придавал воспитанию и образованию: только тот, кто должным образом воспитан и научен отличать добро от зла, может в последующем рождении выбрать правильный образ жизни. Для Платона воспитание и образование определяют не только правильную социальную организацию людей, но и дают человеку подлинную духовную свободу и возможность правильно ориентироваться в мире непреходящих духовных ценностей [189].

Ян Коменский – выдающийся чешский педагог, разработавший новую методику образования, основанную на осмысленности, самостоятельности в мышлении, в речи, практике и в применении их как единственной основы для приобретения прочных знаний о добродетели и блаженстве, в своем трактате «Великая дидактика» писал: «Только образуя и воспитывая человека, мы сможем построить благоустроенное государство и хозяйственные системы» [117].

И. Кант считал, что «человек может стать человеком только благодаря воспитанию. Он – не более того, что делает из него воспитание. Разумеется, человека могут воспитать только люди, но люди, равным образом получившие воспитание. Поэтому недостаточно воспитанные и образованные люди в свою очередь плохо воспитывают своих питомцев». Человеку «природному» И. Кант противопоставлял человека «свободного», то есть, усвоившего социальные нормы и законы и могущего благодаря развитому интеллекту совершать свободное волеизъявление, а не руководствоваться слепыми инстинктами [105].

Образование, по Г. Гегелю, – это возвышение человека к духу и соответственно к свободе, ибо свобода и есть «субстанция духа». Как субстанцией материи, отмечал Г. Гегель, является тяжесть, так субстанцией духа – свобода; дух свободен по определению. Так в форме противопоставления «природы» и «духа» Гегель сохранил кантовскую противоположность «природы»

и «свободы», хотя и подверг существенным преобразованиям как содержательное наполнение этих понятий, так и трактовку их взаимоотношений.

Д. Дьюи подверг критике в книге «Школа и общество» существовавшую в его время школьную систему, где «все приспособлено для слушания», «очень мало места для самого ребенка, для его самостоятельной работы». Философ выдвинул проект идеальной школы, для которой образование тождественно развитию, оказывается реконструкцией или реорганизацией опыта детей. По мысли Дьюи: «Всё, что общество создало для себя, оно через посредство школы предлагает в распоряжение своих будущих членов. Все свои лучшие мысли о себе самом оно надеется осуществить при посредстве новых возможностей, таким образом, открывающихся для него самого в будущем. В этом индивидуализм и социализм единоклюбы. Только будучи справедливым к полному росту всех личностей, составляющих его, общество имеет хоть какую-нибудь возможность оставаться верным самому себе при всех случаях» [77, с. 7-9].

Образование как способ личностной самореализации личности рассматривали также такие ученые, как В. С. Библер, М. Бубер, Б. С. Гершунский, В. А. Колесников, А. П. Огурцов и др.

Образование как предмет социально-философской рефлексии исследуется в работах известных ученых: В. В. Боксогорн, А. Бляшевской, Л. Ветличенко, И. М. Герасимчук, И. А. Кадиевской, Ю. В. Малахина, И. А. Муратовой, С. М. Николаенко, А. С. Нисимчук, О. П. Пунченко, М. И. Романенко, Н. И. Тарадюк и др. Тем не менее, недостаточная разработанность и связанная с этим актуальность проблемы активизации творческого начала в образовании, не вызывает сомнений.

Кризис образовательной системы в нашей стране, обусловленный распадом нормативной и унитарно-идеологизированной педагогики, нацеленной на утверждение коммунистических идеалов и ценностей, обострил интерес и философов, и педагогов к тому философскому наследию, которое существует за рубе-

жом. Как отмечают исследователи А. П. Огурцов, В. В. Платонов: «С середины 40-х годов XX века на Западе философия образования получает институциональную форму – создаются объединения ученых, специализирующихся в области воспитания и образования, теоретиков и практиков педагогики, строятся различные философские концепции, которые осмысляют цели, ценности и нормы педагогического знания, выдвигают различные принципы и методы в качестве фундаментальных для педагогики. Многообразные философские построения, связанные с осмыслением образовательной деятельности, ее целей, норм и ценностей, с взаимоотношением систем образования и культуры, вызвали острые дискуссии в философском и педагогическом сообществе, в той или иной мере нашли свое приложение в педагогической практике» [164].

Важными импульсами для разработки концепции современной образовательной системы стали массовые общественные движения за гуманизацию образования, за альтернативные школы и т. п. Создатель «диалогической философии» М. Бубер применил принципы своей концепции к процессу образования. В противовес прежним концепциям образования, делавшим акцент на изолированном существовании «Я» и на его самосознании, М. Бубер трактует образование, как встречу «Я» и «ТЫ», как взаимное отношение между людьми, основанное на любви. Образование рассматривается им как непреднамеренное, нецелесообразное воздействие учителя на ученика, осуществляющееся в игре, при непосредственном участии в труде и совместной деятельности.

Применение стратегий и принципов философии диалогизма в решении образовательных проблем на сегодняшний день наиболее продуктивно и подтверждается исследованиями отечественных и зарубежных ученых. Причем философия диалога в данном случае выступает методологической базой выстраивания оптимальной модели образовательного процесса.

Именно в недрах этого направления вызревают тенденции гуманитаризации и гуманизации образования. В дальнейшем мы более детально рассмотрим их в процессе анализа принципов креативизации учебного процесса, выявления моделей девиантного поведения и его направления в русло созидания.

Спецификой украинской системы образования всегда была первостепенная значимость культа учителя и школы. Свидетельством тому являются масштабные личности Г. Сковороды, П. Могилы, Ф. Прокоповича, К. Ушинского, А. Макаренко, В. Сухомлинского. Говоря о роли украинской образовательной системы в европейском континууме, Ф. Андрушевич подчеркивает: «Высокая гуманистическая направленность украинского образования, начатая еще Г. Сковородой, П. Юркевичем и продолженная В. Сухомлинским по принципу «сердце отдаю детям», находит свое инновационное воплощение в современных концепциях учебно-воспитательной работы и является важным фактором продвижения украинских образовательных идей в европейское пространство» [7, с. 196].

Философское наследие Г. Сковороды относится к социокультурным достояниям украинской гуманитаристики. Оно основано на принципах демократизма и гуманизма, народных традициях в вопросах обучения и воспитания. Одна из ключевых идей Г. Сковороды, являющаяся чрезвычайно актуальной и востребованной в современной педагогике, состоит в том, что, прежде всего, необходимо формировать и воспитывать в людях высокие моральные качества, которые в дальнейшем станут основой для любых видов человеческой деятельности и творчества.

Важно то, что идея посредством образования развивать в человеке творческое начало и через творчество уходить от негативных проявлений человеческой деятельности является основой для развития гуманистической идеологии современных приоритетных направлений образовательных инноваций.

Продолжением линии формирования человека как целостной личности в украинской социальной философии стали идеи

П. Юркевича о необходимости учитывать в учебном процессе индивидуальные духовные и психологические качества человека, а также его стремления к моральному становлению. Ученый предупреждал, что без моральных ценностей, гуманистической основы знаний, они могут привести к обезчеловечиванию мировоззрения и к значительному ущербу для человека и общества.

Современная наука, безусловно, должна учитывать традиции гуманизма, заложенные Г. Сковородой и П. Юркевичем, тем более что сегодня проблема гуманизации образования звучит актуально и является затребованной в гуманистически-инновационной деятельности.

В XX веке система украинского образования стала частью огромной, монолитной парадигмы советского образования. Одной из тенденций украинской системы образования являлось приобщение учебных заведений к производству, усовершенствование их структуры, устранение параллелизма в подготовке кадров, открытие новых учебных заведений на периферии. Динамика сегодняшних процессов глобализации, формирование элементов экономики знаний и европейского образовательного пространства потребовали модернизации системы образования в Украине и пересмотра границ, форм и методов государственно-регулирования этой стратегически важной сферы.

Размышляя о специфике современного образовательного пространства, М. И. Романенко констатирует: «Найоб'єктивнішим процесом розвитку інформаційного суспільства в основу його процвітання закладено розвиток особистісного потенціалу людини. Тому головною тенденцією розвитку освітніх систем кінця XX ст. стала переорієнтація навчально-виховного процесу на формування розвиненої особистості, створення максимально сприятливих умов для розкриття всіх потенційних здатностей індивіда і формування потенції самостійної життєвої активності у всіх соціальних сферах» [183].

В качестве стратегически важного задания современного украинского общества следует назвать создание необходимой

теоретической основы и условий для реализации инновационных проектов и принципов, которые с одной стороны будут приближать нашу систему образования к европейским стандартам, а с другой – будут учитывать полезный национальный опыт и сохранят ту особую специфику, которая присуща украинскому образованию в разных измерениях – от дидактики до организации.

В современной украинской системе образования можно выделить три основных направления:

1) первое направление – основное образование (от детских садов до высших учебных заведений); результаты его подтверждаются документами государственного образца – аттестатами и дипломами;

2) второе направление – дополнительное образование, осуществляемое на базе детских школ искусств и домов творчества, спортивных секций, кружков научно-технической и художественной направленности и т. д.;

3) третье направление представлено многообразными институтами, составляющими культурную среду, духовный ареал обитания современного человека (Интернет, телевидение, библиотеки, музеи, театры, кино, клубы и др.).

Сегодня приоритет в системе образования явно отдается первому направлению – основному образованию. Но в современном мире развитие творческих способностей невозможно без системного воздействия всех трех перечисленных направлений. Сегодня доминирующей установкой украинского образования становится процесс увеличения человеческих знаний, как одного из самых динамичных ресурсов, способного обеспечить формирование и функционирование инновационной среды и являющейся движущей силой развития общества. Одной из главных прикладных дидактик высшей школы, исследователи Н. Тарадюк, А. Бляшевская считают интеллектуально-креативные технологии, которые обеспечивают приоритет субъектно-

смыслового обучения, диагностику личностного развития учащихся [208, с. 12].

В современной науке все чаще исследователи говорят о кризисе самой системы наших знаний, нашей культуры и вообще о кризисе человека. Одно из проявлений этого кризиса состоит в том, что те знания, которые провозглашаются с кафедры, не имеют ничего общего с тем, какие знания и в каких формах функционируют в реальной жизни. Существуют как бы два потока знаний, почти не связанных между собой. Взаимодействие этих потоков минимально. Те знания, к которым мы пытаемся приобщить подрастающее поколение, не только не выявляют их индивидуальный опыт, а напротив – даже способствуют его деградации. В итоге, интеллектуальное развитие не сопровождается духовным становлением личности, рассматриваемым в логике процесса становления и самоопределения человека. Эта ситуация напрямую касается системы украинского образования. Поэтому противоречия современного этапа существования образовательной системы в Украине основываются на трудностях и диверсификации нужд общества в представителях интеллектуального труда. В современной науке для преодоления описанного кризиса в последние годы обращаются к идее «гармоничного телесного и духовного формирования человека, реализующего все его способности и возможности». Одной из таких способностей мы считаем креативность.

Креативностью принято называть: «...способность к умственным преобразованиям и творчеству, (которая) включает в себя прошлые, сопутствующие и последующие характеристики процесса, в результате которого человек или группа людей создает что-либо, не существовавшее прежде. Основными факторами креативности признаются: оригинальность, семантическая гибкость, образная адаптивная гибкость, способность к обостренному восприятию недостатков, дисгармонии. Рядом зарубежных исследователей креативность связывается с личностными чертами» [176].

Согласно А. Маслоу, креативность – «творческая направленность, свойственная врожденно всем, но теряемая большинством под воздействием среды. Но реализация этой способности и одаренности зависит от развития личности в целом и, в частности, от развития других общих и специальных способностей» [145].

В нашей работе под креативностью понимаются творческие способности индивида, характеризующиеся готовностью к продуцированию принципиально новых идей, отклонением от традиционных схем мышления. Креативность мы рассматриваем как существенный показатель творческой личности.

Среди интеллектуальных способностей креативность выделена нами в особый тип. Взгляд на креативность как индивидуальную черту личности человека предполагает определенное понимание творчества. В данном аспекте речь идет про формирование креативности, как интеграционной черты личности, которая проявляется, главным образом, в том, что человек вкладывает творческое начало во все виды деятельности.

Под креативностью также часто понимают способность человека придумывать усовершенствованные или совсем неожиданные и новые идеи, гибкое, неординарное решение проблем, умение быстро переключаться с одной идеи на другую, способность работать в необычной обстановке, умение видеть что-то особенное в рутинном и что-то рядовое в особенном. Все эти характеристики символизируют человека с креативным мышлением. По мнению П. Торренса, креативность включает в себя повышенную чувствительность к проблемам, к дефициту или противоречивости знаний; действия по определению этих проблем, по поиску их решений на основе выдвижения гипотез, по проверке и изменению гипотез, по формулированию результата решения.

Под понятием «креативность» принято называть такой вид творческой деятельности, которая не только предлагает идеи, но и доводит их до конкретного практического результата. Относи-

тельно оценки креативности продуктов художественной, научной, инженерной, педагогической творческой деятельности исследователи утверждают, что она может быть задана только в контексте существующих в определенной культуре, в определенное время критериев и норм оценок.

Следует отметить, что развитие креативности на современном этапе является одним из основополагающих принципов образования. Безусловно, предпосылкой и почвой для внедрения данного принципа в систему образования является творческий потенциал учащихся, творческие способности, которые должны быть эксплицированы в учебном процессе. С целью более полного освещения проблемы креативности в современной системе образования обратимся к научной традиции различных философских школ и направлений, осмыслявших феномен творчества.

В современных исследованиях проблемы креативности во многом новаторским представляется подход Е. П. Щекиной, изложенный ею в статье «Деструкция как философия креативности в теориях классического авангарда». Исследовательница связывает понятие креативности с неким отступлением от общего хода и порядка вещей, с феноменом разрушения и стихийности творческого процесса. При этом свою концепцию она апробирует на стыке философии и искусствоведения, что наиболее продуктивно в современном гуманитарном дискурсе. Такое «пограничье» позволяет наиболее адекватно выявить в самой стихии разрушения, деструкции творческий феномен, потенцию к динамике, развитию, формированию новых смысложизненных ориентиров. Интересными являются размышления Е. П. Щекиной о дифференциации культурного пространства на традиционную культуру консервативного общества и на культуру как сгусток энергии новаторства, творчества индивидуальности. Первая появляется как ложь, бессмысленное уравнивание лиц с деструктивной направленностью ко всему творческому и новаторскому. Вторая выступает в роли истины с деструктивной сутью в своей основе, направленной против ханжества, морализа-

торства, отсталости мышления и ценностных ориентиров «старой» консервативной культуры. Именно эта вторая, возникающая как реакция по отношению к первой, и является залогом креативности [232].

Таким образом, креативность – это новое, необычное, то что, по мысли структуралиста Ю. М. Лотмана, выступает в роли «культурного взрыва». Данное понятие означает взламывание общей мировоззренческой и методологической платформы, парадигмы мыслительного процесса на всех уровнях культурного и духовного бытия. Следуя мысли Е. П. Щекиной, можно заключить: «С позиций деструкции происходит переоценка ценностей, изменяются также представление о сути понятий «наука», «философия» и «искусство» [231].

Чаще всего основным предметами философского осмысления природы креативности выступают следующие:

- индивидуальное и массовое творчество;
- свобода и границы воображения;
- соотношение эстетического продукта и технического изобретения;
- созидательно-магические словесные практики;
- предпосылки авторства;
- обновительная потенция культурных кризисов.

Как уже отмечалось, творчество выступает как деятельность, созидаящая нечто новое, оригинальное, что притом входит не только в историю развития самого творца, но в историю развития науки, искусства и т. д. [186]. Подобную точку зрения формулируют многие исследователи – А. М. Матюшкин, определяющий творчество как выход за пределы уже имеющихся знаний, преодоление, опрокидывание границ [146]; М. Г. Ярошевский, с точки зрения которого «творчество означает созидание нового, под которым могут подразумеваться как преобразования в сознании и поведении субъекта, так и порождаемые им, но и отчуждаемые от него продукты» [175] и др.

Таким образом, творчество как эстетико-художественный феномен предполагает моделирование нового, созидание второй реальности. Разумеется, все это связано с внедрением механизмов креативности в творческий процесс. В современной системе образования разрабатывается целый комплекс, так называемый тренинг креативности, призванный улучшить продуктивность творческого процесса, его уникальность, неповторимость. Основные задачи данного тренинга можно сформулировать следующим образом:

1. Содействовать переходу из обычных состояний сознания в необычные, по крайней мере, на короткие промежутки времени;

2. Обладание возможностями возбуждать взаимодействие интеллектуальных, волевых и эмоциональных функций;

3. Обеспечение реалистичного столкновения с проблемой, погружение в нее, эмоциональную вовлеченность;

4. Обеспечение столкновения противоположных понятий, образов, идей.

Образовательные технологии креативности опираются на такие основы творческого процесса:

а) логический анализ действительности с использованием приобретенных знаний;

б) решение проблемы существует, но личность это не осознает и не может объяснить;

в) вербализация интуитивного решения проблемы – исполнитель пытается описать ее;

г) формализация найденного решения – правильно выбранный принцип творческого решения проблемы [25, с. 23].

Безусловно, творчество является промежуточной ступенью, механизмом синтеза образовательного процесса как такового и принципов внедрения креативности. Однако для того, чтобы образовательный процесс был четкой, выверенной, методологически и методически продуманной системой, мы все же должны создать и ориентироваться на тот или иной проект обра-

зовання. Как нам представляется, оптимальной в этом смысле выступает модель, предложенная Т. В. Ткач. Исследователь выделяет следующие иерархические уровни системы образования:

- «вибір філософських, соціальних, політичних, управлінських та інших позицій, на основі яких визначаються стратегія, модель і тактика проектування освіти;

- побудова методологічних, психологічних, фізіологічних, дидактичних і методологічних засад сучасної освіти;

- розробка освітніх концепцій різного рівня (загальної концепції школи, концепцій структури, змісту, технологій, контролю освіти, концепції освітніх галузей і предметів, підготовки кадрів тощо);

- розробка освітніх програм усіх рівнів, навчальних посібників, засобів навчання й контролю, методичних посібників і рекомендацій» [209, с. 220].

Таким образом, данная модель выступает базой для образовательного процесса как такового. Она является общей и универсальной для всех без исключения участников многоуровневого и иерархически сложного образовательного процесса. Это его схема, фундамент.

Следует отметить, что внедрение принципов творческой реализации и самореализации, креативности в самом широком смысле этого слова предполагает также некоторые индивидуальные компоненты, учитывающие личностную психосферную организацию каждого индивидуального участника образовательного процесса. В концепции Т. В. Ткач индивидуально-личностные компоненты также учтены. Ими выступают:

- «учнівська компонента в освіті – урахування індивідуальних особливостей, особистих цілей і рівня розвитку учня під час його освіти, а також планування й коригування навчання;

- індивідуальна освітня траєкторія учнів, яка визначається на основі їх особистісних і соціально зумовлених факторів навколишнього світу, враховуючи освітні норми;

- продуктивна освітня діяльність учня, яка дає змогу фіксувати, усвідомлювати й оцінювати його особисті освітні здобутки» [209, с. 220].

Именно на базе данных моделей, общей и индивидуальной, возможно формирование современной философии образования.

В рамках современной системы образования реализация креативности как основного системообразующего постулата невозможна без учета психологических факторов. Возникает необходимость в особом психологическом моделировании образовательной среды. Основой психологического анализа изучения человека как индивидуальности выступает соединение и взаимосвязь его свойств как личности и субъекта деятельности, в структуре которых обнаруживаются интенции для реализации творческого потенциала индивида. Разумеется, основополагающей тенденцией для данного психологического моделирования является расширение сектора свободы современного образования.

Только в таких условиях возможна полноценная реализация принципа креативизации в современной системе образования. Именно на этой основе оказывается возможным построение демократического общества, в котором действуют и другие факторы, способствующие раскрытию творческого потенциала личности.

Не менее значимым в этой связи выступает развитие общества, его высокий уровень, что обуславливает развитие творческого потенциала личности, способной к инновационной активности, являющейся гарантом ее успешной адаптации в мире. Интересным и методологически значимым для нас представляется мнение исследователей Л. М. Мищихи и С. П. Демьянчук: «Мова йде про формування креативності як інтегративної риси особистості, яка проявляється, головним чином, у тому, що людина вкладає творче начало у всі види діяльності. У структурі творчої діяльності виокремлюють такі компоненти: креативну

особистість, креативне середовище, креативний процес, креативний продукт. Креативний продукт – це завершальна на даному етапі творчої діяльності складова, до якої особистість своїм індивідуальним стилем рухається у творчому процесі. У кінцевому результаті здійснення маємо продукт творчої діяльності, який не тільки сприяє розвитку самої особистості, але й набуває соціального характеру» [151].

Образовательный процесс призван воплощать в самих своих основах все вышеназванные компоненты креативности. Эффективность творчества обучающихся при этом определяется не только особенностями мышления, но и такими чертами личности, как самодостаточность, эрудированность, наблюдательность, способность к риску и эксперименту. Изучение практически любой дисциплины позволяет развить креативность, ведь готовясь к профессиональной деятельности, обучающиеся проявляют способности к аналитическому мышлению, критическому осмыслению учебного материала.

Соответственно, основной задачей системы образования становится создание условий для активной коммуникации. В таком случае очень важно, чтобы учащиеся осознавали, что у них есть право голоса, и их мнение может повлиять на ситуацию. Для этого в учебной программе необходимо, по возможности, избегать априорных категорий. Она должна быть гибкой, способной изменяться вслед за изменяющимися условиями; ведь предмет изучения изменяется уже посредством нашего наблюдения за ним, в результате нашей работы над ним. Приобретая такой опыт получения знания, выпускник сможет конструировать знания и в профессиональной деятельности. Полученный коммуникативный опыт позволит ему выработать представление об особенностях своего конструирования, умение соотносить свое знание со знанием других, умение находить оптимальный вариант в неординарной ситуации.

Вместе с тем, следует отметить, что креативность личности зависит не только от количества приобретенных им знаний,

но и от их качества. Приобретенные знания должны быть разнонаправленными, так как они обладают способностью ориентировать мышление на различные подходы к решению. Отсюда особое место в формировании креативной компетенции следует отвести междисциплинарности в образовательном процессе. Разрушение однонаправленных связей между областями знания позволяет не только сформировать особую междисциплинарную связь, но и способность интегрировать собственные идеи в общий контекст коммуникации и синтезировать новые идеи на основе обращения к другим областям знания. В связи с этим необходимо подчеркнуть необходимость обеспечения условий для активного взаимодействия во время обучения, в котором активно задействован сам учащийся.

О необходимости использования в процессе обучения креативных методов пишет в своей работе «Креативні методи навчання у дидактичному процесі» исследователь В. В. Боксгорн: «З метою формування особистості студента в навчальному процесі сучасна дидактика рекомендує збагачувати традиційні методи навчання такими прийомами та способами, які сприяли би формуванню у суб'єктів учіння мотивації майбутньої професійної діяльності та змістовних життєвих настанов, високого рівня активності й емоційної заангажованості в навчально-пізнавальній діяльності, створенню умов для активного самостійного набуття учнями загальнонаукових та професійних знань, навичок та вмінь» [30, с. 24].

На наш взгляд, развитию креативности обучающихся способствуют такие факторы как взаимосвязь дисциплин (благодаря ей вырабатывается умение комплексно применять знания в практической деятельности одной дисциплины во взаимосвязи с другой) и индивидуальный подход, призванный учитывать специфику личности в процессе получения знаний.

Творческая продуктивность учащихся проявляется при участии их в олимпиадах, конкурсах, конференциях. Они с успехом могут использоваться для решения творческих задач,

формирования инициативы, повышения уровня мотивации к обучению. Самореализация творческого потенциала личности возможна только в процессе общения, дискуссии. Так происходит не только процесс усвоения знаний, но и проявляется характер, формируются интеллектуальные и моральные качества специалиста.

В целом, развитие креативности в современном обществе в корне меняет подход к самой модели образования и изучения той или иной дисциплины. Сегодня имеются большие возможности получения информации, ее переработки и передачи. В связи с этим, задача преподавателя значительно модифицируется. Он становится не столько носителем информации, сколько организующим субъектом, основная задача которого – развить творческие, исследовательские способности обучаемых. Меняется сам подход к преподаванию.

Таким образом, цель обучения и образования в целом, как объективная реальность, состоит в формировании специалиста, способного мыслить творчески, обладающего необходимой волей и настойчивостью в исполнении решений, способностью нестандартными методами решать конкретные практические задачи, а этого можно достичь только путем развития универсальных способностей к творчеству.

Организация учебно-воспитательного процесса опосредует собой креативную систему образования. Креативность есть высший уровень интеллектуальной активности, мышления, дефиницией которых может быть совокупность мыслительных и личностных способностей (качеств), влияющих на становление и проявление творчества. Исходным положением для нас является утверждение психологов: каждый психически нормальный человек обладает определенным творческим потенциалом, творческими способностями, которые надо развивать, и как можно раньше.

Вероятно, комплексное развитие творческих способностей в образовательном процессе может быть обеспечено посредст-

вом актуализации и приведения их во взаимодействие на основе единого связующего деятельностного стержня – специально организованной творческой деятельности, направленной на интеграцию полученных умений и навыков.

Предлагая свой вариант стимулирования креативности в образовании, С. Е. Шумакова делает акцент на актуализации и приведении творческих способностей личности во взаимодействие. С ее точки зрения, этот процесс может быть эффективно реализован «при условии применения ассоциативно-синектической технологии развития творчества в качестве единого связующего деятельностного стержня, т. е. средства комплексного развития творческих способностей студентов.... Это может быть организовано путем ее включения в дисциплины отраслевой подготовки и специализации, начиная с первого курса» [231]. По ее мнению, эффективность комплексного развития творческих способностей личности в образовательном процессе может быть повышена посредством организации коллективного выполнения ассоциативно-синектических проектов в разновозрастных группах обучаемых, специально сформированных в период практики.

Исследовательница подчеркивает: «Сосредоточенность преподавателей на формировании знаний, умений и навыков, связанных с конкретной учебной дисциплиной, приводит к непропорциональному развитию лишь отдельных творческих способностей, которые связаны с формированием конкретных умений и навыков, необходимых для освоения изучаемой дисциплины. При этом умения, а также соответствующие им способности, сформированные, актуализированные и развитые до требуемого уровня в процессе изучения одной дисциплины, далеко не сразу удастся интегрировать с умениями и способностями, сформированными и развитыми в процессе обучения другим дисциплинам. Но приведение их во взаимодействие, их комплексное развитие является необходимым условием развития целостной творческой деятельности» [231].

Креативная система подготовки специалистов позволяет выпускникам вуза обладать фундаментальными и высокопрофессиональными знаниями в сферах их деятельности на системной основе. Организующим субъектом в применении креативной системы образования являются преподаватели. Креативная система образования опосредует собой не только систему подготовки специалиста, но и подготовку ученых высшей квалификации.

При применении традиционного обучения накопленные знания, как правило, не вполне соответствуют идеальной модели подготовки квалифицированного специалиста. Использование креативных технологий позволит успешно справиться с данной проблемой. Стимулирование учебно-познавательной деятельности учащихся, развитие творческой, проблемно-эвристической доминанты мышления становится возможным на основе креативной модели обучения, а именно, игровых технологий. Внедрение игровых технологий является перспективным направлением в креативном обучении и требует дальнейшего развития.

Изучение креативных возможностей индивида имеет длительную и сложную историю в диагностике умственных способностей. Начиная с исследований Вильяма Штерна, который ввел понятие коэффициента умственного развития, и, заканчивая теорией практического интеллекта Роберта Стернберга, представления о креативном потенциале личности претерпевали постоянные изменения. На первых этапах развития практической психодиагностики показатель интеллекта, введенный Штерном, считался решающим фактором успешности профессиональной деятельности человека. Однако требования практики часто входили в конфликт с теоретическими посылками теорий умственного развития. Дело в том, что многочисленные тесты измерения коэффициента IQ сводятся к проверке знаний, приобретенных в процессе предметного обучения, а не позволяют глубже раскрыть сущность интеллектуальных возможностей человека [230].

Исследовательница Т. И. Ронгинская пишет в этой связи: «Когнитивные компетенции, являющиеся в значительной степени отражением креативного потенциала личности, приобретаются в процессе социального обучения как способность к многосторонней и комплексной обработке информации о внешнем мире, а также своем месте в нем. В общем виде когнитивные личностные компетенции определяются, как способность активного использования различного рода информации в новых, часто и быстро изменяющихся ситуациях» [184].

В целом, развитие креативного потенциала как основная цель академического образования может способствовать формированию успешного специалиста в широком спектре практических, комплексных задач профессиональной среды.

Особенно заметна роль фактора креативности в процессе сопоставления двух образовательных парадигм: академической и современной, ориентированной на инновационные технологии.

Классическое академическое образование в значительной степени основывается на предметном подходе, когда обучающийся приобретает знания из области отдельных дисциплин, входящих в программное содержание выбранной специальности. К сожалению, объем этих знаний не всегда гарантирует успешность его будущей профессиональной деятельности. Зачастую такая система образования представляет собой серьезную опасность – она нивелирует творческие способности личности и подавляет желание проявлять инициативу, что полностью убивает новаторский потенциал общества. Вместо того, чтобы подготавливать людей к жизни в условиях глобальной конкуренции и новой экономики, школа и вузы готовят их только к занятию функциональных должностей с репродуктивным или алгоритмическим характером труда, где можно добиться успеха, не проявляя ни творческого подхода, ни малейшей инициативы и не действуя самостоятельно. Приобретение таких знаний, которые затем не могут быть приложены к делу, не дает никаких

конкурентных преимуществ в свете глобальных постиндустриальных трансформаций. Это служит верным средством к тому, что украинское общество идет в тупик, и единственное реальное будущее Украины – территория с дешевой рабочей силой для размещения вредных индустриальных производств. Система, построенная на заучивании учащимися наизусть книг и конспектов без развития творческих способностей, инициативы и практических навыков, делает такое образование почти не нужным в условиях современных реалий.

По нашему глубокому убеждению, современная профессиональная среда требует умений синтеза, соединения разных областей знаний, становясь по своей сущности средой глобальной. В связи с этим, традиционное образование становится недостаточным, а специалист с высшим образованием вынужден после получения диплома приобретать дополнительные знания на многочисленных курсах постдипломного образования. Зачастую показателем успешности классического академического образования являются экзамены по отдельным предметам, а не умение взаимно связывать фрагменты различных знаний в единое целое и решать комплексные проблемы профессиональной среды. Одним из выходов из такой ситуации может быть междисциплинарный подход, основывающийся на использовании и развитии креативного потенциала человека, который проявляется в гибком, ассоциативном мышлении, позволяющим соединять не только логически связанные области знаний, но и создавать новые, часто парадоксальные связи.

Таким образом, сопоставление этих парадигм, образовательных систем, разных по своим методологиям, приводит к выводам о более «живом», творческом потенциале новой системы образования, в основе которой лежат инновационные технологии и, принципиально отличная от прежней, методология.

С нашей точки зрения, креативность представляет собой воплощение и реализацию творческого потенциала в учебно-образовательном процессе. Она имеет различные грани и иерар-

хические уровни. Главное, что внедрение ее принципов и подходов в систему образования, позволяет применить наиболее удачно инновационные технологии и новые методики.

Раскрывая идею о социокультурной сущности образования, исследователь В. А. Колесников приходит к выводу: «современному человечеству для преодоления тупика, в который оно зашло, нужны поистине кардинальные меры, состоящие в том, чтобы усиливающаяся трудовая составляющая нашей жизни...обрела статус «разумной нормы». Социальный институт образования призван ее обустроить – придать толерантную репрезентативность богатству человеческого самоутверждения» [115, с. 34]. По мнению ученого, в современных условиях складывающийся социальный институт образования решает несколько общественно значимых задач. Прежде всего, он нейтрализует негативное воздействие искусственной природы на индивида и коллектив. Это происходит благодаря тому, что социальный институт образования, увязывая ее с духовными потребностями индивида, прививает ему личностную выразимость. Искусственная природа начинает играть конструктивную роль как связующее звено между человеческим творчеством (которое всегда носит личностную направленность) и витальными потребностями, выражающими не только индивидуально, но и коллективно воспроизводимую сопричастность социума выполнению стоящих перед ним требований по смягчению негативных последствий глобалистики.

Говоря о темпоральных характеристиках образования, О. П. Пунченко подчеркивает: «Образование, обладая богатым содержанием, ценностно по природе, вневременно в духовном проявлении человечеством своих возможностей и в то же время разворачивается в конкретном культурно-историческом контексте. В понятии «образование» выражается предельная ориентация знаний определенной эпохи, что позволяет характеризовать его как предельный, и, в то же время, уникальный вид теоретизирования» [178, с. 14].

В реалиях современной действительности не вызывает сомнений факт – современная система образования как таковая является важнейшей сферой общественной жизни с точки зрения формирования нового типа личности – с одной стороны мобильного, готового к активной преобразующей деятельности (обладающего креативными способностями), с другой – сохраняющего существующие культурно-цивилизационные достижения. В системе образования наиболее продуктивным должно быть объединение традиционных и модернизационных преобразований, что позволило бы сберечь накопленный ранее опыт и приблизиться к общеевропейским стандартам и потребностям информационного общества.

Сегодня с полной уверенностью можно утверждать – стратегически важным направлением развития общества является развитие и модернизация образования. По мнению Н. Н. Моисеева, система «Учитель» (включающая в себя всю лестницу образования – университеты, школу, дошкольное, семейное воспитание и образование, которые обеспечивают СМИ) в нынешних условиях приобретает в наших общих судьбах совершенно особое значение. Это вызвано необходимостью определённой переориентации всего образования в свете потребностей наступающего века [154].

Следует отметить, что реформационные процессы, которые происходят на Украине, выдвигают на первый план задание создания благотворных условий для развития креативности личности. В современной образовательной системе становится жизненно необходимым выход за пределы понимания обучения как процесса передачи готовых знаний и информации. Образование сегодня нуждается в модернизации, создании новых принципов обучения, повышении уровня знаний и умении их практически использовать. Это, в конечном счете, должно содействовать вхождению украинской образовательной системы в европейское единое образовательное пространство. При этом необходимо учитывать, что ориентация на сближение с западной системой

образования должна осуществляться при условии сохранения собственных приоритетов, среди которых, в частности – фундаментальная и профессиональная подготовка.

3. 2. Преодоление проблем девиантности средствами образования

Сегодня ни у кого не вызывает сомнения тот факт, что пути развития образования в Украине напрямую зависят от глубокого всестороннего научного осмысления основ педагогического знания и педагогической деятельности, а также от эффективности организации образовательного процесса. Именно образованию, как проводнику, приближающему абстрактные знания к человеку, необходимо стать приоритетной сферой деятельности в Украине. Как справедливо указывал великий ученый-гуманист нашей эпохи А. Д. Сахаров: «Лишь при самом активном, творческом, нравственно безупречном включении человека в процесс созидания материальные творения человеческого разума могут быть использованы во благо, а не во зло... Нужны усилия, и усилия поистине титанические, чтобы переломить сползание человечества в бездну небытия. Но такие усилия могут быть результативными лишь при одном неременном условии: люди должны осознать необходимость таких усилий, быть способными к их осуществлению и действовать сообща. Выполнение этого условия немислимо без коренных преобразований в сфере образования» [210].

Очевидно, что реализация новых социальных перспектив существенно связана не столько с технологическими преобразованиями общественной практики, сколько с развертыванием гуманистических характеристик общества. Ведь, как писал Е. Евтушенко, «все прогрессы бесчеловечны, если мучается человек». Любые производственные силы, как известно из философской классики, существуют и развиваются в системе определенных производственных отношений, которые, в свою очередь, вовле-

чены в более широкие социокультурные контексты. Образованный человек в современном обществе имеет больше шансов к самопознанию и возможностям самокоррекции поведенческих паттернов, так как может учитывать особенности своего психотипа, темперамента, семейной социализации. Такой индивид не просто осваивает информационный континуум и профессиональные навыки, но и выступает автором собственных социальных проектов будущего, учитывая ожидания и проблемы прошлого. Пренебрежение гуманитарным образованием в современных реалиях чревато угрозой «информативного и нормативного прессинга», о которых предупреждал еще Д. Майерс в своей «социальной психологии». Сегодня только образованная личность, в отличие от просто наученной, будет обладать умением пользоваться общественными достижениями, привнося в них собственный индивидуальный смысл. В этом суть составляющей личности как творца. И только образованный человек в состоянии управлять своей творческой энергией, направляя ее в созидающее русло. Поэтому, в современной системе образования необходимым является теоретическое обоснование и разработка комплекса социально-культурных стратегий, обеспечивающих эффективность процесса профилактики девиантного поведения, а также перевода негативных девиаций в позитивное русло.

Следует отметить, что, несмотря на наличие обширной научной литературы, многие аспекты диагностики девиантного поведения и организации профилактической работы в сфере социально-культурной деятельности остаются недостаточно разработанными. Одним из вопросов, остающихся до сих пор нерешенными, является всестороннее изучение и научное обоснование специфики применения социально-культурных стратегий профилактики девиантного поведения в системе образования.

Сфере образования свойственны такие системные качества как: системность, целенаправленность, управляемость, иерархическая многосвязность, эмерджентность, многокритериальность,

относительная устойчивость и т. д. (Б. Гершунский). Это позволяет в рамках системы образования выработать методы решения значимой в социокультурном плане проблемы девиантности и ее трансформации в нужное русло.

Ведущими в этом плане выступают две стратегии или два метода ее решения. Это гуманизация и гуманитаризация.

Гуманизация образования предполагает единство общекультурного, социально-нравственного и профессионального развития личности. С самого начала своего становления в качестве обширного культурного движения гуманизм предполагал не только ориентацию на раскрепощение индивида, избавление его от всякого рода ограничений, но и совершенствование, развитие личности. Это обстоятельство обозначило реализацию художественных, научных, изобретательских и иных возможностей человека, влекущих за собой создание нового, творческого. В качестве социально-педагогического принципа, гуманизм означает, прежде всего, такой подход к воспитанию, который бы в полной мере обеспечил раскрытие способностей и творческую реализацию личности. В современных условиях эта задача требует пересмотра целей, содержания и технологии образования.

Гуманитаризация образования – один из путей гуманизации, очеловечивания всей системы образования, состоящий в первую очередь в преподавании комплекса гуманитарных дисциплин, с помощью которых учащиеся приобщаются к гуманитарной культуре, то есть к ценностям, выработанным на протяжении истории человечества философией, искусством и религией.

Характеризуя принципы гуманизации образовательного процесса, исследователи К. О. Нисимчук и А. С. Нисимчук в качестве его составляющих определяют:

- а) «виховання людяності і доброти. Формування чесності і справедливості;
- б) виховання свідомої дисципліни;
- в) формування творчих задатків особистості» [162, с. 44].

Принцип гуманизма, на наш взгляд, предполагает приобщение учащихся к активному участию в общественно-полезной деятельности, формированию чувства ответственности за свои поступки перед обществом, личностному развитию и саморазвитию. Чем гармоничнее будет общекультурное, социально-нравственное и профессиональное развитие личности, тем более свободным и творческим будет становиться человек. Это отмечено классиком современной теории образования Б. Гершунским: «Именно образовательная сфера имеет самое непосредственное отношение:

- к формированию веры человека в истинный смысл своей жизни;

- к развитию его способностей, в том числе и способностей к самопознанию и адекватной оценке своих возможностей и жизненных предпочтений;

- к процессу формирования знаний, умений и навыков, необходимых для полноценной самореализации в трудовой и общественной деятельности;

- к формированию нравственных качеств личности, определяющих критериальную основу его поступков и поведения» [59].

В свете сказанного очевиден факт: именно гуманизация – ключевой элемент нового мышления, утверждающего поли-субъектную сущность образовательного процесса. Основным смыслом образования в этом становится развитие личности. А это означает изменение задач, стоящих перед педагогом. Если раньше он должен был передавать знания учащимся, то гуманизация выдвигает другую задачу – способствовать всеми возможными способами развитию личности. Гуманизация требует изменения отношений в системе «учитель-ученик», установления связей сотрудничества. Подобная переориентация влечет за собой изменение методов и приемов учителя.

Анализируя понятие гуманизма и антигуманизма применительно к системе образования, И. А. Кадиевская приходит к

выводу, что эти понятия являются «не только противоположными смыслообразующими стратегиями, но и распространенными формами отображения существующих потребностей человеческого существования. По своей сущности «гуманизм» состоит из множества компонентов различных уровней абстрагирования и фиксирует в себе мировоззрение, мотивы деятельности, действия и пути достижения цели» [99, с. 35]. При этом исследовательница подчеркивает – гуманизация высшего образования включает в себя процесс одушевления всех его составляющих. К ним И. А. Кадиевская относит содержание образования, его цели, задачи и межличностные отношения. Главной целью гуманистически ориентированного образования, с точки зрения исследовательницы, выступает моральное воспитание, которое является основным фактором создания духовности.

Таким образом, именно гуманизация выступает предпосылкой для реализации творческого потенциала личности. Не случайно наиболее продуктивным способом воздействия на негативные проявления девиаций у учащихся, на данный момент, является внедрение технологий гуманизации и гуманитаризации в обучение. Ведь гуманитаризация предполагает усиление взаимосвязи естественного образования с гуманитарным, усиление практического и прикладного аспектов в её преподавании. Это означает, что в обучении акцент необходимо ставить на общее развитие учащегося, а именно на развитие логического мышления, речи, пространственного воображения, интуиции, чувства прекрасного.

О. И. Дони́на в работе «Гуманизация образования и воспитания как социально-педагогический феномен» пишет: «Проблема гуманизации – это не только проблема семьи и системы образования, это глобальная, общечеловеческая проблема, имеющая широкое философско-антропологическое, социальное и даже политическое значение, так как от ее решения зависит построение общественного развития, которая может либо тормозить развитие человека и цивилизации, либо способствовать

ему. Решение проблемы гуманизации общества направлено на то, чтобы экономическое и научно-техническое развитие шло на благо человеку, на создание нравственной гармонии в мире, а также на то, чтобы сам человек имел все возможности для гармонического развития, всестороннего совершенствования, на протяжении всей жизни стремился к нему» [73, с. 54].

А. Ф. Хрусталеv пишет о взаимосвязи двух взаимодополняющих факторов в преодолении девиации в рамках учебного процесса следующее: «Гуманитаризация в данном контексте предполагает насыщение программы подготовки будущих специалистов гуманитарными науками, гуманизация же – это ориентация всего учебного процесса, всех гуманитарных, естественных и технических наук на всемерное развитие и утверждение высоконравственной общественнополезной личности» [221, с. 3].

Новым образовательным технологиям, опирающимся на принцип гуманизации, посвящена работа А. Бляшевской и Т. Бортьюк «Інтенсивні освітні технології. Дидактично-професійний аспект», где, в частности, указывается на то, что «сьогодні методика виховного впливу викладача на студента виступає як елективний набір фактів із різних галузей людського знання (філософії, педагогіки, теорії матеріального виробництва, естетики тощо). У кінцевому підсумку все це перетворюється на настанови, які не дають можливості викладачеві ВНЗ визначити фундаментальні основи розвитку рис гуманності, інтелекту в процесі підготовки майбутнього висококваліфікованого спеціаліста» [25, с. 15].

Гуманитаризация образования не сводится только к созданию в университете новых кафедр и введению в учебный план соответствующих гуманитарных дисциплин. В вузе она должна охватить всю математическую и нематематическую подготовку специалистов. Ведь именно гуманитаризация способствует усилению фундаментальной подготовки, дающей обучаемому умение выделить в конкретном предмете базисную инвариантную часть его содержания, которую после самостоятельного осмыс-

ления и реконструирования он сможет использовать на новом уровне, при изучении других дисциплин в частности.

Характеризуя специфику украинского образовательного пространства, исследователи отмечают его недостаточную интеграцию, замкнутость отдельных дисциплин. Все это препятствует приобретению системных знаний и фундаментализации образования. Поэтому гуманизация и гуманитаризация выступают в функции тех основополагающих тенденций, которые преодолевают ситуацию методологического кризиса в данной области.

Однако гуманизация и гуманитаризация как два доминирующих фактора преодоления девиантности и перенаправления ее в созидательное русло не существуют сами по себе, а непосредственно связаны с творчеством, с реализацией творческого потенциала. И. А. Муратова в статье «Освіта і філософське осягнення творчості» пишет: «Освіта протягом усього життя і безперервність навчального процесу; мотивоване залучення студентів до навчання; аспекти транснаціональної освіти; підвищення мобільності студентів, викладачів і науковців у спільноті знань – ось деякі з елементів європейської науково-освітньої інтеграції, що вимагають від суб'єктів цього процесу свідомого творчого ставлення і фундаментальних науково-теоретичних стратегій мислення» [158, с. 7].

Следует отметить, что определение оптимальных путей решения проблемы девиантности посредством образования напрямую зависит от тех смыслов и значений, которые мы вкладываем в само понятие девиантности.

Девиации, как уже отмечалось, свойственны разным возрастным и социальным группам. Однако главным основным носителем девиантности является именно молодежь. Авторы монографии «Молодіжне середовище в його девіантному вимірі» А. И. Кавалеров, В. А. Довгополук, А. А. Кавалеров считают: «Девіантна поведінка молоді як соціальне явище була однією з центральних проблем, які розглядалися у різних аспектах і філософських концепціях» [95, с. 107]. При этом ученые под-

черквивають актуальність дослідження даної проблеми на сучасному етапі: «Проблема девіантності молоді останнім часом набула особливої значущості у зв'язку з тими соціальними, політичними, економічними змінами, які відбулися у пострадянському суспільстві. Затягування перехідного періоду, незавершеність реформування усіх сфер життєдіяльності, відсутність чітко визначених орієнтирів подальшого розвитку, ціннісної парадигми – усе це створює передумови для загострення внутрішніх конфліктів у молоді, невизначеність її соціального статусу, незадоволеність своїм соціальним і матеріальним положенням, що у сукупності стає однією з причин девіантності її поведінки» [95, с. 108].

К «отклоняющемуся» индивиду могут применяться различные формы и методы воздействия. Социальный контроль может осуществляться правовыми органами, которые используют принудительные меры; разнообразными социальными институтами и организациями, где за отклоняющееся поведение предусмотрены экономические или организационные санкции; выразаться в форме общественного мнения и остракизма. У нас в стране имеются свои традиции превентивной теории и практики. Так, в 30-е годы особенно успешно развивалось социально-педагогическое направление социальной и коррекционно-реабилитационной работы, представленное такими талантливыми педагогами, как В. Н. Сорока-Росинский, А. С. Макаренко и С. Т. Шацкий. В своей опытно-экспериментальной работе они, по сути дела, заложили и развили основные принципы, методы и содержание социальной педагогики, социальной работы с детьми и подростками, в том числе и трудными, где важнейшим фактором воспитательной и коррекционно-реабилитационной работы выступает созданная и организованная педагогом воспитывающая среда. При этом С. Т. Шацкий создавал такую среду в открытом социуме по месту жительства, а В. Н. Сорока-Росинский и А. С. Макаренко – в замкнутом социуме детской колонии [142].

Однако, по нашему глубокому убеждению, не в рамках правового регулирования, а в недрах учебно-воспитательного процесса формируется представление об аморальности и безнравственности отклоняющегося поведения. Альтернативой vitalной системе наказания выступает система образования, обладающая необходимыми ресурсами и возможностями для системной, методичной и целенаправленной профилактики негативной девиации. И не случайно. Ведь проблема девиантности в контексте парадигмы современного образования занимает одну из ведущих позиций. Если девиантность представляет собой в той или иной степени отклонение от нормы, то образование в равной мере призвано гармонизировать и «упорядочить» сознание личности. При этом в системе образования должен быть выработан целый комплекс мероприятий по направлению стихийного поведения, или девиации, в конструктивное русло. Немаловажное место здесь следует отвести ранней профилактике.

Раннюю профилактику следует рассматривать не столько с позиций социального контроля, сколько с позиций превентивного процесса десоциализации и управления процессом социализации детей, подростков, юношей, что заключается в нейтрализации как прямых, так и косвенных десоциализирующих влияний, а также в осуществлении мер коррекционно-воспитательной деятельности и социально-психологической реабилитации.

Коррекционно-воспитательная деятельность образования, на наш взгляд, должна быть направлена главным образом, на разрушение определенных установок, представлений, ценностей, мотивов, стереотипов поведения и формирование новых с целью достижения самореализации личности в обществе. Посредством коррекционно-воспитательной работы требуется решить для обеих сторон возникший конфликт «личность – общество», «личность – социальная среда», «личность – группа», «личность – личность».

Методы социальной коррекции, предложенные И. Д. Зверевой, О. В. Безпалько, С. Я. Харченко, можно считать эффективным средством преодоления негативной девиантности. Исследователи выделяют четыре основных направления социальной коррекции:

«1. Відновлення – відновлення тих якостей соціального об'єкту, які переважали до появи відхилення.

2. Компенсація – підсилення тих якостей або тієї діяльності соціального об'єкту, які можуть замінити втрачене у результаті будь яких порушень.

3. Стимулювання – активізація позитивних якостей, діяльності соціального об'єкту, формування визначених ціннісних орієнтацій, установок окремих клієнтів, створення позитивного емоційного фону, відносин у мікросоціумі.

4. Виправлення – передбачає заміну негативних властивостей, якостей соціального об'єкту на позитивні» [204, с. 23].

Благодаря этим направлениям происходит разрушение ранее сформированных мотивов, ценностей, установок и т. п., осуществляемое социально-педагогическими и психологическими средствами, проявляющееся в их подмене, изменении, переосмыслении, переоценке. Корректируется поведение личности в соответствии с принятыми в социальном окружении, обществе в целом нормами.

В. А. Никитин называет такие разновидности социальной реабилитации, как «медико-социальную реабилитацию, которая предусматривает комплекс медицинских, педагогических, профессиональных, психологических мероприятий, направленных на возобновление здоровья и дееспособности лиц с ограничениями в результате перенесенных заболеваний и травм, а также с другими физическими и психическими ограниченными возможностями, и психолого-педагогическую и социально-педагогическую реабилитацию, которые осуществляют комплекс мероприятий социальной поддержки и диагностики коррекционных программ по преодолению разных форм детско-

подростковой дезадаптации, проводят деятельность по привлечению, интегрированию ребенка, в социальную сферу, которая выполняет функции институтов социализации (семья, школа, общение сверстников, и так далее» [200].

С нашей точки зрения, есть все основания полагать, что проявления девиантного поведения средствами образования можно направить в созидающее русло и предотвратить развитие личности от деструктивных процессов. Это обеспечит гармоничное взаимодействие с микросоциумом, адекватно отвечающее потребностям и возможностям развития и социализации. Коррекцию негативного девиантного поведения в образовательной среде уместно проводить психологу, социальному педагогу и социальному работнику. Важно иметь возможность маневра в выработке конкретной социально-педагогической и психологической программы по корректировке девиантного поведения личности школьника, а также альтернативных форм и методов коррекционно-воспитательной работы, особенно на последних этапах девиантного поведения.

Известным российским ученым-девиантологом Ю. А. Клейберг в работе «Психология девиантного поведения» предложен оригинальный авторский метод коррекции негативного девиантного поведения при помощи разных социальных институтов, в том числе и образования. Согласно ему, коррекция негативного девиантного поведения состоит из следующих стадий:

«1. Воспитательная – восстановление положительных качеств, которые преобладали у молодого человека до появления «девиантности», обращение к памяти подростка о его добрых делах.

2. Компенсаторная – формирование у молодого человека стремления компенсировать тот или иной социальный недостаток усилением деятельности в той области, в которой он может добиться успехов, которая позволит ему реализовать свои возможности, способности и, главное, потребность в самоутверждении.

3. Стимулирующая – активизация положительной социально полезной предметно-практической деятельности молодого человека; она осуществляется посредством осуждения или одобрения, т. е. заинтересованного, эмоционального отношения к личности, ее поступкам.

4. Корректирующая – исправление отрицательных качеств личности молодого человека и применение разнообразных методов и методик, направленных на корректировку мотивации, ценностных ориентации, установок, поведения.

5. Регулирующая – это способ воздействия социальной группы (либо ее представителей) на личность, вызывающий изменение степени участия последней во внутригрупповых процессах и групповой деятельности в целом. По своим проявлениям регуляция развивается от уровня взаимных влияний участников непосредственного межличностного общения до уровня активной саморегуляции и самоконтроля» [111].

Известный отечественный ученый-педагог В. П. Кащенко еще в 30-х годах нашего столетия разработал интересную классификацию методов коррекции. Он объединил методы в две большие группы: педагогические и психотерапевтические.

Вот несколько сокращенный вариант этой классификации.

Педагогические методы:

1. Методы общественного влияния: а) коррекция активно-волевых дефектов; б) коррекция страхов; в) метод игнорирования; г) метод культуры здорового смеха; д) коррекция навязчивых мыслей и действий; е) коррекция бродяжничества; ж) самокоррекция.

2. Специальные или частнопедагогические методы: а) коррекция недостатков поведения детей; б) коррекция нервного характера.

3. Метод коррекции через труд.

4. Метод коррекции путем рациональной организации детского коллектива.

Психотерапевтические методы:

1. Внушение и самовнушение.
2. Гипноз.
3. Метод убеждения.
4. Психоанализ [107].

Безусловно, это не жесткая схема, обязательный алгоритм практической деятельности школьного психолога или социального педагога. В реальной жизни психолог вряд ли будет постоянно фиксировать, на каком этапе диагностико-коррекционной работы он находится. Кроме того, каждый раз будут различны временные затраты на «освоение» им того или иного этапа. Это зависит также и от возможности, способности и готовности личности самого девианта осуществлять эту деятельность. Но ориентироваться на их совокупность и последовательность психологу и социальному педагогу все же необходимо.

Исследовательница О. С. Тоистева в работе «Девиантность одаренности» предлагает различать в зависимости от того, позитивным или негативным является отклонение, все формы девиации. Их можно представить в виде некоторого спектра. На одном его полюсе разместится группа лиц, проявляющих максимально неодобряемое поведение: террористы, предатели, бродяги, преступники. На другом полюсе расположилась группа с максимально одобряемым поведением: национальные герои, выдающиеся артисты, спортсмены, ученые, писатели. В нормально развивающихся обществах и в обычных условиях на каждую из этих групп приходится примерно по 10–15% общей численности населения, а примерно 70% населения составляют твердые «среднячки» – люди с несущественными отклонениями.

В контексте образовательной парадигмы основополагающей задачей является изучение этиологии девиантного поведения, то есть объективного динамического процесса деструктивного взаимодействия личности с социальной средой. В этиологии отклоняющегося поведения большое значение имеют пси-

психологические особенности личности несовершеннолетних, что обосновывает пристальное внимание к изучению психологической структуры личности. Исследователей девиантного поведения интересуют мотивы, потребности, воля и другие ее компоненты, например, склонность к определенному типу реакции, уровень стереотипности мышления несовершеннолетних, акцентуации характера. В качестве возрастных особенностей, способствующих формированию отклонений в поведении, выступают динамичность психических реакций, юношеский максимализм и ситуативный характер поведения, которые в этот возрастной период во многом зависят от групповой психологии.

О. И. Бондарчук в работе «Психологія девіантної поведінки» утверждает, что «девіантна поведінка являє собою систему вчинків особистості, що відхиляються від загальноприйнятої норми (норми психічного здоров'я, культури, моралі тощо). Слід зазначити, що відхилення від цієї норми (девіації) у поведінці можуть трактуватися як позитивно, так і негативно».

Гармонизировать, направить в созидательное русло проявления девиантного поведения способно только лишь творчество в разных своих формах. Поэтому если в предыдущем разделе мы рассматривали творчество с точки зрения его содействия креативизации учебно-воспитательного процесса, то в данном случае нас интересует творчество и его «целительная» роль в преодолении границ девиантности. Творчество выступает здесь позитивным катализатором девиантного поведения. Рассмотрим, каким образом творческий потенциал реализуется у гениев-девиантов.

При анализе типа девиантного поведения, присущего творческим личностям, можно выделить некоторые его особенности. Как уже отмечалось в работе, наиболее ярко оно проявляется у гениев – категории людей, обладающих творческим, нестандартным мышлением, часто сопровождающимся специфическим, неординарным поведением.

Большинство исследователей проблемы творчества считают, что настоящие гении действительно мыслят иначе. Они пытаются преобразовать этот мир, подогнав общество под свое понимание мироздания, а не наоборот, как поступает большинство. И эти пресловутые странности являются издержками, помогающими им творить. Для них это особенность мышления, а не отклонение.

Творчество является своего рода мощным выбросом энергии для девиантной личности. Безусловно, для того, чтобы разобратся в специфике преломления творческого потенциала у девиантов, мы должны решить значимую в методологическом плане проблему типологии девиантного поведения. От ее решения напрямую зависит разработка методов преодоления трудностей в процессе упорядочивания и гармонизации основных моделей девиантного поведения.

Палитра отклонений в поведении людей довольно обширна, и оценить ее, выделить главное, существенное довольно сложно. Поэтому исследователи данной проблемы пытались сгруппировать схожие проявления отклоняющегося поведения, найти для них интегрирующую основу.

Мы уже обсуждали ранее вопрос о том, что при определении девиантного поведения существенно важным является факт отклонения от социальных норм, что отклонение может быть на базе психопатологии и без нее. Поэтому совершенно неоправданно выделять отдельно поведение, отклоняющееся от норм психического здоровья, так как такое поведение может проявляться в виде делинквентного или криминального.

Достаточно обоснованной, хотя и спорной, выглядит типология, предложенная В. Д. Менделевич. Поскольку основой оценки девиантного поведения является взаимодействие человека с реальностью, то способы такого взаимодействия послужили ему основанием для выделения пяти типов девиантного поведения:

- психопатологического и патохарактерологического (противостояние реальности. Окружающий мир представляется враждебным в связи с искаженным восприятием и пониманием);

- делинквентного (противодействие реальности, попытка переделать реальность под себя);

- аддиктивного (нежелание приспособливаться к враждебной реальности, уход от нее);

- на базе гиперспособностей (игнорирование реальности, автономизация жизнедеятельности).

Гармоничный человек выбирает, согласно В. Д. Менделевичу, иной способ взаимодействия с реальностью – приспособление к ней.

Девиантное поведение часто понимается как ситуативно обусловленные, транзиторные реакции. Типичными проявлениями девиантного поведения являются подростковые реакции, протекающие с семейной, школьной дезадаптацией, трудностями общения. Например, оппозиционно-вызывающее, провокационно-агрессивное поведение, при котором отсутствуют действия, нарушающие закон или права других. К определенным стереотипам девиантного поведения исследователи относят следующие:

- систематическое уклонение от учебы, работы;

- уход из дома, бродяжничество;

- аддиктивное поведение (алкоголизация, наркотизация);

- аутоагрессия (самоуничтожение, самоубийство).

Проблему девиантности усложняет тот факт, что кризисное состояние современного общества затрудняет процесс формирования официальных каналов вертикальной восходящей мобильности; высшее образование (даже престижное) не выступает гарантом социальной карьеры и материального благополучия выпускников. В то же время «авантюрная» карьера, работа, связанная с криминалитетом представляются многим представителям молодежи быстрым «социальным лифтом», каналом, ведущим наверх, к вершине социальной стратификации. Само обще-

ство зачастую «программирует» патологию на уровне индивидуального поведения. Макросреда выступает своеобразным фоном для воздействия факторов микросоциальной среды, которая непосредственно влияет на социальное поведение. Среди всех социально-демографических групп нас, в первую очередь, интересовала молодежь, представляющая собой своеобразную группу риска в силу ряда определенных причин, в том числе перестройки локуса контроля, перехода от внешнего контроля со стороны взрослых к самоконтролю, неопределенности социального положения переходного возраста.

Современные исследования социокультурной ситуации среди молодежи свидетельствуют о том, что отличительной чертой нашей эпохи является превращение человека разумного в человека осведомленного, стандартизация, упрощение чувств под напором технологической цивилизации. Не могут не тревожить такие черты духовного мира молодежи, как отставание ее воспитания от образованности, неразвитость культурных потребностей, эмоциональная бедность, заниженность нравственных критериев оценки своего и чужого поведения. Это – прямой путь к негативной девиантности. Большая часть молодежи, имея неконтролируемый доступ к сети Интернет, получает огромный поток информации, которая остается неосмысленной.

Безусловно, современная культура подразумевает наличие определенной системы знаний. Но крайне важно, чтобы эти знания были осмыслены, пережиты, информативно емки и значимы. Один высокий уровень интеллекта не может быть определяющим критерием подлинной культуры личности. Необходимо также обладать развитыми чувствами, способностью к состраданию, сопереживанию, сочувствию. Поэтому в процесс воспитания молодежи важно извлечь широкие гуманитарные возможности компьютеризации.

Социологические исследования нередко показывают компенсаторный характер девиантного поведения. В первую очередь это касается употребления наркотиков, которые восполня-

ют дефицит общения, внимания со стороны близких, эмоционального тепла, разнообразных впечатлений, а также снимают стрессы, фобии различного вида. Часть молодежи просто не вписывается в складывающуюся новую социальную структуру. Ее поведение становится несовместимым с нормами, регулируемыми взаимоотношения в социуме. Молодым людям остро не хватает ярких впечатлений; серость, обыденность бытия, лишенная положительных эмоций и удовольствий, подталкивает некоторых из них к употреблению наркотических и токсических веществ. Употребление наркотиков можно рассматривать как способ бегства от реальных проблем, трудностей, неустроенности в мир иллюзий. Причем, у многих категорий молодежи нет недостатка в свободном времени. Коммерциализация досуговой сферы не позволяет многим молодым людям проводить свободное время интересно и с пользой для здоровья (физического и духовного). Это и порождает зачастую девиантное поведение молодежи, как единственный способ реализовать потребность к активной деятельности. Поэтому хотелось бы, чтобы в образовательных учреждениях большее внимание уделялось организации свободного времени, выявлению и практическому использованию творческих способностей подрастающего поколения.

В зависимости от типа девиантного поведения следует применять те или иные методы решения проблемы девиации в учебно-воспитательном процессе. В социальной работе «под профилактикой подразумеваются научно обоснованные и своевременно предпринимаемые действия, направленные на:

- предотвращение возможных физических, психологических или социокультурных коллизий у отдельных индивидов и групп риска;
- сохранение, поддержание и защиту нормального уровня жизни и здоровья людей;
- содействие им в достижении поставленных целей и раскрытии их внутренних потенциалов» [202].

Решение тех или иных задач по гармонизации девиантной личности с помощью образования невозможно себе представить без многочисленных мер по профилактике девиантного поведения. К таковым большинство исследователей относят следующие:

1) создание комплексных групп специалистов, обеспечивающих социальную защиту;

2) создание воспитывающей среды, позволяющей гармонизировать отношение детей и подростков со своим ближайшим окружением в семье, по месту жительства, работы, учебы;

3) создание групп поддержки из специалистов различного профиля, обучающих родителей решению проблем, связанных с детьми и подростками;

4) организацию подготовки специалистов, способных оказывать профессиональную социальную, психологическую, педагогическую, медицинскую помощь и занимающихся воспитательно-профилактической работой прежде всего с детьми и подростками группы риска и их семьями;

5) создание общественных образовательных программ для усиления осознания и привлечения внимания к проблемам молодежи с отклоняющимся от нормы поведением.

К так называемым специальным психолого-педагогическим мерам относят:

– психодиагностические меры, их специфика – наблюдение и интервьюирование;

– психокоррекционные меры – связаны с правовоспитательной работой в индивидуальной и групповой формах.

– психопрофилактические мероприятия, или заблаговременная профилактика негативной девиации.

Система образования выдвигает также и другие виды профилактики. Таковыми выступают:

1) первичная, рассматриваемая как комплекс социальных, образовательно-воспитательных, психолого-медицинских меро-

приятий, предупреждающих зарождение поведенческих отклонений;

2) вторичная – комплекс тех же мероприятий, но направленных уже на предупреждение формирования отклоняющегося поведения и перехода к уголовно-наказуемым;

3) третичная – комплекс социальных и нормативно-правовых мер, направленных на предотвращение рецидивных отклонений в поведении и способствующих восстановлению личностного и социального статуса.

В концептуальном плане в профилактических технологиях выделяется, прежде всего, информационный подход. Он основывается на том, что отклонения в поведении молодежи от социальных программ происходят вследствие ее неосведомленности об этих программах. С этой целью привлекаются и средства массовой информации, кино, театр, а также система социального обучения с целью формирования правосознания молодежи, повышения его образованности. Таким образом, образование и его механизмы являются основным действенным фактором в приведении, упорядочивании и гармонизации девиантного поведения. И промежуточным, «техническим» фактором в этом процессе выступает как раз профилактика, направленная на ограничение, сужение сегмента девиантности.

Итак, сфера образования представляет собой то пространство, трансформационное поле, которое способно, с одной стороны, реализовать принцип креативности на многих иерархических уровнях, а с другой стороны, гармонизировать, упорядочить различные проявления девиантного поведения. С этой целью образовательная парадигма вырабатывает целый комплекс социально-культурных стратегий и решений данной проблемы.

Подчеркивая творческий характер педагогической деятельности, Н. Ю. Посталюк выделяет два аспекта творческого стиля деятельности: стилеобразующий и мотивационный. Для системообразующего творческого стиля деятельности преподающего характерны: оригинальность и критичность мышления,

способность к видению проблем, направленность на творчество, самостоятельность суждений, лёгкость ассоциирования, лёгкость генерирования идей, способность к переносу знаний и умений в новые ситуации, готовность памяти. К личностным коррелятам творческого стиля деятельности автор относит: особенности эмоционально-волевой сферы личности: способность концентрировать творческие усилия, упорство, склонность к разумному риску, смелость и независимость в суждениях, оптимизм, высокий уровень самооценки, стремление и потребность внедрять новое и др. Исследователь выделяет такие условия и факторы развития творческого стиля деятельности, как: проблематизация содержания образования, рефлексивная позиция преподавателя и студента в учебном процессе, диалог как форма осуществления субъект-субъектного взаимодействия в учебном процессе, основанном на межличностном, а не на ролевом взаимодействии.

Механическое повторение или заучивание – не наилучшее средство передаваемости социального опыта. Наибольший эффект достигается при активном участии воспитанника в этом процессе, при привлечении его к творческой деятельности, направленной на развитие мышления и расширение мировоззрения человека.

Учебный труд является важным компонентом учебно-воспитательного процесса в образовании, именно с той его стороны, которая отображает активность студента в овладении социальным опытом. Поэтому следует обращать особенное внимание на формирование у учащихся разнообразных, глубоких и крепких систем знаний, на максимальную стимуляцию их самостоятельной деятельности, развитие стойких творческих интересов, целенаправленности творческих поисков, настойчивости во время выполнения творческих заданий.

Сущность творчества – в предвидении результата, создании силой мнения гипотезы и ее проверке. Диапазон творческих заданий чрезвычайно широкий и сложный: от решения голово-

ломки к научному открытию – но сущность их одна: при решении осуществляется акт творчества, находится новый путь или создается что-то новое. Здесь нужны особенные качества мышления: наблюдательность, умение сопоставлять и анализировать, комбинировать, находить связи и зависимости, закономерности; решение творческих заданий развивает творческие способности будущих специалистов. Творческая деятельность является средством интенсивной работы, интенсивной учебы. В процессе учебы от студента следует требовать, чтобы он умел правильно моделировать и пользоваться аналогиями, научно фантазировать, быть работоспособным, последовательным, настойчивым, страстным, самокритичным, точным [69, с. 2].

Из двух разных целей учебы – студенты должны запомнить и понять; студенты должны развить способность и вкус к самостоятельному мышлению – преподаватель, безусловно, должен стремиться к реализации второй. При этом очень важной является постановка учебного задания, то есть такая организация содержания задания, которая стимулирует самостоятельный поиск [177].

Обратной по своей функциональной направленности является гармонизация различных проявлений девиантности образовательной сферой. Основополагающим здесь является введение в созидательное русло личностных качеств молодежи, ее стремления к самостоятельности и автономности мышления и поведения. Функция образования здесь заключается в том, чтобы трансформировать антиповедение в ту модель поведения, которая выступает оптимальной в плане ее отношения к морали, общепринятым ценностям, гуманитету как таковому. Следует помнить – духовность является альтернативой девиантному поведению. Духовная культура, по мнению Е. В. Васкэ, «представляет собой квазиреальность, которая переводит мораль в чувственную форму, создает условия, чтобы она стала личностью значимой. Духовная культура, ее переживание помогает человеку определиться в поступке, а поступок – путь к личности, путь

к добру, к формированию собственной духовности» [42]. Освоение духовной культуры определяет содержание морального сознания, формирует личностные качества, способствует проявлению духовности. Среди них творчество находится, пожалуй, на одном из первых мест. Поэтому в системе образования, по нашему глубокому убеждению, формированию и развитию творческого потенциала необходимо придавать самое серьезное значение.

Современные требования к образованию предполагают способности к усвоению и передаче общенациональных и общенародных ценностей. Это является одним из важных факторов устранения негативных девиаций. В решении этой проблемы немаловажную роль следует отвести личности преподавателя. Ведь именно он является для учащегося профессионально значимым объектом познания и благодаря его усилиям предметно-знаковая среда приобретает профессионально-смысловой характер. Влияние личности преподавателя на становление мировоззрения учащегося состоит, прежде всего, в придании личностного смысла учебным, коммуникативным аспектам, учебно-профессиональной деятельности в целом. Исследователь Л. К. Велитченко отмечает качества, с помощью которых можно судить об эффективной работе преподавателя. Это: эрудиция, как «параметр, с помощью которого можно оценить информативность общения и взаимодействия преподавателя со студентами», компетентность «в данном контексте может быть представлена как способность преподавателя не только адекватно интерпретировать учебные и научные тексты, но и действовать в соответствии с этой интерпретацией», гуманность «как модальность отношений в системе «преподаватель-студент», для которой характерны различные проявления эмпатийного поведения», коллегальность «параметр, с помощью которого можно охарактеризовать стремление преподавателя относиться к студенту как к будущему специалисту и коллеге на основании выхода за пределы хронотопа «здесь и теперь» и экстраполяции отдельных признаков ситуации на

профессиональное будущее студента», информативность «характеризует знания преподавателя как источник знаний, используемых студентами в качестве средства получения познавательных и профессиональных сведений из учебной и научной литературы», стимуляция к самостоятельной работе «основывается на пролонгации интерактивного интеллектуального пространства в пространство субъективной реальности ... в виде соответствующих гностических императивов» и др. [45, с. 69]. К важным сущностным показателям эффективного учебного процесса следует также отнести критичность мышления, общительность, системность, доступность содержания и логичность изложения. Гармоничное взаимодействие всех вышеперечисленных компонентов, на наш взгляд, является важным составляющим для корректировки девиантного поведения в учебном процессе.

По мысли Б. С. Гершунского, «именно образовательная сфера имеет самое непосредственное отношение:

- к формированию веры человека в истинный смысл своей жизни;

- к развитию его способностей, в том числе и способностей к самопознанию и адекватной оценке своих возможностей и жизненных предпочтений;

- к процессу формирования знаний, умений и навыков, необходимых для полноценной самореализации в трудовой и общественной деятельности;

- к формированию нравственных качеств личности, определяющих критериальную основу его поступков и поведения» [59].

Подчеркнем, образование – это многоуровневая, многофункциональная система, призванная решить актуальные задачи в русле гуманизации и интеллектуализации общественных отношений. Сфера образования в этом смысле выполняет одну из функций, которую выполняют и другие сферы в области глобализационных процессов. В таком случае остается меньшим зазор для негативной девиации.

В наши дни благодаря активному развитию коммуникационных сетей создается возможность любому компоненту, звену института образования самостоятельно устанавливать прямые горизонтальные и функциональные связи, минуя посредничество прежних традиционно действующих бюрократизированных звеньев образовательной системы. К новым компонентам подобного взаимодействия относятся дистанционные формы взаимодействия в образовательном сообществе: виртуальные педсоветы, Интернет-конференции, телеинформационные «мосты», а также информационно-компьютерные технологии взаимодействия между собой как традиционных, так и появляющихся новых элементов образовательной среды, ведущие к значительным изменениям в ней. Смысл этого взаимодействия нацелен на более успешное развертывание личностного начала в условиях массовой индивидуализации социума, связанного с усилением роли личностного, творческого начала в производственной деятельности людей. Все это также создает дополнительные возможности в рамках образовательной парадигмы корректировать девиантность.

Объективность учебно-воспитательного процесса определяется не только уровнем усвоения знаний, но и отношением к учебе. Как отмечает Г. С. Костюк, учебная деятельность проходит по-разному в зависимости от субъективных причин, от того, как личность относится к этой деятельности, какая ее внутренняя позиция, какое содержание приобретает для нее деятельность [122].

М. И. Алексеев экспериментально выяснил связь между мотивационным и операционным компонентами учебной деятельности. О. М. Леонтьев отношение к учебе раскрывает путем определения значения для личности усвояемых знаний и учебной деятельности в целом [134].

Мотивы – это то, ради чего человек учится, что подталкивает его к учебе. Таким образом, стремление через полученное образование занять достойное социальное положение в общест-

венной иерархии, является, на наш взгляд, стойким мотивом к учебе. И, в свою очередь, уходом от негативной девиации. Формирующееся демократическое общество сегодня стоит перед выбором – или усилить репрессивную систему, или искать новые пути для поддержания общественного равновесия. Можно смело утверждать, что система образования является важнейшим фактором социального воспроизводства и контроля. Однако в современных реалиях высшее образование, при всем своем гуманистическом потенциале, часто является показателем социального неравенства и дискриминации. Это наглядно показывает теория воспроизводительной функции образования французского социолога П. Бурдьё. В своих исследованиях ученый приводит статистические данные, доказывающие, что родители с престижными профессиями способны использовать свои социально-экономические ресурсы, чтобы дать своим детям хорошее образование, что помогает им занять престижные рабочие места. П. Бурдьё придает особое значение культурному капиталу. Родители не только вручают детям образовательные «верительные грамоты», но также создают культурную среду, что содействует развитию их потенциальных потребностей. Таким образом, происходит воспроизводство классовых отношений, классовых привилегий, как исторически устойчивых основ социальной структуризации общества [39]. Ведь образование есть путь к занятию позиций контроля в экономике, что в современных условиях более значимо, чем владение собственностью [48]. Согласно теории П. Бурдьё (в значительной степени применимой к современным украинским реалиям), при распределении и использовании людей в классовой структуре общества, существенными признаются два момента: начало социальной траектории человека, то есть место семьи, где родился человек, в классовой структуре общества, а также кривая дальнейшей социальной жизни человека, где немаловажную роль играет полученное образование. Приверженцы данной концепции подтверждают репрезентативными выборками, что шансы сына рабочего адек-

ватно реализовать свой творческий потенциал в 12 раз меньше, чем у выходца из более состоятельной среды. Нельзя добиться равенства шансов при неравенстве условий жизни.

В связи с этим можно констатировать – проблема решения девиантного поведения среди молодежи не может быть решена без изменения степени реальной свободы людей в обществе (свободы их развития, свободы личности, свободы образования и социального поведения). С нашей точки зрения, государственная политика в образовательной сфере должна быть направлена на вовлечение в систему высшего образования представителей разных социальных слоев, что обеспечит равные возможности для реализации творческого потенциала и плодотворного использования творческих ресурсов личности во благо общества.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В заключении сформулированы результаты проведенного исследования, направленного на социально-философскую рефлексию девиантности творческой деятельности в образовании, ресурсы которого можно использовать для гармонизации социальных отношений. Рассмотрен комплекс социально-культурных стратегий, обеспечивающих эффективность процесса профилактики негативных девиаций, а также их перевода в позитивное русло.

В монографии установлено:

1. Творческая личность определена как интеллектуально активная личность, обладающая творческим мышлением, творческими способностями, и включающая в себя такие характеристики, как: обладание высоким уровнем знаний, стремление к новому, оригинальному и нестандартному в творческой деятельности. Сущность творческой личности характеризуется внутренним устойчивым содержанием, выражающимся в многообразных и противоречивых формах ее бытия. Творческая личность в меньшей степени подвержена ограничивающему влиянию социальных стереотипов, которые у нее не переходят в разряд внутренних запретов и ограничений. Уникальные творческие способности связываются с созданием нового, оригинального продукта, с поиском новых способов деятельности. Наличие уникальных творческих способностей дает возможность творческой личности реализовать свой творческий потенциал в разных видах социальной творческой деятельности. В то же время, уникальные творческие способности часто выступают катализатором конфликта между творческой личностью и социумом. Творческая личность, вплетенная в систему социальных отношений, не исчерпывается репрезентацией социальной общности, в которую она в данный момент включена. Она уникальна лишь при выявлении ее отличий от других. Сущностные особенности такой личности часто выступают катализатором не

только позитивной, но и разрушительной энергии, принимающей форму девиантного поведения.

2. Инновационная социальная творческая деятельность направлена на создание качественно новых общественно значимых ценностей. Творческая деятельность раскрывается как характеристика социальной активности, проявляющейся в разнообразных профессиональных сферах. В качестве критерия определения творческой деятельности использован философский деятельностный подход, в соответствии с которым творческой является форма деятельности человека, направленная на создание качественно новых общественных ценностей. Это дало основание в качестве видов творческой деятельности исследовать дизайн, научную, техническую, художественную, педагогическую, военную, инженерную деятельность.

Не всякий результат творческой деятельности находит признание и одобрение со стороны общества, поскольку может оказаться негуманным по своей сути. Творческая деятельность, вносящая элемент новизны в реальность, не всегда является конструктивной, способствует гармонизации бытия. Результат творческой деятельности может оказаться асоциальным, вызвать регрессивные изменения в окружающей среде и общества, а, следовательно, быть девиантным. Гармонизировать, снять противоречия между девиантными проявлениями творческой деятельности в социуме может система образования, обладающая сегодня всеми необходимыми ресурсами для преодоления негативных девиаций и актуализации позитивных.

3. Творчество представляет собой вид активности, присущей всем видам человеческой деятельности и проявляющейся в самостоятельности мысли, оригинальности суждений, новаторской инициативе. Творчество раскрывается в качестве феномена социальной реальности, представляющего собой деятельность, ориентированную на созидание нового, расширяющего прежние границы существующего и дающую для этого новые возможности. При этом следует учесть, что творчество, как преодоление

существующего и расширение границ для нового, не всегда осуществляется в конструктивной форме. В работе раскрыты сущностные особенности амбивалентности творчества, которые состоят не только в конструктивных, но и в деструктивных формах его проявления. Амбивалентность творчества как социального феномена порождает разные социальные последствия, в том числе явление полярных девиаций.

4. Девиантность определена как социальное явление, выраженное в формах человеческой деятельности, отклоняющихся от общепринятых в обществе норм. Существующие девиации разделены на две полярные группы: позитивные и негативные. Позитивные девиации реализуются в формах нового мышления, новых идей и действий, выходящих за рамки социальных стереотипов. Подобная форма предполагает активность, хотя и выходящую за рамки принятых норм в конкретных исторических условиях, но играющую позитивную роль в прогрессивном развитии общества.

Негативная девиация имеет ярко выраженную антисоциальную направленность. Ее характеризует направленность на разрушение социальных, правовых, морально-этических, эстетических, культурных норм.

5. Установлено, что специфика позитивных девиаций состоит в социально значимых отклонениях от общепринятых норм.

Позитивные девиации рассмотрены как существенный фактор социокультурной модернизации общества, а также специфический способ общекультурной социализации и форма социально-культурного самоутверждения и самореализации. Под девиациями позитивной направленности понимается социальное творчество, разные формы социальной активности и новаторства, которые могут противоречить или не соответствовать сформированным в обществе в конкретных исторических условиях нормам, шаблонам, стандартам, но в то же время нести в себе огромное прогрессивное начало.

В монографии исследованы такие проявления позитивных девиаций, как деятельность новаторов, изобретателей, первооткрывателей в какой-либо сфере знаний, а также социальная творческая деятельность, которые могут противоречить или не соответствовать сформированным в обществе моральным или поведенческим нормам.

6. Феномен креативности раскрыт как способность личности порождать принципиально новые идеи, отклоняться от традиционных схем мышления и творчески подходить к решению конкретных профессиональных задач. Формирование креативности как интеграционной черты личности проявляется в том, что она вкладывает творческое начало во все виды деятельности. Предпосылкой и почвой для внедрения данного принципа в систему образования является творческая деятельность, основы развития которой должны быть эксплицированы в образовательном процессе.

7. Обосновано положение о том, что эффективной альтернативой правовой системе наказания выступает образование, обладающее необходимыми ресурсами и возможностями для системной, методичной и целенаправленной профилактики негативной девиации. Если девиантность представляет собой в той или иной степени отклонение от нормы, то образование в равной мере призвано гармонизировать и «упорядочить» сознание личности. С этой целью в работе предложен комплекс социально-культурных стратегий, обеспечивающих эффективность процесса профилактики девиантного поведения, а также перевода негативных девиаций в позитивное русло. Это гуманизация, гуманитаризация, культурологический принцип и диалогический подход в образовании.

Гуманизация и гуманитаризация, как два доминирующих фактора преодоления девиантности и перенаправления ее в созидательное русло, не существуют сами по себе, а непосредственно связаны с творчеством, с реализацией творческого потенциала. Гармонизировать, направить в созидательное русло про-

явления девиантного можно путем активизации в образовательной среде творческих интенций обучаемых.

Культурологический принцип предполагает включенность индивида в систему общечеловеческой культуры, на основе которой возможно развитие всех сторон личности, формирование целостной картины мира и определение места человека в ней, а также способствование овладением критериями оценки и интерпретации социальных, культурных и природных явлений, обеспечивающих трансляцию человеческого опыта, интериоризацию культурных завоеваний предыдущих поколений.

Диалогический подход в образовании предусматривает толерантное отношение к личности, особый способ взаимоотношений, признание за личностью права свободного самоопределения.

8. В практическом значении монография ориентирована на исследование основных направлений решения проблемы социальной девиантности. Доказано, что решение таких проблем современного общества, как общее снижение уровня духовности, социальное расслоение, деформация моральных и поведенческих стереотипов, невозможно без активизации творческих ресурсов личности и разработки концепции общественного диалога. Результаты исследования тесно связаны с актуальной для украинской социокультурной среды проблемой эффективного использования ресурсов позитивных девиаций в разных видах социальной творческой деятельности и могут быть задействованы в разработке стратегий коррекции девиантного поведения.

ЛИТЕРАТУРА

1. Аванесов Г. А. Криминология / Г. А. Аванесов. — М.: ЮНИТИ, 2005. — 480 с.
2. Алексеев П. В. Философия / П. В. Алексеев, А. В. Панин. — М.: Проспект, 1998. — 568 с.
3. Амбрумова А. Г. Индивидуально-психологические аспекты суицидального поведения / А. Г. Амбрумова // Актуальные проблемы суицидологии. — М.: Моск. НИИ психиатрии, 1978. — С. 40-52.
4. Амбрумова А. Г. Диагностика суицидального поведения / А. Г. Амбрумова. — М.: Наука, 1980. — 48 с.
5. Амбрумова А. Г. Личность. Психология одиночества и суицид / А. Г. Амбрумова // Актуальные вопросы суицидологии. — М.: Московский НИИ психиатрии, 1988.
6. Андреев В. И. Диалектика воспитания и самовоспитания творческой личности / В. И. Андреев. — Казань: Изд. Казанского университета, 1988. — 237 с.
7. Андрушкевич Ф. Глобализационный концепт современных образовательных инноваций (философско-компаративный анализ модернизационных процессов в образовательных системах Украины и Польши) / Ф. Андрушкевич. — К.: Изд-во НПУ имени М. П. Драгоманова, 2011. — 343 с.
8. Аристотель. Сочинения: в 4 т. / Аристотель. — М.: Мысль, 1975-1983.
9. Асеев В. Г. Мотивация поведения и формирование личности / В. Г. Асеев. — М.: Мысль, 1976. — 158 с.
10. Афанасьев В. Девиантное поведение и социальный контроль в условиях кризиса российского общества / В. Афанасьев, Я. Гиллинский. — СПб.: Питер, 1995. — 256 с.
11. Балл Р. А. Психология в радиогуманистической перспективе / Р. А. Балл. — К.: Основа, 2006. — 401 с.
12. Балл Р. А. Психологія розвитку творчої особистості / Р. А. Балл. — К.: ІЗМН, 1999. — 236 с.

13. Балл Р. А. Упрощение систем нормативной регуляции деятельности как феномен тоталитарного и посттоталитарного сознания / Р. А. Балл // *Особистість і народ: Погляд історичної психології: Матеріали Всеукраїнської наукової конференції*. — К.: Т-во психологів України, 1994. — с. 246.
14. Басин Е. Я. Искусство и коммуникация: Очерки из истории философско-эстетической мысли / Е. Я. Басин. — М.: ООО «Издательский центр научных и учебных программ», 1999. — 240 с.
15. Басин Е. Я. Психология художественного творчества / Е. Я. Басин. — М.: Знание, 1985. — 64 с.
16. Бахтин М. М. Эстетические наследия и современность / М. М. Бахтин // *Межвузовский сборник научных трудов: в 2 ч.* — Саранск: Из-во Мордовского ун-та, 1992. — 178 с.
17. Беличева С. А. Основы превентивной психологии / С. А. Беличева. — М.: Редакционно-издательский центр Консорциума «Социальное здоровье России», 1993. — 199 с.
18. Бергсон А. Два источника морали и религии / А. Бергсон; [пер. с фр., послесл. и примеч. А. Б. Гофмана]. — М.: Канон, 1994. — 384 с.
19. Бердяев Н. А. Самопознание. Опыт философской автобиографии / Н. А. Бердяев. — М.: Мысль, 1991. — 352 с.
20. Бердяев Н. А. Смысл истории / Н. А. Бердяев. — М.: Мысль, 1990. — 176 с.
21. Бернал Дж. Наука в истории общества / Дж. Бернал; [пер. с англ.]. — М.: ИЛ, 1956. — 735 с.
22. Библер В. С. От наукоучения к логике культуры: Два философских введения в двадцать первый век / В. С. Библер. — М.: Политиздат, 1990. — 413 с.
23. Білецький В. В. Виправлення девіантної особистості як предмет філософського дослідження: автореф. дис. канд. філос. наук: 09.00.03 / В. В. Білецький. — Донецьк: Донец. нац. ун-т., 2002. — 19 с.
24. Блонский П. П. Избранные педагогические произведения / П. П. Блонский. — М.: АПН РСФСР, 1961. — 695 с.

25. Бляшевська А. Інтенсивні освітні технології. Дидактично-професійний аспект / А. Бляшевська, Т. Бортнюк. — Луцьк: Твердиня, 2009. — 206 с.
26. Бобнева М. И. Социальные нормы и регуляция поведения / М. И. Бобнева. — М.: Наука, 1978. — 256 с.
27. Богоявленская Д. Б. Интеллектуальная активность как проблема творчества / Д. Б. Богоявленская. — Ростов н/Д: Издательство РГУ, 1989. — 176 с.
28. Богоявленская Д. Б. Психология творческих способностей: учебное пособие для студентов высших учебных заведений / Д. Б. Богоявленская. — М.: Академия, 2002. — 320 с.
29. Бойко А. І. Філософія модернізації освіти в системі ринкових трансформацій. Світоглядно-філософський аналіз / А. І. Бойко. — К.: Знання України, 2009. — 379 с.
30. Боксгорн В. В. Креативні методи навчання у дидактичному процесі ВНЗ / В. В. Боксгорн // Матеріали Всеукраїнської науково-практичної конференції «Інноваційні підходи до застосування технологій у соціально-педагогічній роботі» (Черкаси, 15-16 лютого 2009). — С. 23-26.
31. Большакова Л. А. Развитие творчества младшего школьника / Л. А. Большакова // Завуч начальной школы. — 2001. — № 2.
32. Большая советская энциклопедия. — Т. 42. — М., 1956. — С. 54.
33. Боров Ю. Б. Эстетика / Ю. Б. Боров. — М.: Астрель, 2005. — 829 с.
34. Боринштейн Е. Р. Личность: ее языковые ценностные ориентации / Е. Р. Боринштейн, А. А. Кавалеров. — Одесса: Астропринт, 2001. — 163 с.
35. Братерська-Дронь М. Т. Проблеми сучасної філософії: моральний аспект наукової творчості / М. Т. Братерська-Дронь // Культура народів Причорномор'я. — 2004. — № 51. — С. 117-120.
36. Братусь Б. С. Аномалии личности / Б. С. Братусь. — М.: Мысль, 1998. — 301 с.
37. Бубер М. Проблема человека / М. Бубер. — М.: АСТ, 1999. — 232 с.

38. Букш С. А. Творчество как вид социальной деятельности [Электронный ресурс]: дис. канд. филос. наук: 09.00.11 / С. А. Букш. — М.: РГБ, 2005 (Из фондов Российской Государственной Библиотеки).
39. Бурдые П. Социология политики / П. Бурдые. — М.: МГУ, 1990. — 188 с.
40. Василенко Н. И. Глобальные проблемы и общечеловеческие ценности / Н. И. Василенко. — М.: Прогресс, 1990. — 132 с.
41. Василець О. І. Творчість у повсякденних комунікаціях: проблема особистісної відповідальності / О. І. Василець // Вісник національного технічного університету України «Київський політехнічний інститут». Філософія. Психологія. Педагогіка [Текст]: збірка. — 2009. — № 2 (26). — С. 24-30.
42. Васкэ Е. В. Типология субъектов девиантного поведения: дис. канд. филос. наук: 09.00.03 / Е. В. Васкэ. — Новгород, 2000. — 238 с.
43. Вебер М. Наука как призвание и профессия / М. Вебер; [пер. с нем. А. Ф. Филиппова, П. П. Гайденко] // Избранные произведения. — М.: Прогресс, 1990. — С. 712-713.
44. Вебер М. Протестантская этика и дух капитализма / М. Вебер; [Пер. с нем. / сост., общ. ред. и послесл. Ю. Н. Давыдова; предисл. П. П. Гайденко]. — М.: Прогресс, 1990. — 808 с.
45. Велитченко Л. Личность преподавателя ВУЗа в становлении будущих специалистов / Л. Велитченко // Перспективы. № 5. — 1999. — С. 60-69.
46. Венгер А. Л. Психологическое обследование младших школьников / А. Л. Венгер, Г. А. Цукерман. — М.: Владос-Пресс, 2001. — 159 с.
47. Вернадский В. И. Научная мысль как планетарное явление / В. И. Вернадский. — М.: Наука, 1991. — 270 с.
48. Волгин Н. А. Социальная политика / Н. А. Волгин. — М.: Экзамен, 2006. — 734 с.

49. Воспитание трудного ребенка: дети с девиантным поведением: учебно-методическое пособие / под ред. М. И. Рожкова. — М.: Гуманитарный издательский центр ВЛАДОС, 2001. — 240 с.
50. Выготский Л. С. Психология искусства / Л. С. Выготский. — СПб.: Азбука, 2000. — 416 с.
51. Гаврилов О. В. Особливі діти в закладі і соціальному середовищі: навчальний посібник / О. В. Гаврилов. — Кам'янець-Подільський: Аксіома, 2009. — 308 с.
52. Гагарина О. С. Творчество как сущностная характеристика личности: дис. канд. филос. наук: 09.00.11 / О. С. Гагарина. — М., 2008.
53. Галагузова М. А. Девиантное поведение подростков как следствие их образовательной неуспешности / М. А. Галагузова, О. С. Тоистева // Педагогическое образование и наука. — 2007. — № 5. — С. 31-34.
54. Галин А. Психологические особенности творческого поведения – www.gumer.info/bibliotek_Buks/Psihol/galin/index.php
55. Гатанов Ю. Б. Курс развития творческого мышления (по методике Дж. Гилфорда и Дж. Рензулли): первый год обучения (для детей 6-10 лет). — СПб.: ГП «Иматон», 1996. — 84 с.
56. Гегель Г. Лекции по эстетике: в 2 томах / Г. Гегель; [пер. с нем. Б. Г. Столпнера]. — М.: Наука, 2007. — Т. 1. — 624 с.
57. Гегель Г. Феноменология духа / Г. Гегель; [пер. с нем. Б. Г. Столпнера]. — М.: Академический Проект, 2008. — 767 с.
58. Герасимчук И. М. Особенности творчества знаменитых личностей и возможности обучения им / И. М. Герасимчук // Вісник Національного технічного університету України. Київський політехнічний інститут. Філософія. Психологія. Педагогіка. — 2007. — № 2. — Ч. 2.
59. Гершунский Б. С. Философия образования для XXI века / Б. С. Гершунский. — М.: Совершенство, 1998. — 608 с.
60. Гишинский Я. И. Девиантология: социология преступности, наркотизма, проституции, самоубийств и других отклонений [2-е

- изд.] / Я. И. Гишинский. — СПб.: Юридический центр Пресс, 2007. — 528 с.
61. Гишинский Я. И. Социология девиантного поведения и социального контроля / Я. И. Гишинский // Мир России. — 1997. — № 1. — С. 22-29.
62. Гилфорд Дж. Три стороны интеллекта / Дж. Гилфорд // Психология мышления. — М.: Прогресс, 1965. — 525 с.
63. Гоголева А. В. Аддиктивное поведение и его профилактика / А. В. Гоголева. — М.: Московский психолого-социальный институт; Воронеж: Издательство НПО «МОДЭК», 2003. — 240 с.
64. Грехнев В. С. О философии образования / В. С. Грехнев // Философский вестник. — 2009. — № 7. — С. 48-53.
65. Гусинский Э. Н. Введение в философию образования / Э. Н. Гусинский, Ю. И. Турчанинова. — М.: Логос, 2000. — С. 7-8.
66. Даниэль С. Авангард и девиантное поведение / С. Даниэль // Авангардное поведение. — СПб.: Хармсиздат, 1998. — С. 41-46.
67. Даренський В. Мистецтво як феномен людинотворення / В. Даренський // Філософська думка: український науково-теоретичний часопис. — 2009. — № 6. — С. 61-77.
68. Девиантология: (Психология отклоняющегося поведения): учебное пособие для студентов высших учебных заведений. — М.: Академия, 2003. — 288 с.
69. Демиденко В. К. Психологія вищої освіти: навчальний посібник / В. К. Демиденко. — Бердянськ: БДПУ, 2003. — 48 с.
70. Дилс Р. Стратегии гениев / Р. Дилс; [пер. с англ. В. П. Чурсина]. — М.: Класс, 1998. — Т. 1: Аристотель, Ш. Холмс, У. Дисней, В. А. Моцарт. — 272 с.
71. Дильтей В. Описательная психология / Перевод с немецкого Е. Д. Зайцевой под ред. Г. Г. Шпета. — Второе издание. — СПб.: Алетейя, 1996. — 160 с.
72. Дмитриева М. С. Синергетика в науке и наука языком синергетики: сборник статей / М. С. Дмитриева. — Одесса: Астропринт, 2005. — 184 с.

73. Дони́на О. И. Гуманизация образования и воспитания как социально-педагогический феномен / О. И. Дони́на // Педагогическая наука: история, теория, практика, тенденции развития. — 2010. — № 2. www.intellect-invest.org.ua/.../pedagog_editions_e-ma
74. Дружинин В. Н. Психодиагностика общих способностей / В. Н. Дружинин. — М.: Академия, 1996. — 224 с.
75. Дружинин В. Н. Психология / В. Н. Дружинин. — СПб.: Питер, 2001. — 512 с.
76. Дьюи Д. Реконструкция в философии. Проблемы человека / Д. Дьюи; [пер. с англ., послесл. и примеч. Л. Е. Павловой]. — М.: Республика, 2003. — 494 с.
77. Дьюи Д. Школа и общество / Д. Дьюи; [пер. с англ. Г. А. Лучинского]. — М.: Государственное издание, 1924. — 175 с.
78. Дюркгейм Э. Метод социологии / Э. Дюркгейм; [пер. с фр. А. Б. Гофмана] // Издание Международного Университета Бизнеса и Управления. — М.: Издание Международного Университета Бизнеса и Управления, 1996. — С. 256-309.
79. Дюркгейм Э. Самоубийство: социологический этюд / Э. Дюркгейм; [пер. с фр. А. Н. Ильинского]. — СПб.: Союз, 1998. — 234 с.
80. Егоров А. Ю. Расстройства поведения у подростков: клинико-психологические аспекты / А. Ю. Егоров, С. А. Игумнов. — СПб.: Речь, 2005. — 436 с
81. Ершова-Бабенко И. В. Ценностная сфера личности и личностная политравма в свете концепции осевого центрирования. www.nbu.gov.ua/portal/Soc.../ershova.htm
82. Зеленов Л. А. Становление личности / Л. А. Зеленов. — Горький: ВВКИ, 1989. — 187 с.
83. Зелинский А. Ф. Осознаваемое и неосознаваемое в преступном поведении / А. Ф. Зелинский. — М.: Прогресс, 1995. — 213 с.
84. Зелинский А. Ф. Рецидив преступлений / А. Ф. Зелинский. — М.: Прогресс, 1988. — 136 с.

85. Зеньковский В. Проблемы воспитания в свете христианской антропологии / В. Зеньковский. — Изд-во Свято-Владимирского Братства, 1993. — 342 с.
86. Зинченко В. П. Психология доверия / В. П. Зинченко // Вопросы философии. — 1998. — № 7. — С. 76-94.
87. Злобин Н. С. Деятельность, труд, культура / Н. С. Злобин // Деятельность: теории, методология, проблемы. — М.: Политиздат, 1990. — С. 111-128.
88. Змановская Е. В. Девиантология. Психология отклоняющегося поведения / Е. В. Змановская. — М.: Академия, 2003. — 288 с.
89. Зобов Р. А. Становление личности и молодого человека / Р. А. Зобов, А. В. Лисовский. — Л.: Знание, 1987. — 366 с.
90. Ивакин А. А. Диалектическая философия / А. А. Ивакин. — Одесса: Феникс, 2007. — 440 с.
91. Иванов В. Н. Девиантное поведение: причины и масштабы / В. Н. Иванов // Социально-политический журнал. — 1995. — № 2. — С. 47-57.
92. Иванов Н. Г. Нравственность, безнравственность, преступность / Н. Г. Иванов // Государство и право. — 1994. — № 11. — 187 с.
93. Ильин И. А. Путь к очевидности / И. А. Ильин. — М.: Республика, 1993. — 431 с.
94. Кавалеров А. А. Цінність у соціокультурній трансформації / А. А. Кавалеров. — Одеса: Астропринт, 2001. — 221 с.
95. Кавалеров А. І. Молодіжне середовище в його девіантному вимірі: монографія / А. І. Кавалеров, В. О. Долгополок, А. А. Кавалеров. — Одеса: Астропринт, 2005. —
96. Кавалеров А. І. Ціннісно-нормативні детермінанти девіантності / А. І. Кавалеров, А. А. Кавалеров // Перспективи. — 2004. — № 1 (25). — С. 11-16.
97. Каган В. Е. Воспитателю о сексологии / В. Е. Каган. — М.: Педагогика, 1991. — 139 с.

98. Кадієвська І. А. Гуманістичні цінності освіти в контексті глобалізації суспільства / І. А. Кадієвська. — Одеса: Астропринт, 2010. — 173 с.
99. Кадієвська І. А. Цінності освітнього гуманізму в контексті глобалізації: автореф. дис. докт. філос. наук: 09.00.10 / І. А. Кадієвська. — Одеса: Державний заклад «Південноукраїнський національний педагогічний університет імені К. Д. Ушинського», 2011.
100. Калинин В. С. Природа нравственных убеждений / В. С. Калинин. — Горький: Волго-Вятское книжное издательство, 1990. — 122 с.
101. Камю А. Миф о Сизифе / А. Камю; [пер. с фр. В. Ерофеева]. — М.: Фабр, 1993. — 574 с.
102. Канарский А. С. Диалектика эстетического / А. С. Канарский. — К.: Вища школа, 1982. — 192 с.
103. Кан-Калик В. А. К разработке теории общего и профессионального развития личности специалиста в ВУЗе / В. А. Кан-Калик // Формирование личности специалиста в вузе. — Грозный, 1980. — С. 5-13.
104. Кант И. Критика чистого разума / И. Кант; [пер. с нем. Н. Лосского сверен и отредактирован Ц. Арзаканяном и М. Иткиным; примечания Ц. Арзаканяна]. — М., 1994. — 574 с.
105. Кант И. О педагогике / И. Кант; [под ред. А. В. Гулыги] // Трактаты и письма. — М.: Просвещение, 1980. — 328 с.
106. Кантор В. К. Личность и власть в России: сотворение катастрофы / В. К. Кантор // Вопросы философии. — 1998. — № 7. — С. 14-23.
107. Кащенко В. П. Педагогическая коррекция: исправление недостатков характера у детей и подростков / В. П. Кащенко: [2-е изд.]. — М.: Просвещение, 1994. — 223 с.
108. Киселева Т. Г. Основы социально-культурной деятельности / Т. Г. Киселева, Ю. Д. Красильников. — М.: МГУКИ, 1995. — 136 с.

109. Кичук Н. В. Проблемы инновационно-ориентированной подготовки специалиста в современной высшей школе / Н. В. Кичук // Педагогическая наука: история, теория, практика, тенденции развития. — 2010. — № 3.
110. Кичук Н. В. Формирование творческой личности учителя / Н. В. Кичук. — К.: Лыбидь, 1991. — 95 с.
111. Клейберг Ю. А. Психология девиантного поведения: учебное пособие для вузов / Ю. А. Клейберг. — М.: ТЦ Сфера, при участии «Юрайт-М», 2001. — 160 с.
112. Ключева С. Д. Девиантность творческой личности: дис. канд. филос. наук: 09.00.03 / С. Д. Ключева. — Одесса, 2007.
113. Ковалева А. И. Концепция социализации молодежи: нормы, отклонения, социализационная траектория / А. И. Ковалева // Социологические исследования. — 2003. — № 1. — С. 109.
114. Ковалева А. И. Социализация личности: нормы и отклонения / А. И. Ковалева // Социс. — 1998. — № 5. — С. 87-94.
115. Колесников В. А. Образование как способ личностной самореализации человека [Электронный ресурс]: дис. доктора филос. наук: 09.00.11. / В. А. Колесников. — Иркутск: РГБ, 2006. (Из фондов Российской Государственной Библиотеки).
116. Комарова Э. И. Личность как субъект социального развития / Э. И. Комарова // Социально-политические науки. — 1998. — № 4-5. — С. 31.
117. Коменский Я. А., Д. Локк, Ж.-Ж. Руссо, И. Г. Песталоцци. Педагогическое наследие; [сост. В. М. Кларин, А. Н. Джуринский]. — М.: Педагогика, 1989. — 416 с.
118. Кон И. С. В поисках себя: личность и ее самосознание. — М.: Политиздат, 1984. — 335 с.
119. Кон И. С. Психология ранней юности / И. С. Кон. — М.: Просвещение, 1989. — 254 с.
120. Кормушкин А. От патологии до эвропатологии (о связи гениальности и психопатологии) / А. Кормушкин // Человек. — 2008. — № 1. — С. 10-23.

121. Короленко Ц. П. Семь путей к катастрофе (Деструктивное поведение в современном мире) / Ц. П. Короленко, Т. А. Донских. — Новосибирск, 1990. — 224 с.
122. Костюк Г. С. Принцип развития в психологии / Г. С. Костюк // Методологические и теоретические проблемы психологии; [под ред. Е. В. Шороховой]. — М.: Наука, 1969. — С. 118-152.
123. Кравченко А. И. Социология / А. И. Кравченко, В. Ф. Анурин. — Спб.: Питер. — 2005. — 241 с.
124. Красавин С. В. Діалектичний синтез у дослідженні феномену творчості: автореф. канд. філос. наук: 09.00.03. — К.: Київський університет імені Т. Г. Шевченка, 2000.
125. Креативное мышление в бизнесе; [пер. с англ. Н. Скворцовой] / Т. М. Амабайл, Д. Леонард, Дж. Рейпорт. — М.: Альпина Бизнес Букс, 2011. — 227 с. — (Серия: «Классика Harvard Business Review»).
126. Кремень В. Г. Философия / В. Г. Кремень, Н. И. Горлач. — Харьков: Прапор, 2004. — 638 с.
127. Кривцун О. А. Эстетика / О. А. Кривцун. — М.: Аспект Пресс, 1998. — 269 с.
128. Крысько В. Г. Психологический словарь-справочник / В. Г. Крысько. — Мн.: Харвест; М.: АСТ, 2001. — 172 с.
129. Кучер Т. А. Творча діяльність як основа самореалізації особистості / Т. А. Кучер. <http://iifro.pp.net.ua/publ/11-1-0-85>
130. Лапшин И. И. Философия изобретения и изобретение в философии: введение в историю философии / И. И. Лапшин. — М.: Республика, 1999. — 399 с.
131. Ларцев В. С. Социальные и культурные детерминанты формирования личности / В. С. Ларцев. — К.: Принт-Экспресс, 2002. — 430 с.
132. Левченко О. А. Творчество и креатотерапия / О. А. Левченко. — Луганск: Изд-во Восточноукраинского гос. ун-та, 1998. — 307 с.
133. Леонтьев А. Н. Деятельность. Сознание. Личность / А. Н. Леонтьев. — М., Политиздат, 1975. — 304 с.

134. Леонтьев А. Н. Потребности, мотивы и эмоции / А. Н. Леонтьев. — М.: Издательство МГУ, 1972. — 39 с.
135. Лиханов А. А. Гениальность: божий дар или наказание? / А. А. Лиханов // Человек. — 2008. — № 1. — С. 5-10.
136. Ломброзо Ч. Гениальность и помешательство / Ч. Ломброзо. — М. Наука, 1996. — 398 с.
137. Ломов Б. Ф. Методологические и теоретические проблемы психологии / Б. Ф. Ломов. — М.: Наука, 1969. — 376 с.
138. Лосев А. Диалектика творческого акта (краткий очерк). Контекст 81: Литературно-теоретические исследования. — М.: Наука, 1991. — С. 48-79.
139. Лотман Ю. М. Семантика числа и тип культуры / Ю. М. Лотман // Семиосфера. — СПб.: Искусство-СПб., 2000. — 127 с.
140. Майерс Д. Социальная психология / Д. Маерс. — СПб.: Питер, 1997. — 688 с.
141. Майсак Н. В. Матрица социальных девиаций: классификация типов и видов девиантного поведения / Н. В. Майсак // Современные проблемы науки и образования. — 2010. — № 4. — С. 78-86.
142. Макаренко А. С. Методика организации воспитательного процесса / А. С. Макаренко. — М.: Просвещение, 1988. — 190 с.
143. Малахін Ю. В. Організація самостійної навчальної діяльності студентів в вищих педагогічних навчальних закладах: теоретико-методологічний аспект / Ю. В. Малахін. — Кривой Ріг: Видавничий дім, 2009. — 306 с.
144. Маслов А. О. Маргінальна особистість як предмет соціально-філософського аналізу: автореф. дис. канд. філос. наук: 09.00.03 / А. О. Маслов. — К.: АПН України. Ін-т вищої освіти, 2004. — 19 с.
145. Маслоу А. А. Теория человеческой мотивации / Маслоу А.; [пер. с англ. Татлыбаевой А. М.] // Мотивация и личность. — СПб.: Евразия, 1999. — С. 77-105.
146. Матюшкин А. М. Загадки одаренности / А. М. Матюшкин. — М.: Школа-пресс, 1993. — 128 с.

147. Матюшкин А. М. Концепция творческой одаренности / А. М. Матюшкин // Вопросы психологии. — 1989. — № 6. — С. 29-33.
148. Менделевич В. Д. Психология девиантного поведения / В. Д. Менделевич. — М.: Медпресс, 2001. — 432 с.
149. Мертон Р. К. Социальная структура и аномия / Р. К. Мертон; [пер. с фр. Е. А. Самарской; редактор перевода М. Н. Грецкий] // Социология преступности (современные буржуазные теории). — М.: Прогресс, 1966. — С. 299-313.
150. Мертон Р. Моральный выбор / Р. Мертон. — М.: МГУ, 1990. — 188 с.
151. Міщиха Л. П. Креативний продукт у структурі творчої діяльності особистості / Л. П. Міщиха, С. П. Дем'янчук // Збірник наукових праць: філософія, соціологія, психологія. — 2008. — Випуск 13. — Частина 1. — С. 11-13.
152. Міщиха Л. Становлення сакрального розуміння поняття «творчий потенціал» в європейській філософії. www.nbuv.gov.ua/portal/natural/vpnu/filos_psihol/2009_12/7.pdf
153. Мысик И. Г. Философские основания лингвистического времени / И. Г. Мысик. — Одесса: Феникс, 2009. — 254 с.
154. Моисеев Н. Н. Новая цивилизация начинается с образовательных программ / Н. Н. Моисеева // Экология и жизнь. — 2011. — № 8 (117). — С. 4-8.
155. Моляко В. А. Здібності, творчість, обдарованість / В. А. Моляко, О. А. Музика // Теорія, методика, результати досліджень. — Житомир: Рута, 2006. — 320 с.
156. Моляко В. А. Психология творческой деятельности / В. А. Моляко. — К.: Знание УССР, 1978. — 48 с.
157. Мотков О. И. Психология самопознания личности / О. И. Мотков. — М.: Треугольник, 1993. — 97 с.
158. Муратова І. А. Освіта і філософське осягнення творчості / І. А. Муратова // Вісник НТУУ — Філософія. Психологія. Педагогіка. — 2007. — Випуск 2. — С. 8.

159. Николко В. Н. Творчество как новационный процесс. Философско-онтологический анализ / В. Н. Николко. — Симферополь: Таврия, 1990. — 192 с.
160. Ницше Ф. По ту сторону добра и зла / Ф. Ницше; [пер. с нем]. — Мн.: Попурри, 1997. — 544 с.
161. Ніколаєнко С. М. Теоретико-методологічні основи управління інноваційним розвитком системи освіти в Україні / С. М. Ніколаєнко. — К.: Київський національний торговельно-економічний університет, 2008. — 419 с.
162. Нісімчук К. Технології виховання: морально-етичний аспект / К. Нісімчук, А. Нісімчук. — Луцьк: Твердиня, 2009. — 177 с.
163. Новиков Б. В. О гуманизме и антигуманизме / Б. В. Новиков. — К.: ІВЦ «Політехніка», 2001. — 272 с.
164. Огурцов А. П. Образы образования. Западная философия образования. XX век / А. П. Огурцов, В. В. Платонов. — СПб.: РХГИ, 2004. — 520 с.
165. Одинець О. А. Творча діяльність – умова формування розвитку особистості майбутніх фахівців / О. А. Одинець // Формування всебічно розвинутої особистості. — 2011. — С. 142-149.
166. Ортега-и-Гассет Хосе. Восстание масс / Хосе Ортега-и-Гассет; [пер. А. М. Гелескула]. — М.: АСТ, 2003. — 328 с.
167. Патаки Ф. Некоторые проблемы девиантного (отклоняющегося) поведения / Ф. Патаки // Психологический журнал. — 1987. — Т. 8. — № 4. — С. 92-102.
168. Педагогика: педагогические теории, системы, технологии: учебное пособие для студентов сред. пед. учеб. заведений / С. А. Смирнов, И. Б. Котова, Е. Н. Шиянов, Т. И. Бабаева и др.; [под ред. С. А. Смирнова]. — М.: Академия, 1998. — 512 с.
169. Петрушин В. И. Музыкальная психология: учебное пособие для студентов и преподавателей / В. И. Петрушин. — М.: ВЛАДОС, 1997. — 384 с.
170. Плахов В. Д. Социальная норма и отклонения / В. Д. Плахов // Социс. — 1995. — № 11. — С. 131-134.

171. Пономарев Я. А. Психология творчества / Я. А. Пономарев. — М.: Наука, 1976. — 304 с.
172. Пономарева А. В. Методологические подходы к развитию социальной успешности молодежи / А. В. Пономарева // Экспериментальная деятельность в учреждениях профессионального образования: педагогический вестник: сборник научно-методических работ. — Магнитогорск: МГППК, 2009. — Выпуск 19. — С. 99-101.
173. Пономарева А. В. Ориентация студентов педагогического отряда на духовно-нравственные ценности в социально-культурной деятельности / А. В. Пономарева // Вестник Института культуры детства: материалы научно-практической конференции «XXI век: духовно-нравственное становление личности в условиях современного образовательного пространства». — Выпуск 11. — 2010. — С. 117-124.
174. Посталюк Н. Ю. Проектирование инновационных образовательных систем: региональный аспект. Psychology.narod.ru/121.htm
175. Психология творчества и творчество в психологии. www.superidea.ru/tm/ps/yarosh.htm
176. Психология: словарь; [под ред. А. В. Петровского, М. Г. Ярошевского]. — М.: Политиздат, 1990. — 494 с.
177. Психолого-педагогические аспекты учебного процесса в школе / под ред. С. Д. Максименко. — К.: Рад. школа, 1983. — 176 с.
178. Пунченко О. П. Образование в системе философских ценностей / О. П. Пунченко, Н. О. Пунченко. — Одесса, 2010. — 505 с.
179. Радугин А. А. Социология / А. А. Радугин, К. А. Радугин. — М.: Центр, 1999. — 160 с.
180. Ремшмидт Х. Подростковый и юношеский возраст: проблемы становления личности / Х. Ремшмидт; [пер. с нем. Г. И. Лойдиной]. — М.: Мир, 1994. — 320 с.

181. Ричард Тэннер Паскаль, Джерри Стерни Trainings.ru – тренінги, семінари, обучение и развитие персонала в ваших организациях teoria-practica.ru/-1-2011/sociologiya/snimtchikova.pdf
182. Рогалева Е. А. Эпатаж в XX веке: теория игры в анализе эпатажа / Е. А. Рогалева // Вестник Самарского государственного университета. Социология. — № 3. — 2001. — С. 37-39.
183. Романенко М. І. Гуманізація освіти: концептуальні проблеми та практичний досвід / М. І. Романенко. — Дніпропетровськ: Промінь, 2001. — 160 с.
184. Ронгинская Т. И. Изменение системы личностных характеристик в процессе адаптации студентов: автореф. дис. канд. псих. наук / Т. И. Ронгинская. — Л., 1987. — 16 с.
185. Рубанець О. М. Творчість та когнітивна активність людини nbuv.gov.ua/portal/soc_gum/VKPI_fpp/2009-2/27_Rubanec.pdf
186. Рубинштейн С. Л. Основы общей психологии / С. Л. Рубинштейн. — СПб.: Питер, 2002. — 720 с.
187. Ручка А. А. Социальные ценности и нормы / А. А. Ручка. — К.: Наукова думка, 1976. — 151 с.
188. Самчук З. Ф. Світоглядні основи соціально-філософського дослідження ідеології: проблема критеріїв та пріоритетів вибору: у 2 т. / Зореслав Самчук. — 2009. — Т. 1. — 553 с.
189. Сवादковский И. Ф. Платон и древнегреческое воспитание / И. Ф. Сवादковский // Педагогическое образование. — 1936. — № 4.— С. 2.
190. Сегалин Г. В. Основные задачи эврико-патологии, как учения о патологии гениальности и патологии творчества / Г. В. Сегалин // Уральский врач. — 1922. — № 3. — С. 65.
191. Сегалин Г. В. Патогенез и биогенез великих и замечательных людей / Г. В. Сегалин //Клинический архив гениальности и одаренности (европатологии). — 1925. — Т. 1. — Вып. 1. — С. 26.
192. Сегалин Г. В. Сокращенный вариант доклада, прочитанного Г. В. Сегалиным на заседании медицинского факультета Уральского университета 18 февраля 1921 года. <http://pathographia.narod.ru>.

193. Симонов В. П. Темперамент. Характер. Личность / В. П. Симонов, П. М. Ершов. — М.: Наука, 1981. — 153 с.
194. Сеницын Е. Тайна творчества гениев – www.s-genius.ru/vse_knigi/priznanie.htm
195. Словарь практического психолога / сост. С. Ю. Головин. — Минск: Харвест, 1997. — 662 с.
196. Смелзер Н. Социология / под ред. В. А. Ядова. — М.: Феникс, 1994. — 688 с.
197. Снимщикова Э. В. Самоактуализация и позитивные девиации личности – характер взаимосвязи / Э. В. Снимщикова // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. — 2011. — Вып. № 1. Электронное периодическое издание
198. Соловьев В. С. Творчість як філософсько-антропологічна проблема: автореф. дис. канд. філос. наук: 09.00.03 / В. С. Соловьев. — К.: Інституті філософії імені Г. С. Сковороди НАН України, 2003. — 24 с.
199. Сорокин А. А. Идеальное. Творчество и развитие человека / А. А. Сорокин // Вопросы философии. — 2009. — № 6. — С.25-28.
200. Социальная педагогика: учебное пособие для студ. высш. учеб. заведений / под ред. В. А. Никитина. — М.: ВЛАДОС, 2000. — 272 с.
201. Социология / под ред. В. А. Ядова. — М.: Феникс, 1994. — 688 с.
202. Социология / под ред. В. И. Курбатова. — Р/н-Д, 1998. — 292 с.
203. Социология / Ю. Г. Волков, В. И. Добренъков, В. Н. Нечипуренко, А. В. Попов. — М.: Гардарики, 2003. — 512 с.
204. Соціальна робота в Україні: навч. посібник / І. Д. Зверева, О. В. Безпалько, С. Я. Харченко та ін.; [за заг. ред.: І. Д. Звереві, Г. М. Мектіонової]. — К.: Центр навчальної літератури, 2004. — 256 с.
205. Стариков Е. Маргиналы и маргинальность в советском обществе / Е. Стариков // Рабочий класс и современный мир. — М., 1989. — № 4. — С.142-155.

206. Сынах А. А. Познание как творчество и творчество как познание / А. А. Сынах // *Філософські науки: Збірник наукових праць*. — Суми: СумДПУ ім. А. С. Макаренка, 2008. — С. 148-155.
207. Е. Сеницын, О. Сеницына. Тайна творчества гениев. www.s-genius.ru/vse_knigi/priznanie.htm
208. Тарадюк Н. Интеллектуальні технології: рефлексивно-креативний аспект / Н. Тарадюк, А. Бляшевська. — Луцьк: Твердиня, 2009. — 168 с.
209. Ткач Т. В. Освітній простір особистості / Т. В. Ткач. — К.: Ін-т психології ім. Г. С. Костюка, 2008. — 272 с.
210. Тревога и надежда: в 2 т. / сост. Боннэр Е. — М.: Время, 2006. — Т. 1: Статьи. Письма. Выступления. Интервью (1958—1986).
211. Тульчинский Г. Г. Новая антропология: личность в перспективе постчеловечности / Г. Г. Тульчинский // *Вопросы философии*. — 2009. — № 4. — С. 41-56.
212. *Философия* / В. Г. Кузнецов, И. Д. Кузнецова, В. В. Миرونнов, К. Х. Момджян. — М.: Инфра-М, 2009. — 528 с.
213. *Философская энциклопедия: в 5 т. / гл. ред. Ф. В. Константинов*. — М.: Советская энциклопедия, 1979. — Т. 5. — 740 с.
214. Флоренский Павел. Храмовое действо как синтез искусств + Небесные знамения (размышление о символике цветов) / Павел Флоренский. — Сергиев Посад: РПЦ, 1999.
215. Фрейд З. Психология бессознательного / З. Фрейд; [пер. с нем.]. — М.: Просвещение, 1990 — 448 с.
216. Фрейд З. Я и Оно / З. Фрейд; [пер. с нем.]. — Тбилиси: Мерани, 1991. — 427 с.
217. Фролов С. С. Социология / С. С. Фролов. — М.: Наука, 1994. — 256 с.
218. Фромм Э. Бегство от свободы / Э. Фромм; [пер. с англ. А. Лактионова]. — М.: АСТ МОСКВА, 2009. — 284 с.
219. Фукуяма Ф. О моральном возрождении современной Америки / Ф. Фукуяма // *Интеллектуальный форум*. — 2002. — № 8. — С. 170-173.

220. Хрипко С. Ціннісні акценти духовно-креативних тенденцій освітньої культури в сучасній Україні / С. Хрипко, К. Пасько. — К.: НПУ ім. М. П. Драгоманова, 2011. — 260 с.
221. Хрусталеv А. Ф. Методы совершенствования фундаментального образования в школах и ВУЗах / А. Ф. Хрусталеv // Материалы XI международной научно-методической конференции. — Севастополь: НТУ, 2007. — 164 с.
222. Цибра М. Ф. Метаноія: Філософсько-етичний аспект / М. Ф. Цибра. — Одеса: Астропринт, 2004. — 254 с.
223. Чаплигін О. К. Творчий потенціал людини як предмет соціально-філософської рефлексії: автореф. дис. доктора філос. наук: 09.00.03 / О. К. Чаплигін. — Харків: Харківський військовий університет, 2002.
224. Чепіль М. Педагогічні технології / М. Чапіль, Н. Дуднік. — Дрогобич, 2009. — 244 с.
225. Чудновский В. Э. Одаренность: дар или испытание / В. Э. Чудновский. — М.: Знание, 1990. — 80 с.
226. Чукин С. Г. «Хорошее общество» и его противники: к проблеме концептуализации ценностей в социальной науке / С. Г. Чукин // Вопросы философии. — 2009. — № 5. — С. 36-46.
227. Шпачинський І. Л. Творчий потенціал особистості і його реалізація в умовах трансформації суспільства: автореф. дис. канд. філос. наук: 09.00.03 / І. Л. Шпачинський. — Одеса: Південноукраїнський державний педагогічний університет імені К. Д. Ушинського, 2006.
228. Шпенглер О. Закат Европы. Причинность и судьба / О. Шпенглер. — Прага, 1923. — Т. 1. — Ч. 1.
229. Шпрангер Э. Два вида психологии www.psychology-online.net/.../doc-1155.htm
230. Штерн В. Умственная одаренность / В. Штерн; [пер. с нем.]. — СПб.: Союз, 1997. — 128 с.
231. Шумакова С. Е. Комплексное развитие творческих способностей студентов-дизайнеров в профессионально-педагогическом

- вузе: дис. канд. пед. наук / С. Е. Шумакова. — Екатеринбург, 2005.
232. Щекина Е. П. Деструкция как философия креативности в теориях классического авангарда – www.culturalnet.ru/main/getfile/1082
233. Эфроимсон В. П. Загадка гениальности / В. П. Эфроимсон. — М.: Знание, 1991. — 45 с.
234. Яковлев Е. Г. Эстетика / Е. Г. Яковлев. — М.: Гадарика, 2003. — 463 с.
235. Яковлева И. В. Социально-философский анализ проблем развития российского высшего образования: гуманистические и гуманитарные аспекты: дис. канд. филос. наук: 09.00.11 / И. В. Яковлева. — М.: РГБ, 2005. — 151 с.
236. Benner D. Erziehungswissenschaft 1976. Fortschritt oder Rückschritt im Bereich pädagogischer Theoriebildung und Forschung (1977) / Benner D.: Studien zur Theorie der Erziehungswissenschaft. Weinheim [u.a.]: Juventa-Verl., 1994.
237. Врьгелmann Н. Lernziele im offenen Curriculum / Brgelmann Н. // Thema Curriculum. Beiträge zur Theorie und Praxis / Arbeitskreis Curriculum (Hg.). — Н. 2. — 1972.
238. Gudjons H. Handlungsorientiert lehren und lernen: Projektunterricht u. Schuleraktivitt / Gudjons H. — Bad Heilbrunn / Obb.: Klinkhardt, 1986.
239. Lenzen D. Offene Curricula – Leidensweg einer Fiktion / Lenzen D. // Jahrbuch der Erziehungswissenschaft. — Stuttgart, 1976.
240. Nehles R. Offenheit, pädagogisches Engagement ohne Theorie? Eine Darstellung und Analyse von pädagogischen Konzepten der Offenheit, insbesondere der offenen Curricula / Nehles R. — Bern: Lang, 1981.
241. Ramseger J. Offener Unterricht in der Erprobung: Erfahrungen mit einem didaktischen Modell / Ramseger J. — München: Juventa-Verl., 1977.
242. Wagner A. C. Selbstgesteuertes Lernen im offenen Unterricht – Erfahrungen mit einem Unterrichtsversuch in der Grundschule

(1978) / Wagner A. C. // Konzeptionen des Grundschulunterrichts / Bearb. von Wolfgang Einsiedler. Bad Heilbrunn / Obb.: Klinkhardt, 1979.

243. Wiater W. Mitwirken und Mitgestalten. Schulen in der gesamten Verantwortung von Lehrern und Schlern / Wiater W., Lohrenz H. Bad Heilbrunn / Obb.: Klinkhard, 1980.

ДОПОЛНЕНИЕ
Матрица социальных девиаций,
структурированная по степени социальной одобряемости

Тип поведения по характеру направленности	Разновидности девиантного поведения по степени социальной одобряемости		Социально-нейтральное (не представляющее общественной или опасной или с неоднозначными критериями оценки)	Социально-одобряемое и просоциальное (адаптированное к нормам определенной социальной группы)	Социально-асоциальное (отклоняющееся от морально-правственных норм)	Социально-антисоциальное (отклоняющееся от правовых норм)	
	2	3					4
Конструктивное		Виды и подвиды девиантного поведения по характеру проявлений	Художественное творчество	1. инноваторская худ. и артистическая деятельность; 2. создание эротической литературы и живописи; 3. муральная живопись; 4. юмор, шарж, пародия, карикатура; 5. креативный и ультрамодный имидж; 6. татуаж; боди-арт	1. граффити; 2. татуаж, боди-арт; «черный юмор» и «саdistские» стишки; 3. карикатура; 4. "желтая" журналистика; 5. приверженность к творческим субкультурам («ролевики», фанклубы, музыкальные субкультуры)	1. граффити агрессивного и порочащего характера; 2. «черный юмор» и садистские стишки; 3. карикатура; 4. "желтая" журналистика (пасквилы и инсинуации в прессе)	1. антисоциальная пропаганда с использованием ху-дожественных средств; 2. граффити как хулиганские действия

Конструктивное	Творческое	Научное творчество	1. различные виды научной деятельности; 2. новаторство	1. клонирование; 2. ЭКО (экстракорпоральное оплодотворение); 3. пересадка донорских органов; 4. пластическая хирургия	1. изобретательство в корыстных целях	1. изобретательство в корыстных целях
		Техническое творчество	1. моделирование; 2. изобретательство; 3. рационализаторство	1. моделирование; 2. изобретательство; 3. рационализаторство	1. изобретательство в корыстных целях	1. изобретательство в корыстных целях
		Организационное творчество	1. активная организационная деятельность; создание бизнеса, политических партий, общественных организаций и движений; 2. туризм	1. создание бизнеса, политических партий, общественных организаций и движений; 2. туризм	1. непродуктивная, деструктивная орг. Деятельность; 2. девиации стиля поведения, общения и профессиональной деятельности	1. создание преступных сообществ; 2. работорговля; 3. рейдерство, пиратство, бандитизм как организованная преступность
		Компьютерное творчество	1. компьютер. Графика, графический дизайн, компьютер. Инженерия; 2. создание сайтов знакомств	1. создание сайтов знакомств	1. создание порносайтов; 2. распространение порнографии; 3. проституция в Интернет	1. киберпреступления (хакинг, распространение порнографии и др. Интернет-преступления)

1	2	3	4	5	6	7
Аутодеструктивное	Аллитивное (зависимое)	Нехимическая зависимость	<ol style="list-style-type: none"> 1. трудоголизм, колл-лекционирование, шопинг; 2. фэйсбилдинг, бодибилдинг; фитнес; 3. приверженность к молодежным субкультурам (ролевика, эмо, готы, сатанисты, металлисты и пр.) 	<ol style="list-style-type: none"> 1. приверженность к маргинальным субкультурам; 2. ониомания; 3. необычные способы достижения удовольствия («паранойя здоровья», «жажда острых ощущений», экстрим); 4. религиозный, музыкальный, спортивный и пр. виды фанатизма, киберадикции (геймерство, компьютерная, Интернет-зависимость); 5. нарушения пищевого поведения; 6. перфекционизм 	<ol style="list-style-type: none"> 1. побег из дома и бродяжничество; 2. нарциссическое поведение; 3. сутяжничество, кверулянтство; 4. аномалии сексуального поведения (гомосексуализм, виртуальная проституция и пр.); 5. гемблинг; 6. лудомания 	<ol style="list-style-type: none"> 1. сверхценные психологические и психопатологические увлечения; 2. kleptomания, пиромания, дромовидности маний; 3. сексуальные перверсии (вуайеризм, эксгибиционизм и пр.)
		Химическая зависимость	<ol style="list-style-type: none"> 1. употребление спиртных напитков; 2. табакокурение, курение каальяна; 3. легализация наркотиков и наркотич. веществ в разные эпохи и в разных странах 	<ol style="list-style-type: none"> 1. табакокурение; 2. употребление спиртных напитков 	<ol style="list-style-type: none"> 1. алкоголизация, наркотизация; 2. злоупотребление веществами, вызывающими измененное состояние сознания 	<ol style="list-style-type: none"> 1. алкоголизация, наркотизация, токсикомания

	Аутодеструктивное	Суицидальное		<p>1. татуаж, пирсинг, модификации тела;</p> <p>2. экстремальные виды спорта, туризма, увлечений (альпинизм и пр.);</p> <p>3. профессиональная деятельность с высоким риском для здоровья и жизни (каскадер, летчик-испытатель, спасатель, шахтер и пр.)</p>	<p>1. фобии;</p> <p>2. самоповреждающие действия (татуаж, пирсинг, шрамирование, модификации тела);</p> <p>3. аутистическое, нарциссическое, фанатическое поведение;</p> <p>4. стритрейсинг, паркур, дриблдинг и пр. экстремальные виды увлечений;</p> <p>5. приверженность к современным субкультурам: эмо, готы, сатанисты, байкеры</p>	<p>1. агрессивное, зависимое, аутистическое, виктимное, фанатическое поведение;</p> <p>2. бродяжничество, профессиональное нищенство;</p> <p>3. социальный паразитизм</p> <p>4. суицидальные попытки и демонстративный суицид</p>	<p>1. алкоголизм, наркотизация;</p> <p>2. аддиктивное и виктимное поведение;</p> <p>3. дромомания;</p> <p>4. расстройтва социального функционирования;</p> <p>5. психопатологические реакции и увлечения;</p> <p>6. сексуальные девиации (садизм, мазохизм, садомазохизм);</p> <p>7. мании</p>
		Суицид		<p>1. эвтаназия</p>	<p>1. эвтаназия;</p> <p>2. демонстративный и завершённый суицид</p>	<p>1. самоубийство как метод терроризма, действия шахидов</p>	

1	2	3	4	5	6	7
Внешнедеятельное	Противоправное	Административные правонарушения	1. действия в защиту чести и достоинства	1. нежелание решать личные, семейные и производственные проблемы; 2. уклонение от гражданского долга и обязанностей	1. мелкое хулиганство и воровство; 2. уклонение от выполнения гражданских обязанностей и долга; 3. нежелание решать личные и социальные проблемы	1. неисполнение гражданских обязанностей и долга (уклонение от выплаты алиментов; тунеядство; уклонение от воспитания и обучения детей)
		Делинквентное (предпреступное)	1. агрессивные действия и убийство с целью самозащиты и самообороны	1. непослушание; 2. подростковые реакции оппозиции, группирования; 3. гиперактивность с синдромом дефицита внимания; 4. самозащита и самооборона; 5. элитажная оппозиционность; 6. социальный паразитизм; 7. попрошайничество и нищенство	1. крайнее непослушание; 2. лживость, мелкое воровство; 3. вандализм; 4. агрессивность, победы из дома и бродяжничество; 5. дерзость; 6. сквернословие; 7. враждебность к окружающим, учителям и родителям, жестокость к младшим и животным; 8. профессиональное нищенство	1. вандализм; 2. воровство; 3. гебоидное поведение

Внешнедеструктивное	Противоправное	Криминальное (преступное)	<p>1. Убийство во время войны;</p> <p>2. вендетта в средневековые и в некоторых современных государствах;</p> <p>3. инфантицид в древних цивилизациях</p>	<p>1. действия с целью самозащиты и обороны</p>	<p>1. преступления корыстной и агрессивной направленности; 2. сводничество и сутенерство;</p> <p>3. проституция взрослая и детская</p>	<p>1. преступления против личности и группы, корыстной (воровство, махинации, хакерство и др.) и агрессивной (хулиганство, вандализм, грабеж, разбой, убийства и пр.) направленности;</p> <p>2. преступления на сексуальной почве;</p> <p>3. сутенерство;</p> <p>4. проституция взрослая и детская;</p> <p>5. вовлечение в деструктивные секты (культы)</p>
Внешнедеструктивное	Коммуникативные девиации		<p>1. коммуникативные особенности личности, воспринимаемые как "чужаковатость"</p>	<p>1. гипербобщительность, аутизация;</p> <p>2. вегетативность;</p> <p>3. незстетичный имидж; ревность;</p> <p>4. приверженность к маргинальным субкультурам (религиозным, политическим, музыкальным, спортивным);</p> <p>5. реакции эмансипации, группирования, оппозиции</p>	<p>1. нарушение этикета;</p> <p>2. сквернословие;</p> <p>3. проявление жадности, жестокости, зависти, лживости, хитрости, эгоизма;</p> <p>4. нарциссическое поведение;</p> <p>5. нигилизм;</p> <p>6. эпатажный или неэстетичный имидж;</p> <p>7. оппозиционность;</p> <p>8. манипулирование окружающими</p>	<p>1. активный отказ от жизни в "объективной реальности";</p> <p>2. эксплозивные, делириозные, параноидные реакции;</p> <p>3. расстройствасексуального предпочтения;</p> <p>4. сутяжничество, кверулянтство;</p> <p>5. редукция проф. обязанностей</p>

Научное издание

И.А. Кадиевская
Е.В. Каранфилова

ДЕВИАНТНОСТЬ ТВОРЧЕСТВА
В ОБРАЗОВАНИИ

Монография

Заведующая редакции Е.В. Балановская
Редактор В.С. Колесников
Технический редактор С.С. Смирнов
Дизайнер обложки Д.Ф. Тимофеев
Корректор А.В. Марков

Отдано в печать 29.11.2013. Подписано в печать 04.12.2013
Формат 60x84/16. Бумага офсетная. Гарнитура «Times». Печать офсетная.
Усл.печ.л. 8,5. Тираж 300 экз. Зак.№6674.

Напечатано с готового оригинал-макета
в типографии «ВМВ», пр-т Добровольского, 82-А
тел. (048) 751-14-87